

Сергей Кузнецов Мраморный Рай

Аннотация

Роман повествует о вольном сталкере - искателе книг для Полиса по прозвищу Бум. Волею судьбы, он сталкивается со странными...

Сергей Кузнецов Мраморный Рай

Глава 1. ПОВЕРХНОСТЬ

«А доллар-то упал. Как все хорошо шло и ничто не предвещало беды», - подумал Бум, бросив косой взгляд на чудом сохранившуюся табличку обменного пункта, где навечно застыл текущий курс валют последнего дня мира.

Собственно черт с ним, с долларом и этим прошлым, которое не вернуть. Беспокоило его сейчас другое. Рассвет. Безжалостный лик светила поднимался из-за линии горизонта где-то там, за руинами города. Его не было видно, но отблески первых лучей в уцелевших стеклах еще стоявших зданий, уже напоминали о том, что они идут выжигать все живое. Лиловые оттенки светлеющего неба били по нервам. Он торопливо двигался к большому зданию. Это некогда был жилой многоэтажный и многоподъездный дом. День видимо придется переждать в нем. Уже сейчас космическое излучение проникало сюда через нависшую над городом озоновую дыру. Когда взойдет солнце, уже не будет вообще никаких шансов. Ничто его не спасет. Ни тяжелый панцирный костюм, хороший только при стычках с всякими когтистыми тварями, живущими на поверхности, ни маска, предохраняющая от

всякой дряни и радиоактивной пыли в том числе. Бум пересекал широкий проспект, в очередной раз мысленно выражая благодарность крысам. Тем самым, которых все ненавидели и старались истребить. Обычным крысам конечно, а не мутантам всяким. Он-то знал, что обычные крысы чувствуют рентгеновское излучение. Есть у них в организме что-то, что позволяет им ощущать это излучение как запах, от которого надо держаться подальше. И он уважал крыс за это. Эти зверушки, наверное, единственные существа, которые умудрились обитать в двух средах, как впрочем, и он, вольный сталкер Московского метро – Сергей Маломальский по прозвищу «Бумажник» или просто Бум. Они, как и он, обитали в единственном известном очаге цивилизации в столичной подземке и здесь, на поверхности, которая являлась большинству людей материализовавшейся кошмар враждебной, чужой планеты из всяких фантастических книжек. Крысы молодцы. Именно их поведение подсказало, что нависла озоновая дыра и что новый день на поверхности будет еще опаснее предыдущего. Крысы молодцы. Спасибо им, черт бы их побрал... Нет, не этой тварюге размером с пони что ползет за ним выбравшись из под покосившейся стены обменного пункта.

- Чего тебе надо, гадина, - тихо проворчал Сергей, обернувшись и бросив на нее мимолетный взгляд. – Ползи обратно. Сейчас нам обоим худо будет.

Но она продолжала ползти за ним. Видимо это существо принадлежало к тем видам, порожденным и явленным миру былой катастрофой, которым эти излучения и выжигающий солнечный день были ни почем. Да... Были и такие зверушки. Конечно, большинство тварей уже попрятались в свои норы и гнезда. Те самые, которыми все улицы кишели ночью, но другие, в меньшем числе, но не менее опасные, повылазили на дьявольский день, чтобы ворошить гнезда спящих и охотиться друг за другом.

Сергей снова обернулся. Нет, все-таки она на крысу не похожа. Она похожа на варана. То и дело высовывает раздвоенный язык и упрямо, но неторопливо движется за ним.

- Брысь, тебе говорю, - пробубнил своими фильтрами сталкер, - По-хорошему прошу, свали. Это твой последний шанс. У тебя не будет второго шанса.

Нет... Не понимает зараза.

Сергей добрался, наконец, до здания и вошел в чернеющий провал подъезда. Быстро поднял с глазниц маски двойные стекла поляризационных и ультрафиолетовых фильтров для фотооптики, которыми он разжился уже давно в каком-то разрушенном магазине. Скинув свой армейский рюкзак, он отстегнул закрепленный лямками на ноге тяжелый разводной ключ и стал ждать. Тварь доползла до дома и просунула в подъезд голову. И на эту голову обрушился разводной ключ. Существо хрипнуло и распласталось на входе. Из головы потекла бурая масса.

- Дура упрямая. Я ведь тебя предупреждал. Ничего у нас не получится. – Проворчал Сергей и, подняв свою ношу, двинулся по лестнице вверх.

* * *

Осыпавшаяся штукатурка. Исцарапанные стены. Причем царапали тут не только гвоздем. Вот следы больших когтей. Что за существо тут скреблось? И, зачем? Сергей поднимался все выше и выше. Лучше переждать день на верхних этажах. Там меньше шансов, что подниматься какая-нибудь тварь, с которой не сложится диалог и придется орудовать разводным ключом.

На площадке четвертого этажа, в углу, прислонившись спиной к ветхой до дыр трубе мусоропровода, кто-то сидел. Бум остановился, машинально протянув руку к кобуре с пистолетом. Похоже мертвец. В боевой экипировке и шлеме типа «Сфера» с опущенным забралом. Сергей осторожно приблизился к нему. Стал разглядывать его армированное обмундирование. Оно как-то странно обвисло. Казалось, что внутри нет тела. Он осторожно приподнял забрало концом разводного ключа. И тут же отпрянул, увидев за ним кишащий белыми червяками человеческий череп. Похоже, что под этой одеждой только скелет и остался.

- Ну, звиняй дружище. Не до тебя сейчас. Скоро сам тут присяду навечно ежели с тобой

тут лясы точить буду. – Проворчал Сергей, двигаясь на следующий этаж. На улице уже совсем светло. Он поднялся на пять ступенек, как услышал какой-то странный вой. Сталкер осторожно взошел на площадку и приготовил пистолет. Вой доносился из шахты лифта. Он прильнул к створкам дверей. Звук, похоже, шел с самого низа. Хоть это радует. Пожалуй, пятым этажом можно закончить. Сталкер толкнул дверь квартиры, чьи окна по его расчетам должны смотреть на противоположную от восхода сторону. Дверь, жутко скрипя, стала медленно открываться внутрь. Он подтолкнул ее еще и, вдруг гнилые петли не выдержали, и дверь с грохотом рухнула на пол. Сергей вжал голову в плечи и от досады зажмурился. Затем вздохнул. Чертыхнулся. И войдя в прихожую, поднял дверь и подпер ею вход. Затем, увидев лежащий на полу ржавый холодильник на кухне, в которую прямо вел коридор прихожей, приволок его и ткнул им в дверь. Теперь незаметно сюда никто, а точнее ничто не войдет. Теперь надо быстро осмотреть квартиру. На тот случай если тут уже что-то обитает. Он вошел в зал. На раскладной софе лежал давно мумифицированный труп, укрытый пледом который годы назад поели моль и тараканы. Оставив лишь жалкие полоски, которые по какой-то причине посчитали несъедобными. Нда, что-то многолюдно в этом доме...

- Извините, что я так вот, без стука, - пробормотал из своей маски Сергей. – Просто воды попить зашел, а то так есть хочется, что переночевать негде. Передневать точнее. И за дверь пардон конечно. - Он вздохнул, глядя на безмолвный долгие годы труп и, махнув рукой, вышел. – Будь здоров, не кашляй.

Войдя в спальню, он оторопел. Окно конечно давно без стекла. На широкой кровати большое, сплетенное из веток и кусков проволоки гнездо, в котором девять бурых с белыми неровными пятнами яиц. И яйца эти большие.

- Только этого мне не хватало, - прошептал, озираясь, Сергей. Да. Это уже не шутки. Он знал, что за тварь свила здесь гнездо. Огромная, с торсом крупнее человеческого. С большими перепончатыми крыльями исчадие ада, которое не боится ни дня, ни ночи. С мощными лапами и здоровенной зубастой пастью. Тут ни разводной ключ, ни пистолет не поможет. Можно конечно продырявить ей мембраны крыльев, но эта мерзость отличается невероятной живучестью. Она будет плохо летать сутки. Двое. А потом невероятные способности к регенерации затянут ей дыры в крыльях, будто не было. А значит эта пустая трата патронов. Бить надо в мозг, но у нее поразительно твердый череп. Тут нужен автомат и желательно калибра 7.62. А у него только АКСУ калибра 5.45, который мертвым грузом лежал в его рюкзаке, израсходовав последние патроны минувшей ночью. Сергей быстро прикрыл дверь комнаты (благо эта дверь еще была) и, притаившись из зала, где лежал труп кресло, подпер эту самую дверь. С другой стороны может это не плохо, что здесь гнездо? Многие иные твари просто побоятся сюда сунуться. Хотя другие, возможно наоборот, будут лезть в эту квартиру мнимые лакомой добычей. Яйцами твари. Да и времени уже, подыскивать и осматривать другую квартиру, просто нет. Солнце уже встало. Он спешно заглянул в детскую. Никаких гнезд и тварей там не было. Впрочем, учитывая, чье в этой квартире гнездо, там их и быть не должно. Сергей быстро зашел в ванную комнату, посветил фонарем и, убедившись, что здесь безопасно, закрыл за собой дверь. Он нацепил на ручку двери пустую консервную банку оставшуюся от его ночной трапезы на Серпуховском валу. Если кто-то дернет дверь, то банка загремит на полу. Сталкер поставил у двери свой рюкзак и улегся прямо в ванну. Ну вот. Теперь можно переждать день и убийственные солнечные лучи. Сергей подумал, что, уходя, надо будет пожертвовать одну гранату и сделать растяжку в гнезде, если конечно эта тварь к тому времени не вернется. Их уничтожить надо. А там целых девять убудков.

- Посмотрим, посмотрим, - пробормотал Сергей, стягивая маску с лица.

Что там было в детской комнате? Он успел краем глаза заметить кровать и столик в углу. Да. Странно, что тут сохранилась еще мебель. Надо бы отметить потом на карте этот дом. Во-первых, тут есть мебель. Во-вторых. Тут гнездо этой бестии. И еще что-то мерзкое воеет в шахте лифта. Да. Дом непременно надо отметить... Там на столе детской вроде даже компьютер стоит. Весь затянутый плотной паутиной. Весь угол комнаты, что там

компьютер... У клавиатуры раскрытая коробка от диска. Отрок, наверное, игрался в какую-то игру, когда его, да и весь мир, настигла катастрофа. Да. Мы все тогда убивали уйму времени за игрой на своих компьютерах. А может, стоило чаще выходить из дома, дышать свежим воздухом, смотреть на дневное небо и радоваться теплым лучам солнца? Ну, кто мог тогда подумать, что это безоблачное дневное небо и это Солнце, будут нести неминуемую смерть. А воздух...

С этими думами, он так и уснул лежа в ванной.

* * *

Его разбудил неистовый клекот. Резко раскрывшиеся глаза наткнулись на кромешную тьму. Бум дернул рукой и взглянул на едва светящиеся фосфорицирующим светом стрелки часов и шкалу времени. Час ночи?

- Ничего себе я спать... - тихо проворчал Сергей и услышал, как вопль существа усилился. Оно, словно почуяло его пробуждение.

Сталкер прижал ладонь ко лбу и тяжело вздохнул. Дело швах конечно. Ему надо было свалить из дома часа полтора назад. Теперь, вернулась эта бестия и учуяла, что кто-то был возле ее гнезда и не ушел, а находится поблизости. Черт возьми, надо было растяжку в гнезде ставить еще утром. Хотя это было самоубийственно глупо. Рассвет уже занялся тогда, и он схлопотал бы дозу. Нельзя было тратить ни минуты тогда. И искать более безопасную квартиру тоже времени не было. Ну, надо же так попасть, а.

Тварь продолжала орать. Раздался треск. Сергей представил, как она ломает клювом дверь. Но едва ли попрется в квартиру, опасаясь повредить свои перепончатые крылья. Хотя, если он сейчас выйдет из ванны то, увидев его, тварь плюнет на осторожность и кинется на этого наглеца, который посмел так беспардонно приблизиться к сокровенному гнезду. Что и говорить. Ловушка. Хотя, если начать палить по ней из пистолета, то он успеет вырваться из квартиры, задержав это исчадие ада выстрелами. Но что дальше? Оказавшись на улице, ему непременно надо будет преодолеть широкую улицу, двигаясь до родной станции Тульская. И эта штука спикирует на него, как проклятый фашистский стервятник из книжек про войну.

А тварь продолжала орать, верещать, клекотать...

- Ну, чего орешь-то, - проворчал Сергей, понимая, что тварь знает о его присутствии и молча сидеть, смысла, нет. - Я, конечно, понимаю, мы с тобой провели чудную ночь. Но я же ничего не обещал. А ты меня под венец затащить хочешь. А у тебя девять детей. Не потяну. К тому же я сталкер одиночка. Какая еще семья может быть? Да если бы я знал, какая ты истеричка...

Существо завопило еще яростней. Последовавший звук красноречиво говорил о том, что она разнесла дверь в комнату на мелкие куски. Черт возьми, что же делать. Выскочить и швырнуть ей гранату, а потом деру? Вариант конечно. Только сколько нечисти сбежит на взрыв? А ведь прежде чем выскочить из квартиры, надо отодвинуть от входа холодильник. И каковы шансы при этом получить в задницу осколок собственной гранаты? Собственно, выбор не велик.

И тварь вдруг смолкла.

Сергей насторожился, медленно извлекая из кармана разгрузки гранату. Почему она затихла? Причем так резко. Нет, она не убралась. Он бы услышал это. Она просто замолкла. Подошла от разрыва сердца из-за собственной злобы и воплей? Ага, конечно. Не из того теста это существо. И они не склонны успокаиваться, пока не настигнут того, кто посягнул, по их мнению, на гнездо. А эта заткнулась. Чего вдруг?

И теперь, когда можно было прислушиваться к пронзительной тишине, Сергей услышал тяжелые гулкие шаги в подъезде дома. Видимо и тварь их услышала, потому и затихла, пытаясь понять природу этих шагов. А значит, это шел не человек, ведь людей крылатые бестии чуяли хорошо и безошибочно. Шаги действительно были нечеловеческие. Топало нечто так, словно весило тонну и не распределяло вес в движении, а наваливалось всей массой на каждую из своих двух ног, касающуюся в этот момент поверхности лестничного пролета. Но самое интересное, вибрации в доме от шагов не чувствовалось, хотя

характер их говорил о большом весе.

- Ну что дорогая молчишь? – проворчал Сергей, обращаясь к крылатой бестии. – Муж вернулся, да? А про мужа ты мне ничего не говорила, зараза.

Бестия клацнула клювом и тихо рыкнула, словно требуя от Сергея заткнуться и не мешать прислушиваться к шагам. Они сейчас ее интересовали больше, нежели человек, закрывшийся в ванной комнате.

Шаги становились все ближе, и топот прекратился уже у самого входа в квартиру. Снова воцарилась тишина. Еще более зловещая. Холод осколочной «рубашки» ручной гранаты в его ладони, пронзил все тело и сознание, которое шептало сталкеру – «ВСЕ». Да. Бывает, что на выходе на поверхность сталкеры погибают. Это в порядке вещей. Ведь такова эта самая поверхность города. И таково их ремесло. Бывает, что погибают и куда более опытные. И порой глупо погибают. Вот как сейчас. Ловушка, из которой нет никакого выхода. Разве что выскочить из ванной комнаты, рвануть в детскую комнату и сигануть из окна. Весьма «умное» решения, учитывая, что он сдуру нашел себе укрытые на пятом этаже. А ведь пока он будет лететь из окна, крылатая тварь имеет все шансы тоже выскочить из окна и схватить его на лету. Ах, если бы у него были такие как у нее крылья. Такой как у нее зубастый и мощный клюв. Нда... Тогда он тоже был бы одной из этих кошмарных тварей, что не дают покоя честным, да и нечестным тоже, сталкерам, на поверхности Москвы. Холод гранаты теперь говорил о том, что ее придется использовать для себя. Шансов действительно нет. Он прижал гранату ко лбу и стал раскатывать ладонью, думая о том, какой из этих квадратиков-осколков на теле взрывного устройства станет для него роковым. Стал вспоминать своих знакомых и друзей, которые так и не вернулись из рейда на поверхность или погибли на его глазах. Неужели мой черед? И все из-за того, что проспал тут лишних два часа?

Сталкер тяжело вздохнул, ощупывая большим пальцем ладони чеку гранаты. Надо кого-нибудь из этих тварей прихватить с собой. Чтобы скучно не было помирать. Но, черт возьми, до чего же это страшно...

И вдруг шаги возобновились. Нечто в подъезде, двинулось дальше, на лестничный пролет и, судя по звуку, стало спускаться ниже, потеряв интерес к квартире, в которой находился и Сергей, и эта мразь со своим выводком в гнезде, и труп в гостиной, которому вообще давно все было до фонаря. У Маломальского бешено заколотилось сердце. Неужели появился шанс? Крылатая бестия заворчала и заклацала пастью. Напоминая ему о том, что шансы если и появились, то они не так велики, как хотелось бы. Но все-таки...

Шаги удалялись. Свирепые возгласы крылатого существа снова стали набирать обороты. Сергей зажмурился, пытаясь сосредоточиться на звуках шагов, чтобы понять, когда это нечто покинет подъезд, если оно, конечно, собиралось его покидать. Вскоре гулких, тяжелых шагов уже не было слышно. Возможно, ОНО остановилось. Или вышло. Или не слышно их из-за того, что эта дрянь в спальном комнате орет, изрыгая свои дьявольские проклятия. А, была, не была. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Он быстро нацепил на себя ранец, пощупал, на месте ли гаечный ключ и пистолет и распахнул дверь. В квартире не было так темно, как ожидалось. Из окна доходил призрачный ночной свет полной луны, который отбрасывал блики на длинной и жуткой морде хозяйки гнезда, которая торчала из дверного проема в ту комнату.

«Черт возьми, как же я мог забыть!» - пронеслась в его голове отчаянная мысль. Ведь нет для сталкера более глупого поступка, чем оказаться на поверхности в полнолуние. Когда все эти твари еще более безумны и свирепы. Когда их во сто крат больше и проявляются вообще из ряда вон выходящие явления, даже для их страшного мира.

Сергей бросился к выходу. Бестия вообще взбесилась и яростно клекоча принялась пробираться в квартиру. Бум резко подхватил холодильник и опрокинул в сторону. Затем отбросил дверь. Выдернул чеку и швырнул гранату на встречу бестии.

- Жри! – крикнув это, он бросился в подъезд и вниз по лестнице.

Позади громыхнул взрыв. Послышался визг бестии. Она стала еще злее. Хотя куда

злее-то...

Сергей торопливо спускался вниз, чтобы поскорее покинуть это проклятый дом. Краем глаза, его натренированный взор заметил, что труп в подъезде, что сидел спиной к трубе мусоропровода исчез. Минувя второй этаж и спускаясь к первому, он снова услышал жуткий вой в шахте лифта. Он достиг невыносимой для слуха частоты и вдруг рванулся вверх. Сергей отчетливо слышал, как вой помчался по шахте лифта к самой крыше здания. Первый этаж! Выход! Достигнув предела высоты шахты, вой так же быстро стал возвращаться. То, похожее на варана существо, что он прибил утром разводным ключом, превратилось в горстку костей и обглоданный череп. Сергей перепрыгнул через него, на ходу наклонившись и прихватив массивную бедренную кость. На освещенной полной луной широкой улице кто-то стоял. Он стал медленно поворачиваться в сторону сталкера. Причем не просто голову поворачивал, а поворачивался всем телом, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Сергей вдруг узнал в нем тот самый труп у мусоропровода, в шлеме типа «сфера» на голове. Сталкер не стал задумываться, как такое может быть. Просто бросился бежать в сторону заветной станции метро. Ноша на спине раздражающе дергалась из стороны в сторону, но времени подтягивать лямки нет. Над головой захлопали крылья, и послышался знакомый клекот. Сергей резко развернулся, да так что вес рюкзака его едва не опрокинул, и швырнул твари кость. Бестия поймала ее клювом. Сталкер продолжил бегство, слыша треск раскусываемой кости и хлопанье крыльев. Он успел заметить, что в воздухе тварь держится не очень уверенно. Видимо взрыв гранаты повредил ей мембраны. Она все ближе и ближе. Маломальский продолжал бежать, нагнувшись и выставив вверх ранец, при этом на ходу доставая из кобуры пистолет. Огромная тень нависла над ним. Когтистые лапы впились в ранец и, Сергей почувствовал, что под ногами больше нет потрескавшегося и разбитого асфальта улицы. Медлить нельзя, пока он низко надо вырваться. Сталкер задрал руки и выстрелил бестии прямо в нижнюю челюсть. Тварь отпустила его и, вопя, устремила ввысь. Сергей рухнул метров с трех и, чертыхаясь, принялся растирать ушибленное колено, при этом, не забывая озираясь. Труп в шлеме, оказывается, шел за ним, переваливаясь с ноги на ногу и растопырив руки.

- А тебе какого хрена надо?! Ты же скелет и ходить не можешь!

Однако на труп этот веский довод не возымел никакого эффекта. Сергей швырнул в него кусок асфальта. Тот гулко ударился в шлем и отскочил, не приведя к желаемому результату. Сверху снова раздался вопль крылатой бестии. Сталкер устремил взор в небо. Тварь порхала высоко, оставаясь на небе и красуясь на фоте полной яркой луны.

- Бэтмэн, мать твою, - зло проворчал Маломальский и снова принялся бежать. На сей раз, заметно прихрамывая. Кличь существа, становился все ближе. Тварь снова пикирует на него. Сергей развернулся. Прицелился и снова выстрелил из пистолета. Попал или нет, понять было сложно. Но бестия совершила крутой вираж и вдруг обрушилась на труп в шлеме. Подхватила его и снова взмыла в ночное небо. Где на фоне луны было видно, как она рвет на мелкие куски бедолагу. Любоваться некогда. Сергей продолжил движение. Где-то рядом грохнулся шлем типа «сфера» и покатился в сторону. Бежать! Бежать!!!

Он достиг здания на противоположной стороне широкой улицы и вжался в стену, торопливо подтягивая лямки, чтобы рюкзак не колбасило с такой силой на спине. В ближайшем окне разлетелись вдребезги остатки стекла и оконная рама. Полетели куски жалюзи и, следом выскочила какая-то туша и испуганно бросилась от Сергея.

- Ну, хоть кто-то в этом городе меня боится, - выдохнул Маломальский и принялся быстро передвигаться вдоль стены. Когда он добрался до угла здания и казался на перекрестке, то обнаружил, что туша все-таки решила пойти за ним. Наверное, опомнилась и решила, что человека ей бояться не стоит. Сергей замер, прижимаясь к углу низкого здания, и смотрел на это существо. Туша тоже остановилась и, держась пока на почтительном расстоянии смотрела на него, слегка наклонив вбок что-то вроде безобразной головы. У сталкера сперло дыхание. Туша остановилась возле чего-то, напоминавшее спиленное на трехметровой высоте широкое дерево без веток. Он догадывался, что это такое. Но не мог

поверить, что ЭТО находится там, где его не было еще вчера и быть собственно не должно. Верхушка «деревя» вдруг разверзлась тысячей длинных и тонких щупалец и в мгновение ока, подхватив испуганно завизжавшую тушу, подняла над собой, и стало запихивать в «ствол».

«Горгон!» - пронеслась мысль в голове Сергея, - «Откуда он здесь?».

Сталкеры знали хорошо это странное порождение былой катастрофы. Они, горгоны, торчали в разных уголках города, маскируясь, под мертвые и обрубленные, обгоревшие деревья (или когда-то ими и были?!), и ловили неосторожных существ и неудачливых людей, что оказывались рядом. Но ведь все знали, что Горгон не может передвигаться. Тупо стоит на месте, как непоколебимый страж Московских улиц и все.

Запихав в себя тушу, горгон покачался несколько секунд и, вдруг вытянулся, изогнулся и, резко ударил своей верхушкой по разбитому асфальту, образовав арку. Основание горгона тут же поднялось вверх, став при этом верхушкой. Таким образом, этот монстр, сдвинулся метра на полтора. Затем повторил свое движение, приблизившись к Сергею еще на два шага. Так вот оно что! Они научились ходить?! Или это треклятое полнолуние во всем виновато?!

Сергей снова бросился бежать. Вот теперь умирать точно никак нельзя. Надо донести людям страшную правду о горгонах. И конечно пометить на карте города тот проклятый дом, в который его занес вчерашний рассвет.

Дальше надо было пересечь еще одну большую улицу, уходящую на восток широкой лентой, по оба «берега» которой торчали мрачные силуэты частично осыпавшихся высоток. Сама улица была изорвана нескончаемой вереницей воронок от бомб. Чем тут бомбили, никто не знал, но в такую воронку попадать нежелательно. Некоторые из них были зыбучими, и уже утанули в подземелье не одного несчастного сталкера. Сергей, конечно, стремился сейчас в подземелье. Но не в дьявольское логово, а в крохотный остаток цивилизации, в который были загнаны много лет назад те крохи уцелевших людей, что и являли собой сейчас человечество, живущее теперь на совершенно враждебной планете Земля. Ему во что бы то ни стало, надо было добежать до метрополитена раньше, чем смерть добежит до него.

Маломальский пересек улицу, и нырнул в переулок. Стал лавировать между обгоревших и разбитых остовов автомобилей. Пугливо озираясь по сторонам. Еще вчера он мог двигаться тут куда спокойней. Но сейчас, когда выяснилось, что горгоны не стоят на месте, было страшно. В переулках встречались деревья. Стесанные собирателями дров. Сломанные. Обгоревшие. Но, черт возьми, где теперь гарантии что это просто деревья?

Следующий переулок. Пока все спокойно. Впереди улицу пересекла какая-то тень. Слева шорох в руинах здания. Позади, скрипнул перевернутый джип. Ну конечно... Будет тут спокойно. Как же... Однако здания и улицы стали более знакомыми. Уже скоро вожделенный вход на родную станцию. Надо ускориться. Следующий переулок в конце которого, среди скученных легковушек виднелась какая-то массивная тень и чавкала. Сергей присел, прячась за опрокинутым микроавтобусом и, стал прикидывать, как бы обойти этот чавкающий ужас. Однако, к его величайшему облегчению, существо перестало чавкать и, лениво перевалившись через машину, убралось восвояси. Сталкер поднялся и облегченно вздохнул, поправляя ранец и снова щупая разводной ключ на штанине. Убедившись, что его верный спутник на месте, Сергей вдруг понял, что он не один. Бум повернул голову влево. Рядом стояло еще одно такое существо. Огромная масса нависала над ним. Она была похожа на гигантскую крысу, которая встала на задние лапы и уселась на задницу, поджав передние лапы к груди. Существо возвышалось над ним почти на метр, пристально глядя крохотными, светящимися мутным желтоватым светом глазами и наклонив голову вправо. А воняло от нее так, что хотелось блевать. Это чувствовалось даже сквозь маску. Сергей попытался унять свой страх, по обыкновению какой-нибудь очередной глупой и неуместной шуткой.

- Привет, - шепнул он, поднимая дрожащей не то от страха, не то от усталости, вызванной экстремальным кроссом по улицам Москвы рукой, пистолет. – Ты не возражаешь, если я тебе в глаз выстрелю?

Существо наклонило свою башку на другую сторону, и тихо пискнуло. В этот момент над ними в небе пронеслась огромная тень, и раздался уже порядком надоевший за эту ночь, знакомый клекот. Любознательная зверюга испуганно бросилась в сторону, раздвигая своей массивной тушей легковые автомобили. Сергей же бросился дальше к станции. Бестия зависла на мгновение, глядя на двух разбегающихся в разные стороны существ и, как назло выбрала Сергея. Собственно, удивляться тут нечему. Она искала сейчас не добычу, а жаждала мести за гнездо, гранату и пулю в челюсть. Потому и выбрала не крупную мясистую тушу, а человека. Однако здесь Сергею было несколько легче. Улица узкая. То и дело нависали погнутые столбы и троса троллейбусной линии. Ловить его в таких условиях бестии было сложнее. К тому же человек двигался, нагнувшись, стараясь никак не возвышаться над разбитыми легковушками. Но бестия никак не желала сдаваться. Она то и дело находила свободное пространство, и Сергей чувствовал, как его обдавало ветром от ее крыльев. Слышал, как она в яростной злобе бьет по крыше машины, мимо которой он прошмыгнул мгновение назад. То и дело опрокидывала эти машины. Вырывала куски крыши и швыряла вперед. Вот перед ним, кувыряясь, пролетел мотоцикл, который врезался в грузовик и разлетелся кучей обломков, некоторые из которых сбили его с ног.

- Я тоже по тебе соскучился, дрянь! – отчаянно завопил Сергей, поднимаясь и виляя в сторону.

И вдруг раздался свист и, впереди что-то загрохотало, озаряясь яркими всполохами. Пулемет! Какое же это счастье, слышать, как грохочет пулемет! Сверху доносились хлопки разрываемых мембран крыльев проклятой твари. Бестия заверещала и вильнула в сторону. Врезалась в покосившийся столб. Рухнула прямо перед Сергеем. Он рванул влево. Вовремя. Мимо него вытянулась струя огня, который охватил бестию. Кто-то работал огнеметом. Снова грохот пулемета. Летающая тварь билась в агонии, верещала и горела.

- Сюда! – послышался крик. – Быстрее!

Сергей бросился на человеческий голос. Впереди уже маячил силуэт внешнего строения станции Тульская.

- Серега! Ты?!

- Я, черт вас дери! – радостно воскликнул Бум.

- А мы думали все! Вчера не вернулся! Край тебе!

- Хрен вам! Не дождетесь!

Такие замечательные, человеческие руки, подхватили его за локти и помогали двигаться быстрее. Тут было человек пять, возле входа на станцию.

- Ты Сеню не встречал? – спросил тот, что справа.

- Кого?

- Сеню, Кубрика!

- Нет! А что? Мужики, вы в курсе, что горгоны ходят?

Слева снова заговорил пулемет.

- Чего?

- Горгоны, говорю, ходят!

- Иди ты!

- Сам иди! Что там с Кубриком?

Впереди вырос массивный сталкер с огнеметом.

- Да час назад вышел на связь с нами. Сказал что в районе Нагатинской. Сказал, что слышит детский плач и пошел искать!

- И что?

- И все! Двадцать минут назад мы услышали по радиации треск и плач ребенка. А он на наши вызовы не отвечает.

- Плохо дело!

- А ты сам как?

- Ой, такое расскажу! Не поверите! – радостно воскликнул Маломальский.

- Спускайся в метро! После байки свои расскажешь, Бумажник! – крикнул тот, что

слева.

- А вы чего?! Полнолуние же!
- А то мы не знаем! Надо Сеню найти!
- Мужики! Имейте ввиду! Горгоны ходят!
- Ага! И коровы летают! – хихикнул кто-то.
- Я серьезно, черт вас дерит!

- Ладно! Учтем! Хотя ты вернулся и то, слава богу! Проваливай в метро! Ты сейчас после своего выхода нам не поможешь! Обуза только! Вали домой! Там уже панихиду по тебе справляют! Глядишь, успеешь присутствовать!

- Такое нельзя упускать! – засмеялся Сергей и нырнул в чернеющий вход станции Тульская.

* * *

Он спускался по ступенькам эскалатора домой. В подземелье Москвы, ставшее убежищем для остатков человеческой расы. Выйдя из мрака на освещенную скудным красноватым светом станцию, почувствовал невероятное облегчение. Лишь прикованные к нему взгляды людей создавали дискомфорт. Здесь многие его знали. И многие уже считали, что задневавший на поверхности сталкер уже не вернется. Но Маломальский вернулся обратно, всем бедам на зло. Всем бедам и тварям на поверхности конечно. Сейчас он чувствовал неимоверную усталость. И хотя проспал он целый день в той злополучной квартире, сейчас у него было одно желание. Добраться до своей койки и уснуть. Сон для него был лучшим лекарством и антидепрессантом. Он лениво отмахивался от любопытствующих жителей станции, пытавшихся задать ему какой-то, волнующий их вопрос.

- Потом... - бормотал Сергей, - После...

Добравшись до своей палатки. Торопливо сбросил с себя рюкзак. Отстегнул разгрузку, разводной ключ, портупею с кобурой. Все это посыпалось на пол. Сам он рухнул на койку, которая противно закрипела. Закрыв глаза. Сон лучшее лекарство. Ведь ему ничего никогда не снилось и ничего не беспокоило во сне. Хотя он тосковал по тем временам, когда сновидения посещали его, и там он мог встретиться с Ритой. Той самой, которая к его ужасу не успела добраться до метро и так и осталась там, на поверхности, навсегда. И так же навечно осталась в его памяти незаживающей раной на сердце.

Глава 2. ГОСТЬ

Разбудили его ноющие ноги. Надо было не полениться и скинуть с себя ботинки, которые он не снимал уже несколько суток. Черт возьми, как же сейчас там внутри, наверное, воняет. Сергей лениво и нехотя поднялся, усевшись на краю койки чувствуя тот самый дискомфорт, который ощущает, наверное, каждый, долго проспавший в одежде и ботинках. Даже потеряв все блага цивилизации и элементарный комфорт, людям все-таки было предпочтительнее спать в уютных постелях, раздевшись и зарывшись под теплое одеяло, уткнувшись головой в мягкую подушку.

Он повернул голову, морщась и растирая затекшую шею ладонью.

У входа сидел в инвалидном кресле пожилой седой человек с морщинистым лицом и глубоким шрамом на левой скуле. Он задумчиво разглядывал отметины на рюкзаке Маломальского, что оставили когти летающей твари.

- Здорова Казимир. – Хрипло буркнул Сергей. Первое слово после долгого и глубокого сна всегда звучало как-то странно, словно не своим голосом.

- Как же ты напугал, Бумажник, - вздохнул Казимир, укоризненно качая головой.

- В смысле.

- Да тут уже никто не надеялся, увидеть тебя живым. Да и вообще... Увидеть.

- Ну, брось, - Сергей зевнул. – Я же везунчик. Все знают об этом.

- Ага. Я когда-то тоже так думал про себя, - невесело усмехнулся старик и принялся

растирать ладонями обрубки своих ног, от которых ни осталось ничего ниже колен. И коленей тоже не осталось.

Казимир в прошлом сам был опытным сталкером и тогда именно он, будучи наставником Сергея, учил его их нелегкому ремеслу. Именно от него Маломальский перенял глубокое убеждение, что самый удачливый сталкер – это одиночка. Это могло выглядеть парадоксально и нелепо, но именно в том, что отправляться на выход в одиночку безопаснее, чем в группе, Сергей был глубоко убежден. И хотя со временем Казимир пересмотрел свои взгляды и признал эту аксиому не самой верной, Бумажник все-таки придерживался именно этого правила. Когда ты один, тебе не надо следить за товарищами, чтобы те не попали в беду. Один человек меньше привлекает внимание всей той нечисти, что оккупировала внешний мир их планеты. И если попал в беду, то рассчитывать надо именно на себя и больше ни на кого, кто мог бы не оправдать надежд, подвести или сам попасть в беду, утянув за собой в непоправимость смерти и тех остальных, кто кинется ему помогать. Хотя, если уж быть до конца честным перед самим собой, то еще не факт, что он сидел бы сейчас на своей койке, не встретить его у входа на станцию группа сталкеров с пулеметами и огнеметом. Все-таки это правило, порой давало сбой.

- Ладно, дружище, не кавай на мозги. Я ведь вернулся в полном порядке. – И Сергей, улыбнувшись, подмигнул Казимиру.

- Ты да. А вот группа Лося нет.

Сталкера словно ударили обухом по голове. Он с раскрытым ртом уставился на своего бывшего наставника.

- То есть как?!

- Да вот так. Они вышли прочесать окрестности. По твою, кстати, душу и по душу этого раздолбая Кубрика. И не вернулись. Потом дозоры с южного и северного портала поднимались и обследовали все рядом с входом. Никого. Углубляться в город не стали, чтобы и самим не сгинуть. Еще и полнолуние это... - Старик вздохнул.

- Погоди, но ведь это они меня встретили у входа. Лось сказал, что Кубрик где-то в районе Нагатинской в руинах плач детский слышал и пошел посмотреть. Может они за ним пошли? Сколько времени прошло?

- Часов восемь, - Казимир пожал плечами.

- Но ведь это не срок. Чего раньше времени ребят хоронишь? – Сергей нахмурился. Он вдруг подумал, что если бы не его задержка, то и им не пришлось бы подниматься в полнолуние из метро. Хотя... Был же еще Кубрик...

- Да не хороню я. Но все равно. В полнолуние выйти. Это, знаешь...

- Знаю, черт тебя дери. Я там был в полнолуние. И ничего как видишь.

- А что там с Кубриком, говоришь? Плач детский? У Нагатинской?

- Так Лось сказал.

- Занятно. Это станция ведь заброшенная. – Задумчиво хмыкнул Казимир.

- Да, но слышал-то ребенка он на поверхности. В руинах.

- А что если на поверхности живут где-то люди?

- Да ты совсем что ли? – усмехнулся Маломальский. – Как такое может быть, скажи?

- Ну, хорошо. Допустим. – Казимир лизнул указательный палец и извлек из внутреннего кармана своего старого сюртука военного пошива сложенный вчетверо лист плотной бумаги из школьного альбома для рисования. Старый потрепанный листок, на котором Казимир, еще, будучи сталкером, а не покалеченным инвалидом, нарисовал карту их мира. Это была схема-путеводитель московского метрополитена. Очень похожая на те, которые печатали когда-то, в другой жизни на обратной стороне рекламных проспектов или вешали в вагонах электропоездов. Только карта эта отражала реальную действительность их новой эры. Там были отмечены станции «Ганзы» к которой так же относилась и Тульская. Красная линия коммунистических станций. Полис и Четвертый рейх, где окопались неофашисты. Другие группировки. Различные угрозы. Обвалы. Белые пятна, которые предстояло исследовать. Периодически Казимир вносил туда коррективы, когда где-то

менялась власть или жилая станция вдруг становилась вымершей, как это случилось, например, давным-давно с Тимирязевской, опустошенной лавиной крыс. Многие и очень многие желали иметь такую карту, где во всех подробностях было видно, что ждет на той или иной станции, в том или ином тоннеле. К Казимиру порой приходили целые делегации от различных группировок, диггеров, охотников, сталкеров. Казимир иногда перерисовывал карту, правда не так красиво и аккуратно как на этой единственной, что принадлежала лично ему, и с которой он не расставался даже тогда, когда стал прикованным к одной единственной станции из-за отсутствия ног, и продавал свою работу. Сейчас он тем и жил, что рисованием карт. Благо, он был в большом авторитете среди сталкеров и охотников практически всего метро и Казимир своевременно узнавал от них о тех или иных изменениях в геополитике их подземного мира, чтобы вовремя вносить изменения.

- Вот посмотри, - сказал деловито старик, развернув карту. - Мы вообще, когда последний раз Нагатинскую проверяли? Глухой кордон стоит и все. А что если она опять населена?

- И кем? - Сергей скептически усмехнулся. - Да и кто ее мог населить? Разве не через нас они должны были туда пройти?

- Зачем именно так? А если крюк сделали? С Автозаводской, через Каширскую, Варшавскую, Нахимовский проспект.

- Глупость полная. С Автозаводской, вот тут, пути на поверхность выходят. - Сергей ткнул пальцем в карту.

- И что? Неужто невозможно пройти этот участок?

- А смысл? Не проще через нас? У нас тут шпиономании нет. Это не красная станция. И не рейх. Договориться и пройти нет проблем.

- Ну а если причины были?

- Да какие там причины? - отмахнулся Бум.

- Ну, хорошо, упрямый ты наш. Откуда тогда плачь детский?

- Да черт его знает. Мало ли что. Я вот давеча видел, как скелет в костюме и шлеме встал и пошел.

Казимир засмеялся.

- Это глюки, Сереж. В полнолуние бывает.

- Но я же видел.

- Глюки, на то они и глюки...

- Ай, ладно, - Сергей досадливо махнул рукой. - Давай похаваем чего-нибудь, а? Мне на пустой желудок триндеть с тобой как-то не с руки. А за едой разговор самый тот.

Казимир снова засмеялся. На сей раз тихо и по-доброму.

- Хорошо, Сережа. Пойдем ко мне. Покормлю. И чаем напою кстати.

- Чаем? - Сергей удивился.

- Именно. Вчера челноки приходили. Чай с ВДНХ приволокли.

- Ого. Ближний свет. Дорогое удовольствие. Неужто и вправду угостишь?

- А я когда для тебя чего жалел? - с укором в голосе покачал головой старик. - К тому же мои карты тоже кое-чего стоят. Особливо для барыг этих, челноков. - И он, развернувшись, стал крутить колеса своего кресла, двигаясь на выход из палатки.

* * *

Палатка старика была рядом. Между ними они очень давно соорудили столик, за которым в праздный день любили посидеть за чарочкой или просто трапезничать вместе, наблюдая за жизнью на станции и ведя различные беседы. Сергей любил этого старика. Уважал его. И не было для него ничего теплее таких вот посиделок и бесед, в промежутках между путешествиями по метро и выходами на поверхность.

Маломальский так же выволок свой рюкзак, чтобы между делом Казимир мог осмотреть его трофеи. А трофеи Бумажника отражали его извечную страсть к книгам и чтению. Маломальский был, наверное, единственным сталкером, который охотился исключительно за печатным словом. Собственно, потому его бумажником и прозвали. А

всякое оружие, одежду, посуду, прочее бытовое имущество, добывал лишь в довесок. Обычно сталкеры искали книги лишь по контракту с Полисом. Администрация Полиса хорошо за них платила. А вот Сергей искал книги сам. Сейчас он вальяжно развалился на скрипучем стуле, неторопливо ел корнеплоды и попивал горячий отвар из этой выращенной на ВДНХ дряни, что ценилась во всем метро. Он то и дело кивал и улыбался тем из снующих по станции людей, что проходили мимо и бросали на него взгляд, махали рукой. Кто-то, похоже, специально проходил мимо, чтобы убедиться в недостоверности слухов о его гибели на поверхности.

Казимир, как это обычно бывало, рылся у него в рюкзаке.

- Ты и мыло добыл? Вот это молодец!

- Возьми себе два куска. – Кивнул Сергей.

- Да ну брось ты.

- Возьми, возьми. Специально для тебя и брал. А вообще все забирай. Продавать мыло я не собираюсь. Но хранить у себя в палатке не хочу. Сопрут пока меня не будет.

- А ты собрался куда? – старик поднял на него взгляд своих невероятно светлых серых глаз.

- Ну, как же. В Полис пойду. Книги понесу им. Парочку оставлю себе почитать, остальное на продажу.

- Далось тебе переться туда? Отправь через челноков. Они еще здесь. Завтра обратно по станциям пойдут.

- Ну конечно, - Сергей поморщился. – Будто не знаешь, какую они накрутку дерут. Нет. Я уж сам. Без посредников. Мне побольше маслят надо. Поиздержался я в свой последний выход.

- Куда же ты два рожка выпульнул? – усмехнулся Казимир.

- А что, забыл как там наверху весело? – Сергей усмехнулся в ответ.

- Да нет. Не забыл. Скучаю даже по былым походам. – Старик вздохнул и снова стал массировать обрубки ног в зашитых камуфлированных штанинах. – Ладно. Поглядим, что ты там для любителей всякого чтива набрал. – Он извлек первую книгу. – Букварь?

- Ну да. А что? Детей ведь надо азбуке учить.

- Согласен, - хмыкнул старик и раскрыл книгу. – Только вот посмотри. Буква «А». И арбуз нарисован. Сколько времени надо убить, чтобы объяснить детям, что такое арбуз. А?

- Ну, это ведь не моя забота. Преподаватели пусть и объясняют. – Отмахнулся Сергей. – Ну, или пусть заменят арбуз на ад. Или там... Александровский сад. Арбатская. Алексеевская.

- Ну, хорошо, - старик улыбнулся. – «Б». Береза. Дети, по-твоему, знают, что такое береза?

- Боль. Беда. Баррикадная. Библиотека имени Ленина. Боровицкая. Бауманский альянс.

- Ловко выкрутился, - засмеялся Казимир и, отложив букварь, извлек следующую книгу. – Ох, ты!

- Чего там? – Маломальский приподнялся на стуле, заглядывая в мешок.

- Ты сам не знаешь, что приволок?

- Темно было, знаешь ли. Чего там за книга такая большая?

- Майн Кампф. Вот ее ты не в Полис продавай. Отнеси ее в Четвертый рейх. Они тебе кучу маслят отвалят за нее. Соответственно, на кучу патронов у фашистов станет меньше. Что в принципе хорошо.

- Это Гитлер которую написал?

- Ну да. – Старик кивнул.

- Она на русском языке что ли? – Маломальский удивился, взяв ее в руки и раскрыв.

- Ну да. А что тут странного?

- Кому взбрело в голову издавать ее в стране, которую он хотел уничтожить?

- Ну, родились же в этой стране люди, которые вскидывают руку и кричат «хайль Гитлер». Чему ты удивляешься после этого?

- Нда. И то верно.

- Так. Ладно. Что там дальше. Занимательная физика. Нужная штука. Ремонт автомобиля своими силами. Нда... Надо постараться чтобы найти заинтересованного в такой литературе. Фотошоп для чайников. Вообще никому не нужна нынче. Ремарк. Классика это хорошо. Только тоскливо читать про былой мир. Дюма. Лукьяненко. Стругацкие. Донцова. Донцова. Донцова. Опять Донцова. Сколько их тут? Серега, за Донцову едва ли навар хороший будет.

- Хреново без фонаря, - покачал головой Сергей. – На ощупь брал. А насчет май кайфа, это ты мне толковую идею подкинул. Прямоком нацикам продам.

- Дерзай, - Казимир улыбнулся и отпил чай. – А вообще жаль, что уходишь сейчас.

- Это почему.

- Тут администрация наша рейд хочет организовать разведывательный. Ты бы пригодился с твоим-то опытом.

- Да? И куда рейд?

- Рядом. На станцию Нагатинскую.

- Тю. Я то думал на поверхность. Ты же знаешь, не люблю я рейды по метро. Не то это. Тут чутье мое дремлет. Свой мир все-таки. Вот когда на поверхность выхожу, другое дело. Весь организм мобилизуется. Шестое чувство включается. Удача со мной. Потому что знаю, чужой это мир. Нечисти мир. А в метро нет. Скучно.

- А думаешь, в метро нет нечисти? – прищурился старик.

- Да брось. Чего тут? Крысы и только. Если и встречаешь нечисть, то в человеческом облики.

- А черные? – Казимир многозначительно посмотрел на своего товарища.

- Ой, - Сергей поморщился и махнул рукой. – Перестань, а. Неужто ты тоже веришь в эти байки?

- Да как сказать. Скептически относился. Но недавно я с Хантером виделся. Аккурат после твоего ухода на поверхность он появился. Привет тебе передавал.

- Ну, спасибо. И что Хантер?

- Так вот он говорит, что угроза это реальная. Нешуточная. Он как раз на ВДНХ отправился. Разобраться в деталях.

Сергей тихо засмеялся.

- А знаешь, Казимирыч, что я тебе скажу? Эти твои черные, это просто политика и экономика.

- В каком смысле?

- Да в прямом. Ты слышал, что ВДНХ ведет тайные переговоры с Алексеевской и Рижской? ВДНХ их прибрать хочет под свою власть, понимаешь? А чем не повод? Угроза жутких черных.

- Что же это за тайные переговоры, что ты о них знаешь, находясь на другом краю мира, - усмехнулся Казимир.

- Ну, знаешь ли. Подземелье слухами полниться. Попомни мои слова. Они альянс создадут. А рулить ВДНХ будет. И цену они себе набивают товарам своим. Вот, дескать, дорогие вы наши жители метро. Мы тут – первый и последний рубеж обороны перед натиском черной нечисти! Мы вас защищаем. А еще и успеваем обеспечить нашим непревзойденным чаем. А не подкинете ли вы за наш чай побольше патронов, чтобы мы могли успешно сдерживать натиск мутантов и вы, спали спокойно, попивая наш чай?

- Резонно, - кивнул Казимир.

- Вот и я говорю... Погоди. В Нагатинскую рейд?

- Серега, либо ты стареешь, либо совсем устал после своего выхода, - смеясь, проговорил Казимир. – Я же пол часа назад тебе об этом сказал.

- А чего вдруг? С чем это связано?

- Вот послушай. Минувшей ночью, к внешнему посту ребенок пришел. Маленький совсем. Годика четыре. Заплаканный весь и не говорит совсем. Но в одежке. Неказистая,

правда, одежда. Лохмотья и только.

- Ребенок. С Нагатинской. – Пробормотал Сергей задумавшись. – Погоди, но ведь Кубрик в том районе детский плач слышал. Нет тут связи случайно?

- Вот и я думаю. Ты как сказал, я не сразу вспомнил про это. А сейчас сижу и думаю. Ведь никто не знает что там за дела с Кубриком. Только ты. А ты как вернулся, спать завалился.

- Может малыш знает, что с Сеней? – Маломальский уставился на старика.

- Может и знает. Но он глухонемой.

- И где он сейчас?

- Да Вера, санитарка наша, к себе его забрала. Ну, в карантинных целях, это правильно. Но и по-людски понять бабу можно. Ее дочку годовалую, помнишь, крысы загрызли. А тут чадо ничейное.

- Ну да. Понять ее можно конечно, - кивнул Сергей.

- Но это еще не все.

- Да? А что еще?

- Через несколько часов на тот же пост пришел человек. Взрослый. Станный такой. В одежде, наверное, размеров на десять больше чем надо. Вышел на свет и стоял минут сорок неподвижно. К свету вроде привыкал. К нему даже подойти не решались. Нетипично это, чтобы человек мог неподвижно стоять сорок минут. Потом он сам подошел. Улыбается постоянно и бормочет что-то бессвязное. Юродивый, одним словом.

- И где он сейчас?

- Да по станции околачивается. Его допросили, но как стало ясно, что он юродивый, так и отстали. Ничего сказать толком не может.

- Что, вот так просто околачивается? – повысил голос Сергей. – А если он чумной?

- Да нет, - махнул рукой Казимир. – Он не больной. Его осмотрели. Просто мозг на уровне младенца. Бродит, разглядывает все, как в первый раз увидел и улыбается. Ну, конечно, приглядывают за ним. А что с ним делать еще? Мы же не фашисты, чтобы юродивых на удобрения пускать. Вот и заинтересовалась администрация. Откуда люди эти взялись. Ну, ясное дело, вышли из туннеля, что к Нагатинской ведет. Но станция эта, и те, что за ней, заброшенные давно.

- Любопытно, - хмыкнул Сергей, потирая, светлую щетину на подбородке. – Особенно история с ребенком и возможная взаимосвязь с Кубриком.

- Да. – Старик кивнул и внимательно посмотрел на stalkера. – А знаешь что еще любопытно?

- Что?

- За сутки до твоего возвращения, пришел с поверхности Вавилов. Он сказал, что вы пересеклись с ним на Серпуховском валу. Потому Лось со своей группой и вышел, когда стало ясно, что беда с тобой приключилась. От Серпуховского вала ведь пять минут ходу до северного портала. А тебя не было сутки. Почему, Сережа?

Маломальский тяжело вздохнул и повернул голову, глядя в сторону других жителей станции. Теперь вздохнул и Казимир.

- Ты опять ходил к ее дому, да?

- Да.

- Почему, Сергей. Почему ты никак не можешь смириться?

- Послушай. Это ведь не так просто... И я тебе не хотел говорить кое-что...

- Что?

- Ну... Ты ведь знаешь нашу историю, как я молодой еще совсем, еще в той жизни, другой, до катастрофы, с вечера до ночи околачивался у ее дома и глазел на ее окно. Как там свет горит. Как тень ее мелькает. А потом она гасит большой свет. Горит ночник. Девочка книжку читает, значит в кровати своей. – Маломальский грустно улыбнулся, - Я, наверное, так месяцев шесть ходил к ее дому и вахтил под окном, все, не решаясь подойти и признаться. А потом смеялись с ней вместе над робостью моей.

Слушая это, Казимир прикрыл глаза и поджал сухие тонкие губы.

- Но шесть лет назад. Когда я только начинал ремесло свое. Я впервые после катастрофы оказался у ее дома. Вокруг руины. Тьма. Ветер сильный тучи черные гонит. Твари городом правят. Остовы обрушенных зданий. Некоторые здания целее. И ее дом не сильно повредило. И я смотрю на ее окно тогда. А в нем свет горит! Обычный свет как в обычной квартире в той еще жизни! Понимаешь?! И тень ее мелькает! Я тогда бежал оттуда. Это было тогда самым большим моим кошмаром! А потом я стал возвращаться к дому. Но такого больше не было. Пустой выгоревший дом без стекол. Черные до жути окна. И все. Но я не могу не ходить туда, понимаешь? Я до сих пор простить себе не могу, что в тот первый раз не решился забежать в этот дом и выяснить, почему там горит свет и мелькает тень. Как такое вообще может быть. Не решился, как тот молодой парень, что полгода в любви признаться не мог и торчал под домом до глубокой ночи.

- О господи, - выдохнул Казимир, - Сережа, ты сердцем видел этот свет. Не глазами и не разумом. Ты видел то, что запало в душу тебе с той жизни. Видел то, что хотел видеть. Понимаешь?

- Почему ты хочешь вытравить из меня эту веру, Казимир? Ты ведь и сам черти во что веришь. В то, что мы не единственные на земле.

- Моя вера, рациональна, Сергей. Я верю в то, что мы не единственные выжившие потому, что на земле были еще города, в которых была подземка. Питер. Минск. Екатеринбург. Другие. И там должны быть люди.

- Ну, хорошо. Допустим. Я не против. Я даже обеими руками за то, чтобы еще кто-то выжил на планете. Но насколько рациональна была тогда твоя вера, что ты решил, будто в состоянии дойти по поверхности этого мира, - Маломальский ткнул указательным пальцем вверх, - до другого города? Ведь безумная слепая вера и приступ отчаянья повели тебя в тот поход. Так вот и на меня иногда находит отчаянье и слепая, безумная вера. Тянет меня к ее дому.

- Да. Безумная вера и отчаянье. — Казимир кивнул. — Только вот не следует тебе забывать, что, бросившись в поход до Питера, я уже через два квартала потерял почти всех своих товарищей и обе ноги. Хорошо, что не жизнь. Так разве ты не понимаешь, что в своих бесполезных вылазках к ее дому можешь сгинуть почем зря?

Бум покачал головой и вздохнул.

- Это верно. Ладно. Давай замнем эту тему, Казимир. И вообще... Прости что я тебе о Рите напомнил.

Старик с невероятной тоской и болью в глазах посмотрел на Сергея и произнес:

- А я о своей родной дочери никогда и не забывал.

* * *

Бойкая торговля на временно установленных лотках, которую организовали с разрешения администрации челноки, набирала обороты. Людей становилось больше. Даже как-то притупилось осознание того, что не вернулись Кубрик и группа Лося. Хотя, возможно, после того как вернулся уже объявленный пропавшим Маломальский, люди верили и надеялись, что так же будет и с этими мужиками. Сергей молча наблюдал за торговлей. Они не говорили и не смотрели друг на друга уже минут тридцать. Потом Казимир укатил за новой порцией кипятка. Конечно, ему тяжело было вспоминать о дочери. И всегда чувствовал себя виноватым, что когда-то ушел из той семьи в другую. И мало общался с дочерью до катастрофы. Сергей тоже думал о ней. Разумеется со временем, горе потери притупилось. Как и все беды уходят в туман по прошествии некоторого времени, после того как они произойдут. Но иногда, какой-то мистический ветер разгонял эту непроницаемую дымку и, зарубцевавшаяся некогда рана снова начинала кровоточить. Вот и сейчас. Он пытался вспомнить ее лицо. Улыбку. Это было трудно. Легче было вспомнить свет в окне и тень. Потом он вспоминал свое видение шесть лет назад. Потом вспоминал только что закончившийся выход, когда на Серпуховском валу, в двух шагах от своей станции, он вдруг решил дойти до ее дома. Как он потратил гораздо больше на это времени и

не успел вернуться в метро до рассвета. И задневал в том здании...

- О, кстати, - вздохнул Сергей и стал извлекать из обширного внутреннего кармана куртки, сложенную карту поверхности. Мысль о том доме, о горгонах, о вое в шахте лифта, вернула его в действительность. Он разложил карту на столе, отодвинув подальше опустевшую кружку и миску с недоеденными корнеплодами и свининой. Стал задумчиво вглядываться в улицы и геометрические фигуры зданий. Красноватые трезубцы, рассыпанные по всему городу и обозначающие стоянки горгон...

- Чего там высматриваешь? – спросил вернувшийся с чайником Казимир.

- Да вот, дом тот хочу отметить, где день переждал.

- Что-то интересное в нем?

- Ну да. Во-первых, там гнездо этой стервы летающей. Согласись, не каждый день обнаруживаешь логово этой твари. Она, правда, издохла благодаря Лосю и сотоварищам. Но вот выводок ее, в количестве девяти яиц, еще там. Еще хрень какая-то воет в шахте лифта, и носиться вверх-вниз. А по ночам шарится по подъезду топотун какой-то. Никогда не слышал таких шагов.

- Ну, правильно. Такой дом надо отметить и информацию по сталкерам пустить. Еще зайдет кто ненароком.

- Так-то оно так. Но дом не горел. Мебель сохранилась в хорошем состоянии кое-где. Вот, хочу эту информацию Смердюку продать. Заскочить надо будет на Павелецкую к нему.

- Да он барыга и жмот еще тот.

- Я знаю. Но ведь он большой спец по мебели. Вот пусть и таскает. Ничего, сторгую ему инфу эту. Черт, да где же этот дом? Что за улица вообще была? Может Мытная?

- Это рядом совсем. – Произнес Казимир, разливая новую порцию чая.

- Ну да. Черт. Запутался. А может Павловский переулок?

- Их три было.

- Да я знаю, - Сергей стал испытывать раздражение. – Но ведь там еще улица уходила на восток. Вся в воронках. А там высотки разбитые. Где тут высотки?

- Ну, может, не восток это был. Перепутал впопыхах. Это бывает.

- Ну, черт возьми, ты же знаешь, что я очень хорошо ориентируюсь.

- Никто из нас не идеален. Бывают ошибки, - успокаивал его старик. – Да плюнь ты. Все равно за дом с мебелью много со Смердюка этого не возьмешь. Да и не полезет он туда, где гнездо вичухи. Ссыкун он. Ссыкун и жмот. Людей неопытных за копейки отправит и погубит. Забей.

Сергей вздохнул.

- Ладно. Но все равно не успокоюсь, пока не соображу где этот дом. И вот еще что.

- Что.

- Горгоны ходят.

- Чего-чего? – Казимир удивленно уставился на Маломальского.

- Я говорю, горгоны теперь ходить умеют. Я сам видел.

- Как? Как это они могут ходить?

- Ну, вот так, - Сергей стал перебирать указательными пальцами обеих рук перед собой, пытаясь наглядно показать манеру передвижения горгона. – Червячок такой вроде был. Сначала носом ткнется в землю. Зад поднимет. Задом ткнется. Нос поднимет.

- Да быть такого не может, чтобы горгоны двигались.

- Говорю, видел. Своими глазами. Только не надо мне опять про глюки.

- Я что-то ни от одного сталкера про такое не слышал.

- А много шансов у сталкера, который понял, что горгон ходит, вренуться живым? – невесело усмехнулся Сергей.

- Но ты же вернулся.

- Я везунчик. Да не в этом суть. Просто знаешь, что это значит? – Он взял карту обоими руками и стал трясти над столом. – Это значит что вот этим, теперь потереться можно.

- Ну, чего ты кипятишься? Я сегодня же кличь пушу по сталкерам, что горгоны ходят.

Не переживай ты так.

- Да просто, - Бум сложил раздраженно карту и убрал обратно в карман, - просто как теперь на выходы ходить? Где дерево, где пень, столб? Что из них горгон затаившийся?

- Ну да, - Казимир вздохнул. – Это конечно многое усложняет.

- То-то и оно. – Сергей снова взглянул на толкотню у торговых лотков челноков. Вот женщина примеряет потрепанные лайковые перчатки. Натягивает на ладонь одну. Растопыривает пальцы. Разглядывает. Чуть в стороне стоит высокий мужчина, чья внешность как-то не позволяла судить о его возрасте. Он был невероятно худым и большеглазым. Одежда при этом на нем висела так, что казалось, туда можно засунуть еще одного такого высокого дистрофика. Взгляд его огромных черных глаз выражал совершеннейшую идиотию. Он широко и глупо улыбался, разглядывая людей. Черные волосы на голове, были прилизаны так, словно нарисованы черным углем. Глядя на женщину, он также поднял перед собой свою широкую ладонь с длинными тонкими пальцами. Растопырил эти пальцы и стал с изумлением их разглядывать, не переставая улыбаться. Развернул ладонь. Снова разглядывает. Понюхал указательный палец. Затем вдруг сунул его себе в нос и зажмурился, будто от удовольствия. Попытался сунуть палец в нос женщине, но та взвизгнула и влепила ему пощечину. Тот отшатнулся и стал ощупывать свою бледную впалую щеку. Развернулся на сто восемьдесят градусов. При этом его руки болтались вдоль туловища, как обрубки канатов. Теперь он уставился на одного из охранников челноков. У того на плече висела двустволка, дулами вверх. Станный человек неуклюже сжал правую ладонь в кулак, затем оттопырил указательный и средний пальцы. Посмотрел на них, улыбаясь. Понюхал. И сунул в стволы охотничьего ружья.

- Казимир, глянь, что это за чудак?

Старик взглянул в сторону дурачка, который на голову был выше всей толпы.

- А, - Казимир усмехнулся, - Так это и есть тот самый наш гость с Нагатинской. Я же говорю, юродивый.

Тем временем охранники стали бранить этого человека и гневно размахивать руками. Тот в ответ улыбался, и казалось, пытался повторить их жесты. Вооруженные люди все-таки прогнали его и, отойдя на несколько шагов он снова развернулся. Там, в стороне от торговых лотков, игрались несколько детей с новыми игрушками, что принесли на станцию челноки. Это были цилиндры, спаянные из мелкозвенчатой стальной сетки с запаянным торцами. Внутри этих цилиндров были живые крупные крысы. Дети с радостью катали цилиндры по полу, тыкали через ячейки куски проволоки и радостно смеялись, дразня крыс и, слушая, как те пищат. Как только в поле зрения юродивого гостя попали дети, он вдруг преобразился. Замер и пристально смотрел своими большими черными глазами на детей. И это уже был не взгляд человека больного идиотией. Он был пристальным и сосредоточенным. Не мигая, юродивый буравил детей этим взглядом, который очень насторожил сейчас Сергея.

- Слушай, Казимир. Не нравится мне этот наш гость.

- Почему?

- Ты посмотри, как он на детей смотрит. Тут что-то не то.

- Ты что же думаешь, он из этих?..

- Ага, из католических священников, - И Сергей ухмыльнулся, поднимаясь со стула.

Глава 3. ЗНАКОМСТВО

Сейчас его перестали интересовать почерневшие стены белого мрамора, с геометрическим орнаментом и остатки ромбовидных светильников, под сводчатым потолком Тульской.

Он пристально смотрел на детей, стараясь заглянуть в их глаза. Маленькие, худые, бледные ребяташки, продолжали играть с крысами, не обращая внимания на толчею у лотков и на этого странного и высокого человека, забывшего обо всем, как только их увидел. А дети катали цилиндры, дразнили заключенных в них крыс и смеялись хриплыми,

болезненными голосами.

Тогда, видимо, для того чтобы привлечь к себе их внимание, незванный гость с заброшенной станции, внезапно и резко хлопнул в ладони. Трое детей подняли на него взгляды и, тогда он пристально посмотрел каждому в глаза. Ему понадобилось всего три секунды, и он вдруг снова преобразился. Снова стал человеком с недоразвитым мозгом, бессмысленным взглядом и глупой улыбкой на лице. Он широко и открыто улыбнулся им. Неуклюже помахал рукой и отвернулся, потеряв всякий интерес. Теперь, прямо перед ним стоял рослый человек лет сорока или чуть больше. Правда его рослость ни шла, ни в какое сравнение с ростом юродивого, который возвышался на целых два метра над станцией. Однако человека это не смущало. Он пристально и даже зло смотрел на юродивого своими выразительными карими глазами под дугами темных бровей. Лицо его было покрыто светлой щетиной, и на лоб спадала челка невымытых соломенных волос. Он с какой-то претензией смотрел на юродивого и вдруг произнес:

- Ты, какого черта на детей пялишься, пупсик?

Юродивый широко улыбнулся.

- Пяяя – выдавил он.

- Чего ты мне дурку включаешь? А то я не видел, что ты не такой дебил каким стараешься казаться.

- Дебил дурку, - повторил высокий сильно зажмурившись. Странное дело, но голос у него был низкий и приятный.

Сергей ухмыльнулся.

- Отчего ты выбрал из всего, что я сказал, только ругательства? В твоей башке явно интеллект присутствует.

- В твоей башке... присутствует... пупсик. – Радостно возвестил юродивый улыбаясь.

- Что? – Маломальский нахмурился.

- Дебил дурку! – и незнакомец хлопнул Сергея по плечу.

- Я тебе сейчас мозги выбью из черепа, козел! – Маломальский толкнул незнакомца.

Юродивый сделал обиженное лицо и, повесив голову, пробормотал:

- Козел... из черепа. – Сказав это, он стал тыкать указательным пальцем правой руки в подушечки пальцев левой, словно пересчитывал эти пальцы.

- Я тебя спрашиваю, ты, почему на детей пялишься?! – рявкнул сталкер, указывая рукой на играющих ребятишек.

Незнакомой проследил за его рукой и уставился на них.

- Детей? – переспросил он.

- Да, черт тебя дери! Детей!

- Детей! – радостно закивал юродивый, и показал Сергею три пальца своей ладони.

- Да. Трое детей. Чего тебе надо вообще?

И незнакомец показал теперь один палец. Потряс им перед Сергеем и сказал:

- Детей.

- Один? – спросил Маломальский.

- Один? – переспросил юродивый.

- Один ребенок?

- Один детей, - кивнул высокий.

- Один детей, это один ребенок.

- Один ребенок детей, - снова кивнул юродивый.

- Да нет же... - И Сергей вдруг подумал, что этот незнакомец кого-то отдаленно ему напоминает. Кого? Чрезмерно вытянутое лицо с большими черными глазами. Оттопыренные уши и зализанные, словно не настоящие черные как смоль волосы. Этот юродивый был словно карикатурой на Сеню Кубрика. Того самого, что пропал там, наверху, в районе Нагатинской. Но этот юродивый никак не мог быть Сеней. Сеня был даже ниже Сергея. Волосы у него были гуще и лицо не такое вытянутое. Глаза поменьше. И не такие черные. И не такие, как у этого, на выкате. И у этого зубы сверкали белизной и здоровьем, что в наше

время редкость. А Сене выбили три зуба еще в том году в драке с бандюгами, что обитали на Третьяковской. Этот просто похож. И то отдаленно. Но это не было бы странным, если бы не... Стоп. Юродивый пришел с Нагатинской. А перед этим пришел заплаканный глухонемой ребенок.

- Ты ищешь того ребенка? – Спросил Маломальский.

Незнакомец смотрел на него теперь задумчиво. Словно пытался понять, что у него спросили.

- А ну пошли. – Маломальский бесцеремонно схватил его под руку и поволок за собой. Юродивый смотрел на него недоуменно, но не сопротивлялся.

Они быстро направлялись к станционному госпиталю, который был оборудован на бывшем посту милиции, обнесенном дополнительными стенами и помещениями.

* * *

- Вера! Вера, открой! – Сергей настойчиво стучал в деревянную дверь левого крыла станционного госпиталя собранного из деревянных щитов, частей вагонов электропоездов и кирпичей.

Санитарка Вера, что решила приютить того странного ребенка, жила прямо в госпитале. В крыле, где были подсобки, и не было больничных коек. Поэтому было логично искать ее здесь. И логичным было предполагать, что и ребенок здесь. Маломальскому было невероятно любопытно, какая реакция будет у юродивого и того ребенка, когда они увидят друг друга.

Однако дверь никто не открывал. Тогда, стоявший позади незнакомец вдруг деликатно отстранил Сергей от двери и потянул дверную ручку на себя. Дверь открылась и юродивый, взглянув на Сергея, снова широко улыбнулся.

- Да, тебе, наверное, памятник за это поставить надо, - проворчал сталкер и вошел внутрь. В темном коридоре стояла различная утварь, освещаемая тусклым светом, бившим из приоткрытой двери справа. Там была комната, в которой и жила санитарка.

- Вера! – снова позвал Сергей. Но никто не ответил. Тогда он вошел в комнату.

Это было помещение, примерно три на три метра с низким потолком и свисающей с него керосиновой лампой. В одном углу шкафчик с посудой. В другом пластиковый столик. Под столом стопки медицинской литературы. Пластмассовая корзина с бельем. Между ними старая ржавая вешалка, на которой висела различная одежда. На стенах развешаны потускневшие картинки, выданные из различных журналов. А слева от входа кушетка. И Сергей не сводил сейчас с нее глаз. На ней лежал, запрокинув голову, ребенок лет четырех или трех. Одет он был в невероятно старые, потерявшие всяческий намек на какой-либо цвет лохмотья. Ноги вместо обуви так же перемотаны тряпьем. Крохотные пальчики на ладонях скрючены, словно от невыносимой боли. Рот раскрыт, будто в безмолвном вопле. Из рта, ноздрей и ушей, тянулись бурые струйки засохшей крови. Сомнений не было. Ребенок мертв. Сергей давно уже привык видеть смерть. И дети часто умирали. Но привыкнуть к смерти детей, невозможно, если осталось в тебе еще что-то человеческое. Он вздохнул и прислонился к стене. Тем временем незнакомец вошел в комнату и уставился на ребенка. Никакой видимой реакции не было. Ни скорби, ни горя, ни недоумения. Он просто взглянул на ребенка и, подойдя к нему, осторожно прислонил ладонь к его голове.

- Один ребенок... детей... - тихо проговорил незнакомец и устремил свой взор на Сергея. – Вера! - Громко и настойчиво сказал он.

- Что Вера?

- Вера! – повторил незнакомец и стал судорожно трясти перед собой ладонями, словно пытался подобрать нужные слова из тех, что знал. Затем растопырил одну ладонь и сделал ею движение от головы мертвого ребенка к своей голове, засовывая пальцы себе в ноздри и рот. – Мозз! Мозз! Вера!

- Что еще за мозз?

Юродивый повторил свое движение рукой и снова произнес.

- Мозз! Вера!

- Да что ты заладил-то? Думаешь, это Вера его убила?

Собственно, разобраться в этом надо было и как можно скорее, думал сталкер. Смерть похожа на насильственную. Но возможно малыша убила какая-то неизвестная болезнь. И болезнь эта может быть заразной. А юродивый пытался сказать что-то о взаимосвязи гибели ребенка и тем, что сейчас происходит с женщиной, что была с ним рядом. Да, юродивый этот не такой дурак как кажется. Но объяснить толком ничего не мог, хотя явно что-то знал. Только не имел возможности этим поделиться. Или делает вид, что не может? Хотя, судя по его возбужденному состоянию, он очень хочет, чтобы Сергей его понял.

- Ладно, - вздохнул Сергей. – Пошли отсюда. Я вызову службу безопасности.

Они вышли на серый гранит станции, и Маломальский тут же окрикнул первого же стрелка внутренней безопасности Тульской, что попал в поле его зрения. Сталкер торопливо объяснил ему, что в жилище Веры найден мертвый ребенок и что причина смерти неясна, но обстоятельства вызывают тревогу. Что надо срочно доложить администратору о случившемся и начать поиски Вероники. Стелкеры, имеющие гражданство той или иной станции были особой кастой людей и стрелку внутренней безопасности рекомендации Сергея были не просто словами, а необходимыми к выполнению командами. Тот внимательно слушал сталкера, пока юродивый с любопытством разглядывал автомат, свисавший с плеча молодого человека, затем кивнул и бросился выполнять рекомендации Маломальского.

Сергей проводил его взглядом и пошел к своей палатке. Незнакомец засеменил следом.

* * *

Казимир находился в палатке Сергея и в свете керосиновой лампы рассматривал какую-то книгу.

- Чего читаешь, Казимирыч? – Маломальский устало опустился на свою койку и задумчиво уставился на уложенные стопки книг у изголовья кровати.

- Да вот. Из того, что ты приволок. Про ядерную войну. Точнее про жизнь после нее.

- Прелесть, какая, - вздохнул сталкер.

- Ну да. – Казимир кивнул. – Тут даже про метро наше есть.

- Даже так? Ну и как мы там живем?

- А никак. В метро никто не спасся. Тут все наоборот. Основная движуха на поверхности. Только там зима ядерная. Оставь почитать. Занятная книженция.

- Конечно. Бери.

В палатку осторожно вошел согнувшийся незнакомец. Он с нескрываемым любопытством оглядел скромное жилище сталкера и вдруг остановил свой взгляд на Казимире. Вытаращил и без того выпученные глаза и присел на корточки. Он таращился на то место, где у Казимира должны были быть ноги.

- Уууу, - промычал юродивый и протянул руку, чтобы пощупать обрубки ног старика, но тут же получил книгой в лоб и, отпрянув, непроизвольно уселся на деревянный настил пола палатки.

- Ты, мил человек, ручонки не распуская. А то шею сверну. – Спокойно проговорил старик. Затем обратился к Сергею. – Чего это он за тобой таскается? И почему ты смурной такой?

- Ребенок тот умер. – Тихо ответил Маломальский.

- Нда... - Покачал головой старик. – Детишек жаль, конечно. И Вере опять не повезло. Черная полоса какая-то на станции нашей. Группа Лося еще...

Сергей вдруг резко поднялся и взглянул на книгу в руках старика.

- В метро никто не спасся, говоришь? – Он покачал головой. – Сейчас на поверхности день. Группа Лося, скорее всего, переживает день в подвале каком-нибудь. Ночью вернуться. Как и я... - Сталкер повернул голову и посмотрел на юродивого. Тот не мигая, наблюдал за ним, сидя на полу и обняв свои колени, в которые уперся подбородком.

- Слушай, Казимир. Не в службу... Присмотри за ним пока. Я должен срочно кое-куда сходить.

- Ну ладно, давай – старки недоуменно пожал плечами, совершенно не понимая, с чем связано это резкое возбуждение его бывшего ученика.

* * *

У стационарного госпиталя уже выставили оцепление. Бойкая торговля поутихла. Многие люди разошлись по своим жилищам. Иные с любопытством наблюдали за тем, что происходило у госпиталя. Однако близко не подходили, зная, что если служба внутренней безопасности ставит оцепление, то ни подходить, ни задавать вопросов не следует. Пошлют матерно в лучшем случае.

Сергею не надо было демонстрировать свой жетон сталкера. Его и так тут все знали в лицо. Особенно люди из внутренней безопасности. Маломальский подошел к группе высших чинов администрации станции, среди которых так же находился и полномочный представитель правительства Ганзы.

Сергей мимоходом пожал руки двум бойцам из оцепления и, найдя взглядом вице-мэра станции, низкорослого, с большим животом, плешью и тростью в руках пожилого Шумакова, направился к нему.

- Игоревич, здорова.

- Сереж, привет. – Шумаков кивнул. – Ну, ты просто человек-катастрофа. То живым не вернулся. То все-таки вернулся. То труп нашел.

- Что-нибудь выяснили? – спросил Маломальский.

- Да ну брось. Только начали разбираться.

- А Веру нашли?

- Парни с внутреннего кордона говорят, что они ее еще часов пять назад видели в туннеле. Она в сторону Серпуховской пошла.

- А почему ее не остановили?

- Так зачем? Кто ж знать мог? Мы же с Серпуховской, одна Ганза. Граждане Ганзы ведь свободно могут передвигаться, что и делают постоянно. А туннель тот безопасный. И поодиночке ходят.

- Да это я знаю, - Сергей почесал затылок.

- Ты что же думаешь, Вера убила малыша этого?

- Я не знаю. Погоди... А что, его точно убили?

- Ну, он же в крови весь.

- А что врачи говорят?

- Осмотр еще не окончен. Ждемс.

Сергей кивнул и вдруг поймал себя на мысли, что ему обязательно надо заняться этим делом. Он сам не мог понять почему. Но мысль эта пульсировала в голове, как и та, что надо непременно разыскать Веру.

Пока Маломальский обдумывал свое состояние и пытался понять мотивы своего интереса, из деревянной двери вышел облаченный в старый белый халат доктор Качуринец. Он стянул с себя маску, снял очки, потер стекла о халат и снова водрузил на морщинистое лицо.

- Здравствуй Сергей.

- Петрович, привет. – Сталкер кивнул. – Ну, что скажешь?

- Непонятно. Такое ощущение, что ребенку пробили длинным шилом носовые пазухи и оба уха. Мне кажется, что с кровью и частички мозгового вещества вытекли. Образцы я взял. Надо под микроскопом поглядеть.

- Так все-таки его убили?

- Ну, - доктор как-то уклончиво помотал головой. – Я бы с полной уверенностью сказал что да. Но меня смущают травмы ушных полостей. В носовых пазухах сложно разглядеть что-то. Глубоко. А вот ушные...

- Так что там? – С нетерпением спросил Сергей.

- Ну не знаю.

- Да что ты ломаешься, в самом деле. – В разговор встрял нахмурившийся

полномочный представитель Петухов. – Говори как есть.

- Мне кажется, но я на сто процентов конечно не уверен...

- Да говори ж ты, Айболит чертов, - досадливо поморщился Сергей.

- Короче, похоже на то, что пробиты уши у него не снаружи, а изнутри.

Все в недоумении уставились на доктора.

- Это как? – часто заморгал крохотными глазами Шумаков.

- Да если бы я знал, как, - Развел руками Качуринец. – Но если я прав, то могу только предположить, что у ребенка была в голове какая-то аномальная злокачественная опухоль. Она быстро росла, и увеличивалось давление в черепной коробке. Потом бац, и все. Ясно одно, малыш жуткие страдания перед смертью испытал.

- А что, такие опухоли бывают? – поинтересовался Сергей.

Доктор усмехнулся.

- Вот ты, сталкер, скажи, горгоны и вичухи бывают?

- Конечно, бывают, - Маломальского даже удивил такой вопрос.

- Ну, вот и подумай, чему тут удивляться.

- А это не опасно, с эпидемиологической точки зрения? – спросил Петухов.

- Я пока не знаю. Мне надо провести детальный анализ. Сделать вскрытие. Осмотреть черепную коробку. Но я настоятельно рекомендую закрыть станцию на карантин пока.

- Начальника внутренней безопасности сюда! Живо! – крикнул Шумков ближайшему бойцу оцепления.

«Только этого мне не хватало», - подумал Сергей и вслух добавил.

- Закрывайте, конечно. Но мне срочно надо уйти со станции.

- Бумажник, да ты в своем уме? – Удивился Петухов. – Он говорит карантин, а ты говоришь уйти! Да мы же теперь, даже челноков не выпустим, до поры до времени.

- А как пайки у них кончатся, кормить будешь из своего кармана? – усмехнулся Сергей.

- Ничего. У нас есть НЗ. Оттуда продадим им съестное по разумной цене. – Махнул рукой Шумаков.

- Да делайте что хотите. Только мне надо уйти.

- Ну, ты что, не понимаешь совсем? – разозлился Петухов.

- Не забывайте. Я вольный сталкер. У меня свобода передвижения по метро.

- Но только не во время карантина!

- Он еще не объявлен.

- Но это техническая сторона вопроса. Ты ведь знаешь.

- Слушайте, - теперь разозлился Сергей. – Я опытный сталкер. У меня сотни выходов на поверхность.

- Но это другое! – Возмутился доктор. – Ты находился рядом с трупом. Ты контактировал с этим пришельцем, что явился вслед за ребенком. Где он сейчас, кстати?

- У меня в палатке...

- Тем более!

- Он пойдет со мной.

- Что?! – разом воскликнули все трое, уставившись на сталкера.

- Бумажник! Ты голову повредил в свой последний выход?! – воскликнул Петухов.

- Это у тебя сейчас сотрясение будет, - огрызнулся Сергей.

- Выбирай выражение!

- Тише, ну тише, - поморщился Шумаков. – Сережа, ты, в самом деле, ерунду городишь. Пока карантин не будет снят, ты можешь пойти только к Нагатинской. И то в составе разведгруппы. Надо разобраться, откуда ребенок взялся и тот долговязый юродивый.

- А теперь слушайте меня, бюрократы хреновы. – Зло проговорил Маломальский. –

Отряд в Нагатинскую справиться и без меня. А вот лучше меня, никто не найдет Веру. А она уже покинула станцию, и если речь идет об угрозе эпидемии, никто не представляет такую угрозу заражения остального метро, как она. Она приютила этого ребенка. Где тут

логика? Женщина приютила чадо и вдруг оставляет его одного дома и уходит на другую станцию. Она не могла уйти и оставить его... Во всяком случае пока он был жив. Логично? А юродивый мне нужен, потому что он искал этого ребенка. Он может знать, что с ним было. Но он не говорит и вам не поможет. А я с ним быстрее найду общий язык. Он уже привык ко мне. И у него нет симптомов инфекции. Он дурак конечно, но живчик. На прокаженного совершенно не похож.

- Конечно, резон во всем этом есть. – Шумаков потер ладонью плешь. – Веру надо вернуть. Во всяком случае, если доктор напутал с опухолью, то она может быть убийцей.

- Мне все равно это не нравится, - стоял на своем, полномочный представитель.

- А я не про выставку картин эпохи ренессанса говорю, чтобы тебе что-то нравилось, Петухов, - резко произнес Сергей. – И вообще. Имейте ввиду. Не пустите через тоннель, уйду через поверхность.

- Да ты точно сумасшедший, - развел руками Петухов.

- Я вольный сталкер, Сергей Маломальский, черт вас дерит. Занимайтесь своим делом. А займусь своим.

И он направился к своей палатке, продолжая удивляться тому, отчего он так упорно заинтересовался делом погибшего ребенка и почему так твердо решил взять с собой этого неуклюжего юродивого.

Петухов зло смотрел ему в след.

- И с чего он так уверен, что только ему под силу найти Веру?

- Неужели не понятно? – вздохнул, с нотками зависти в голосе Качуринец. – Он с ней спал.

* * *

Долговязый незнакомец продолжал сидеть на полу, обнимая свои колени. Казимир показывал ему букварь и старался обучить азбуке. Юродивый улыбался и кивал, повторяя буквы. Когда в палатку вошел Сергей, тот радостно воскликнул и, вскочив, стал махать своими длинными руками, едва не повалив палатку.

- Тише ты. – Маломальский, надавив ему на плечи ладонями, заставил сесть и не подпирать головой свод палатки.

- Слушай, Сережа. А он толковый малый. Азбуку налету схватывает. Через день вообще говорить начнет.

- Угу, - хмыкнул Сергей, осматривая свои походные вещи.

- А чего ты опять смурной такой?

- Сейчас на станции карантин объявят. Ребенок тот болен, мог быть. Возможна эпидемия. А Вера пропала. Говорят, видели, Как в сторону Серпуховской шла.

- Она что, бросила ребенка? – удивился Казимир.

- Вот и мне это странным кажется. Если он жив был, когда ушла, то это непонятно. Если он умер. То она бы в истерике была и все бы раньше заметили смерть ребенка.

- Вера! – Воскликнул юродивый. – Вера! Мозз! – И он стал тыкать себе в нос и уши пальцами.

- Ноздри и уши, - задумчиво пробормотал Сергей, глядя на незнакомца. – Что же ты хочешь мне сказать?

- Вера! – юродивый нахмурился и схватил Маломальского за штанины. – Мозз!

- Со мной пойдешь, балбес. – Кивнул ему в ответ сталкер.

- Вера?

- Да, да. Вера. Будем ее искать.

- Искать! – тот вскочил и снова радостно замахал руками.

- Ага. Значение этого слова тебе уже понятно я гляжу, - Усмехнулся Сергей. – Ну, раз мы теперь напарники, может, скажешь, как тебя зовут?

- А? – юродивый наклонил голову набок.

- Я говорю, зовут тебя как? Имя есть у тебя, белабес? Я вот, - он хлопнул себя по груди ладонью. – Сергей. Это, - он указал на старика, - Казимир. А ты?

- Юродивый тоже хлопнул себя ладонью в грудь и с гордостью заявил:
- АТЫ!
- Да нет же... Ну чудака странный...
- Аты! Чудака странный!
- Да не странный, а странный, - засмеялся Маломальский.
- Странный. – Улыбнулся высокий и снова хлопнул по себе растопыренной пятерней. – Стран... ный... Я. Стран... ный... Странник, - выговорил вдруг он.
- Странник? Это имя? Похоже на погоняло.
- Провоняло...
- Погоняло.
- Странник.
- Ну, шут с тобой. Странник, так Странник. Только все равно ты странный. Странник. Буду называть тебя, Стран Страныч.
- Дебил дурку, - юродивый широко заулыбался.
- Все, заткнись, - вздохнул Маломальский.

Глава 4. НАЧАЛО ПУТИ

Отдав так называемой службе быта четыре патрона (цена для своего сталкера со скидкой!) за два ведра горячей воды, Сергей отправился в прачечную, чтобы помыться после своего выхода на поверхность и перед путешествием в Полис, в котором он намеревался совместить поиски Веры. Перед уходом, он попросил Казимира покормить Странника из его, Сергеевых запасов пищи и поучить еще паре фраз и слов. Если получится, конечно.

Прачечная была оборудована между северным и южным порталами, из бывших торговых киосков, которые перетасили сюда из подземных переходов и вестибюля. Отработанная вода стекала в обширные железные емкости установленные на путях. Умельцы из службы быта фильтровали ее, кипятили. Зимой умудрялись выносить в бочках ближе к выходу, чтобы чередовать циклы фильтрации, заморозки и кипячения, и снова пускали в ход для бытовых нужд. Естественно для всех кроме, непосредственно пищевых. Хотя те, кто не имел возможности приобрести для своей кухни нормальную питьевую воду, вынуждены были приобретать более дешевую, «второй категории». Грунтовые воды на Тульской не добывали. Хотя всячески старались оборудовать свой колодец. Однако и на тех станциях, где шла добыча грунтовых вод, иногда прибегали к рециркуляции. Воде из почвы пораженной чудовищной катастрофой планеты не всегда можно было доверять.

И сейчас, ощущая приятную свежесть, Сергей, как всегда бывало в таких случаях, вспоминал дешевый смеситель в ванной своей квартиры до катастрофы. Он с самого начала, ввиду низкого качества изготовления, протекал, посылая в раковину каплю за каплей. Чтобы он с этим смесителем не делал. В конце концов, Сергей просто махнул рукой, решив, при первой же возможности заменить на более дорогой и качественный. Но откладывал это дело, поскольку счетчика расхода воды дома не было, и он платил фиксированную цену в месяц, что позволяло ему не думать о проблеме. Пока весь мир не полетел в тартарары, и насущность добывания хотя бы литра пригодной для человеческой деятельности воды не стала такой же сложной и актуальной, как патроны, еда и сама жизнь. Многие само собой разумеющиеся вещи прошлого канули в небытие много лет назад, и оставалось лишь с горечью вспоминать о былой беспечности и неумении когда-то ценить такие простые, но очень важные вещи как, например вода и бережное к ней отношение.

Он уже подходил к своей палатке, когда услышал какой-то шум. Можно было подумать, что это связано с юродивым и тем, что тот возможно натворил, или дала о себе знать неизвестная болезнь, которую, быть может, притащил на станцию тот безымянный, мертвый теперь уже, ребенок. Но нет. Причина явно в ином. Поднятые по тревоге бойцы бежали к путям, ведущим к заброшенной Нагатинской станции. Естественно, бежали люди с оружием. Сергей ускорил шаг.

- Что стряслось? – крикнул он ближайшему бойцу внутренней безопасности, что торопливо и нервно натягивал на себя разгрузку.

- Там кто-то прет с Нагатинской! В тоннеле! – крикнул боец в ответ.

Маломальский нахмурился. Это уже серьезно. Появление «кого-то» из тоннеля, ведущего от необитаемой станции, обычно ничего хорошего не сулило. Собственно, соседство с заброшенными станциями, было издревле для станций обитаемых настоящим проклятием. Некому было следить за состоянием гермоворот пустующих точек метро. Некому было следить за санитарными нормами и численностью крыс. И то и дело из таких мест приходила на пограничные станции беда. Тучи несущих смерть и заразу голодных грызунов. Тварь, пробравшаяся с поверхности каким-то образом. Банды беспредельщиков, сумевших каким-то образом пройти по поверхности и напасть со стороны пустующих станций. Либо нашедших технологические тоннели, позволяющие обойти основные кордоны и выйти с той стороны. Такое случалось. Именно поэтому жители Тульской, благо, находясь в могучем содружестве Ганзы, они располагали кое-какими ресурсами, устраивали контрольные экспедиции к Нагатинской. Просто чтобы убедиться, что эта станция по-прежнему пуста. Что крысы не организовали там свою мегаколонию. Что бандиты не облюбовали ее в качестве плацдарма для нападения на Тульскую. И что просто гермоворота закрыты и все на пустующей станции неизменно тихо.

И вот сейчас, похоже, произошло что-то из разряда худших опасений. И если появление глухонемого ребенка и юродивого Странника из этого тоннеля прошло более-менее спокойно, поскольку лишившиеся по каким-то причинам рассудка одинокие скитальцы то и дело появлялись из тоннелей, то сейчас явно, что было совершенно по-другому. Если уж наружный кордон поднял тревогу.

Сергей быстро ворвался в свою палатку. Ни Казимира, ни Стран Страныча там не было. Сталкер торопливо извлек из своего рюкзака автомат АКСУ и тут же досадливо поморщился, вспомнив, что патронов в нем нет. Тогда он схватил нож, поддел одну из досок, которыми был устлан пол его жилища и приподнял ее. В ребре доски были выструганы полости, в которых он прятал свой, так называемый НЗ. Это были патроны калибра 5,45, являющиеся основной валютой метрополитена. Он высыпал пригоршню в брезентовую сумку и вернул доску на место. Перекинул через голову ремень автомата и, отстегнув рожок, стал запускать руку в висевшую на плече сумку и на ходу его снаряжать боеприпасами.

Железнодорожные пути проходили по обе стороны станции. По одним во времена былой цивилизации, электропоезд мчался в сторону Серпуховской. По другим, в сторону Нагатинской. Дальше, оба тоннеля сходились в один, двупутный. В месте их соединения находился внешний кордон, разделяющий Тульскую и необитаемые миры подземелья.

Сергей дошел до поста, уже, когда автомат был полностью снаряжен патронами. У поста сгрудились двенадцать стрелков. Тарахтел генератор, питающий включенный прожектор, чей луч сейчас был направлен в недра тоннеля.

Оттуда, из темных глубин доносились какие-то возгласы, доносящиеся до поста уродливым и пугающим эхом.

- Ну, в чем цимес господа? – спросил Сергей у нелепо столпившихся за бруствером из наполненных песком мешков и за дощатой стеной бойцов.

- Там есть кто-то! – взволнованно проговорил самый молодой, с воспаленными от постоянного вглядывания в темноту глазами.

- Да неужели? Ну, кто бы мог подумать. – Хмыкнул Сергей. – А в деталях?

- Ну, - молодой дернул плечом, которое видимо уже ныло от тяжести бронежилета и автомата. – Ну, это. Я значит, на посту стою. А оттуда шум слышался.

- Жуть какая, - покачал головой Маломальский. – Ну а ты?

- Ну, я завел генератор. Включил прожектор. И крикнул туда. Стой, мол. Кто идет. Пароль говори.

- Ага. Толково придумал.

- Да почему придумал? – обиженно проговорил боец. – Я же по инструкции. Пароль,

кричу. А там вопли какие-то. И очередь пулеметная. Ну, я тоже в ту сторону очередь дал. А там опять пальба.

- Стреляли в твою сторону? – нахмурился сталкер. Ему показалось странным, что если это вооруженное нападение, то пальба не продолжается. И главное, что нападавшие не вывели первым делом основную помеху своей атаки, а именно, прожектор.

- В смысле...

- В смысле?! – Сергей удивился такому вопросу. – Ты вообще в курсе, что оружие стреляет в ту сторону, в какую направлен его ствол? А?

- Ну, - сконфуженно пробормотал боец. – Ну, в курсе, да.

- Так стреляли в твою сторону?

- А откуда я знаю? Я что, видел, куда их стволы повернуты?

- Ты дурак совсем? Не можешь различить, в тебя палят или нет?

- А как?

- Раком! Дубина! И как бы ты услышал, сказали они тебе пароль ли нет, если за тобой генератор тарахтит?! А?!

- Так как бы я прожектор включил? По инструкции же.

- И дохрена ты со своим прожектором сейчас видишь? – Маломальский совсем разозлился. – А ну глуши шарманку живо!

- Серега, ты чего. Прожектор потухнет. – Пробормотал старший отряда, подоспевшего на пост.

- Я говорю, глушите генератор! Или в следующий раз топливо сами для него добывать будете на поверхности! – Маломальский помахал перед собой ладонью, разгоняя угарный газ из чадающей выхлопной трубы источника электричества.

- Ладно, - проворчал молодой и, отойдя к генератору, выключил его. Воцарилась приятная тишина, и только шум голосов из глубин тоннеля, нарушал ее.

Сергей стал вслушиваться. Это были люди. И они что-то кричали в эту сторону. И были видимо, очень раздражены, мягко говоря. Что, конечно, неудивительно, если в них открыли огонь с поста.

Сталкер обогнул баррикады поста и сделал десяток шагов в тоннель. Слышимость тут была лучше, поскольку звук меньше искажала деревянная стена, перегородившая половину тоннеля, и не было резонанса от его раздвоения дальше к Тульской. Вдали виднелись едва заметные мерцания ручных фонарей. Это тоже показалось странным. Если они организовали атаку на Тульскую, то какого дьявола обнаруживали себя фонарями? Или это хитрость такая?

- Кто там! – заорал в темноту сталкер.

В ответ шум голосов усилился, и Сергей разобрал только – «Вашу мать!».

- Вашу тоже! – ответил Маломальский.

Из тоннеля злая тирада бранной ругани. Однако выстрелов не было. Сергей уловил знакомые интонации в самом злом и матерящемся голосе. Улыбка тронула его лицо и надежда на то, что возможно пришла добрая весть, заставила его крикнуть:

- Лось! Ты что ли, сохатый?!

- Я, черт тебя дери! Дошло, наконец! – послышался возглас. – Я, вашу мать, полчаса долдоню, что это я! Вы там совсем охренели?! Кто это?!

- Бум! – ответил сталкер.

- Бумажник?! Ты?! Скотина ты неблагодарная! Мы тебя от вичухи спасли, падла! Забыл?!

- Лось! Я не при делах!

- Чего?!

- Я говорю, я не при делах! Тут салаги на посту, от страха кальсоны описали!

- Вот сейчас приду, заодно и обкакают! – послышался голос сталкера Лося.

- Но он же пароль не говорил, - раздался позади шепот молодого бойца.

Сергей посмотрел в его сторону, затем усмехнулся и крикнул в тоннель:

- Слышь! Они говорят, что им начхать на твои угрозы! Что имели они тебя! Они говорят, что твой отряд уже причислили к павшим и не пустят домой мертвяков!

- Ты что творишь, Серега! – зашипел старший отряда.

- Ну, сейчас посмотрим! – донеслось из тоннеля.

Маломальский злорадно засмеялся и, потирая ладони, вернулся на пост.

- Ну, все, салага, беги, - злобно смеясь, проговорил он молодому.

- Серега, ну на кой черт ты так, а? – Осуждающе заговорил командир отряда.

- На кой черт? Это ты мне говоришь? А на кой черт они тут сидят? Патроны тратить, стреляя по своим? Соляру жечь в генераторе? Что за подготовка такая? Это ведь с тебя спросить надо! Ты их обучаешь!

- Так откуда он знал, что там свои? – возразил, было старший, но Сергей перебил его.

- А разобраться пытался? Генератор гремит, а он пытается пароль услышать! Почему он тут один вообще? Где остальные были? А?!

- Смена поста была... - проворчал кто-то.

- Смена поста, должна происходить на посту! – рявкнул Маломальский, - А не так, что время вышло и эти не дождавшись сменщиков, свалили на станцию, оставив тут самого молодого! За такое пороть публично надо и пайки на неделю лишать!

- Кого ты там чихвостишь, Бумажник, - послышался голос Лося. Он и его отряд вышел, наконец, на территорию поста, попав в свет от костра, что горел в обрезанной бочке. Они были в пыли и грязи. На шеях висели снятые маски противогазов и лица были в подтеках пыльного пота.

Лось, высокий лысый сталкер с узкой бородкой и огнеметом за спиной, оглядел презрительным взглядом бойцов.

- Тошнотики, вашу мать, - прорычал он. – Кто тут смелый такой, а?!

Сталкер из отряда Лося, по кличке Кемпер, был худ и ростом выше командира. Он свирепо смотрел на бойцов и, вытянув из наплечной кобуры, одетой поверх экипировки, «Стечкин», щелкнул предохранителем и стал водить стволом, направив его на людей.

- Кемп! – громко сказал Маломальский.

- Чего. – Угрюмо ответил тот, не поворачивая головы и продолжая выцеливать жертву.

- Ты знаешь правила. Не направляй оружие на человека.

- А мне, знаешь ли, так хочется кому-нибудь из них башку в дуршлаг превратить.

- Кемп, опусти валыну, - еще громче произнес Сергей. – Я пошутил вообще-то.

- Да, в самом деле, - устало проворчал Лось. – Не стоят они пули драгоценной, Кемпер. Пошли домой. Морду лица помыть надобно. А в тебе, Бумажник, я не сомневался, что сморозишь нечто подобное.

И он двинулся по шпалам в сторону станции. Бойцы послушно двинулись за ним. Последним был Кемпер. Он смачно харкнул перед собой, выражая этим свое полнейшее презрение бойцами внутренней безопасности и демонстративно уперев руку со «Стечкиным» себе в плечо пошел за группой.

- Слышь, Сохатый, а что с Сенькой Кубриком? – произнес Сергей догоняя.

- А все с ним, - мрачно произнес Лось, взглядываясь в шпалы. – Мы нашли куски его комбеза. Ботинок один. Все в крови. Вот и думай.

У Маломальского сжалось сердце. Нет, закадычными друзьями они с Кубриком не были никогда. Тот даже бесил его иногда своей бравадой и пустым бахвальством, которое в среде сталкеров не особо поощрялось, учитывая специфику ремесла. И если сам Сергей постоянно на выходах бормотал себе под нос удачные и не очень шутки, то это был лишь способ побороть гнетущий страх, который то и дело буравил мозг любого человека, даже пресловутого и авторитетного Хантера, хоть тот и не признавал этого. Но, если кто-то говорил, что на поверхности не страшно, либо он тронулся умом, либо он на поверхности не был никогда, во всяком случае, после катастрофы. Ну, либо он Хантер. Хотя тот конечно никогда не отрицал, что поверхность это ад. А вот Сеня перед очередным своим выходом устраивал настоящую шумиху, которую в иной ситуации можно было принять за

саморекламу. При этом он охотно пользовался тем магнетизмом среди женщин, которым обладали сталкеры, окутанные ореолом героизма, тайны и мужественности. Ну, конечно и Сергей не упускал случая, видя блеск в глазах смотрящей на него дамы. Но ведь трепаться об этом на все кольцо принято не было. А Кубрик охотно и в подробностях это делал. И про свои похождения и про чужие, ежели узнавал об этом. О том, что между Сергеем и той самой Верой когда-то что-то было, вся станция узнала именно от Сеньки. Но обиду Вера затаила именно на Маломальского. Отчего? Одному женскому разуму известно и всевышнему, который его создал, наверное.

И, тем не менее, Сергею было больно за Кубрика. Тот был хорош на выходах. Никогда не бросал брата сталкера в беде. Правда орал он свое коронное, «не сдаться, я уже рядом!», при этом, так что сбегалась на этот ор вся нечисть, которая даже бегать толком не умела.

А в этот раз помощь понадобилась ему самому. Но, увы...

- Там такое на поверхности, - устало проворчал Лось. – Ты самое веселье пропустил. Просто шабаш какой-то. Бразильский карнавал, только без полуголых мулаток в перьях. Зато вичух тьма. Я даже не предполагал, что их столько есть на всем этом дрянном пространстве, что наверху. Сидели в подвале и уже письма прощальные в гильзы пустые закатали. Но повезло. Ветер сильный поднялся. Сейчас там, наверное, уже ураган. Не любят твари ветер. Но, черт возьми, сколько ж их там было...

- Так ведь полнолуние, что ты хотел, - ухмыльнулся Сергей.

- Да я не припомню такого в прошлое полнолуние, что выходил на поверхность.

- Когда это ты на выходе был в полнолуние? – Бумажник с сомнением взглянул на коллегу.

- А помнишь, как маньяка серийного с Краснопресненской ловили? Примерно полгода назад где-то.

- Который дрезину угнал и уже на Планерной его на поверхность выдавили?

- Да, - Лось кивнул. – А там, у самого входа на Планерную его арахна слопала.

- Ну. И что?

- Так полнолуние тогда было. Я же выходил. Вот у меня на глазах арахна его и жрала. Это ведь после того случая ее гнездо на картах появилось.

Сергей поежился. Сам он арахну никогда не видел. Вообще ее мало кто видел, поскольку это, как правило, последнее, что видел сталкер на поверхности. Но баек всяких слышал об огромном пауке, который даже вичух жрет и самцов своих на десерт, кстати, тоже.

Они уже вышли на тускло освещенную станцию и поднялись на платформу.

- Ну, тогда в связи с чем весь этот, как ты говоришь, шабаш, если не из-за полнолуния?

- Да черт его знает. – Пожал плечами Лось.

- Брачный период у них, балбесы, - послышался насмешливый голос.

Сергей повернул голову и увидел сидящего в своем колесном кресле Казимира. Тот уже встречал их.

Маломальский усмехнулся в ответ.

- Только не говори, что эти твари любить умеют.

- Конечно, умеют. Потому и правят успешно миром на поверхности.

- А мы, отчего же не правим?

- Так мы больше ненавидим, чем любим, потому и сделали такое с этим самым миром, - покачал головой старик, произнеся такую шутку, про которую обычно говорят, что в ней лишь доля шутки. – Меня когда с пережеванными ногами, ребята, уцелевшие из моей группы, тащили обратно в метро, почти двое суток, мы как раз на брачный период нарвались. Годовщина на днях была, моей безногой жизни. Забыл?

- С чего ты взял, что брачный период у них был? – усмехнулся Лось.

- Поведенческие аспекты всего живого в таких случаях характерные. Я же зоолог был в той жизни. Кинолог точнее при органах.

- Ботаник ты, - засмеялся Кемпер.

- Базар фильтруй. Салага, - беззлобно огрызнулся Казимир, крутя колеса своего кресла. Вся процессия продолжала движение по платформе станции.

- Ладно. Лирика все это. Где там гость наш? – спросил Маломальский у старика.

- Да сидит. Букварь разглядывает твой. Очень ему картинки нравятся. А вот есть отказался.

- Как это? Не голодный что ли?

- Да кто его знает. Значит не голодный, ежели не ест. Морду воротит и все тут.

- Что за гость? – любопытствовал усталый Лось.

- Да так. Забрел тут один, - уклончиво ответил Сергей, пожалев, что затеял этот разговор с Казимиром при сталкерах. Говорить на тему последних событий, что произошли на станции, с Лосем он не хотел. Непременно затянется долгий и обстоятельный треп, а времени терять он сейчас не желал. Хотелось поскорее отправиться на Серпуховскую, да и дела свои с товаром порешать. Сейчас, когда поднимется суeta с возвращением группы, которую уже считали сгинувшей, будет легче уйти через объявленный карантин. Сейчас властям станции будет не до Сергея. Он конечно не против поболтать за чарочкой с ребятами, что его выручили намеренно и сами живые вернулись в итоге, но только после того как выяснит, какое отношение Вера имеет к гибели ребенка и сплавит то, что собрал на поверхности во время последнего выхода.

- Слушай, а что там, в Нагатинской? – поинтересовался Маломальский, уповав на то, что усталость сталкеров не даст им заинтересоваться гостем и расспрашивать о том, что было на станции во время их отсутствия.

- В каком смысле? – Лось взглянул на Сергея.

- Ну, вы же там спустились в метро. Так?

- Конечно. Вернуться по поверхности к Тульской вообще нереально было.

- Ну вот. Станция-то заброшенная. Может там что новое? Может, обосновался кто?

- Да нет, - Лось пожал плечами. – Пустая, как обычно. Правда, были там следы временной стоянки. И вроде как относительно свежие. Но, похоже, ушли они в сторону Нагорной. Или еще дальше. До Нахимовского или даже Севастопольской. Да нам не до того было, чтобы проверять. За нами в метро свинорыл спустился, гадина. Хорошо успели заметить и из пулемета срезали. Да подожгли хорошенько. А так бы бродил по метро. А ты же знаешь, свинорылы кишат блохами чумными да клещами что лайму разносят.

- О как, - хмыкнул Казимир. – А сами-то ничего не подцепили от него?

- Нет, - Лось махнул рукой. – Близко он не приблизился. Да мы осмотрели там друг друга. Не первый год с этой хреновиной сталкиваемся.

На рыночной «площади» станции, которая являлась тут главной «улицей», группу Лося уже встречала солидная делегация властей Тульской. Они сияли радостными лицами, наряженными официальными улыбками. Однако Лось и сотоварищи ответили угрюмыми и полными претензий за инцидент в тоннеле взглядами.

Сергей решил, что это удобный случай отделиться от группы и вернуться в свое жилище. Поманив Казимира рукой, он двинулся в сторону своей палатки.

* * *

Юродивый снова встретил Маломальского с нескрываемой радостью. Он сидел на полу палатки и как только сталкер вошел, тут же вскочил, сияя от счастья.

- Сергей... Пришел... - выговорил он с удовольствием. К счастью на сей раз, руками он не размахивал, угрожая повалить палатку. Руки у него были заняты букварем.

- А ты успехи делаешь, Стран Страныч. Скоро говорить будешь как взрослый. – Проворчал Маломальский, с неудовольствием отметив, что гость успел перевероршить до этого аккуратно сложенные стопки книг. Хотя, к счастью, рвать их не пытался, что обычно свойственно малым детям, по уровню развития мозга которых напоминал ему Странник.

- Арбуз... А... - Деловито ответил Стран Страныч.

- Ага, - кивнул, кряхтя присевший на корточки сталкер, принявшийся укладывать книги обратно, попутно отправляя те, что он намеревался продать в вещмешок. – Ну, ты арбузы,

наверное, еще застал. Сколько лет-то тебе?

- Арбуз.

- Ладно. Ясно. Не отвечай. – Сергей махнул рукой. – Все равно разговор получится бестолковый.

- Бес Толковый... Б... - Кивнул юродивый.

- Молодец, да? – хмыкнул появившийся на входе в палатку Казимир. – Схватывает на лету. Ты вообще как планируешь? Надолго?

- Да нет, не особо. На третьи сутки, думаю, обратно приду. Так что соскучиться не успеешь. Правда, обуза эта, - он кивнул на Странника. – Когда один, так и время рассчитывать легче.

- Обуза? – удивился юродивый. – Нее... Странник.

Сергей, недолго подумав, решил набить еще один вещмешок книгами. Уж, коль скоро этот странный странник пойдет с ним, то пусть и польза будет от этого. Больше ноша, больше товара на продажу. Соответственно и навара больше. Рано или поздно этот чудак захочет кушать, а лишняя пайка, это издержки.

Собрав книги, Бумажник оделся по походному, для условий метро. Однако экипировку для выхода на поверхность тоже взял, уложив ее в нижний отсек своего огромного рюкзака. Ноша получилась внушительная. Все-таки комбез и маску с фильтрами легче таскать на себе, распределяя вес по телу, нежели в компактно сложенном виде в районе поясницы, еще и с нагруженными до самого затылка книгами, продуктами для еды в дороге и питьевой водой. Сталкер несколько раз взвесил ношу в руках, причмокнул недовольно, затем переложил оттуда полдюжины книг в рюкзак, предназначавшийся для попутчика. Странник с интересом наблюдал за действиями Сергея, по-собачьи наклонив голову набок. Закончив снаряжение в дорогу, Маломальский внимательно осмотрел Стран Страныча. Одет он был, конечно, не ахти как. Одежда висела, явно превышая размеры, не рассчитанная на его худобу. Но это, очевидно, был единственный недостаток одежды. В остальном она была в исправном состоянии. На ногах Кирзовые сапоги, достаточно ладные. Каши не просили. Правда, со следами плесени. Видимо долго где-то лежали на каком-нибудь складе, прежде чем до них добрались человеческие руки. Точнее ноги. Собственно, все это годилось для прогулок по метрополитену. Для выхода на поверхность никак. Но Сергей и не планировал, ни при каких обстоятельствах выходить с этим попутчиком в другой мир. Он опытных сталкеров не брал с собой наверх, предпочитая делать выход в одиночку, ведь так меньше шансов привлечь внимание тварей. А уж выходить на поверхность с этим большим ребенком, было бы совершенным безумием.

Маломальский взял Странника за плечи и развернул к себе спиной. Водрузил ему на спину рюкзак. Тот сгорбил и повернулся, недовольно глядя на Сергея.

- Н-да. Дохловат ты для такой ноши. Ну да ничего. Потерпишь, я думаю.

Сталкер накинул на плечи свою ношу, пощупал на штанине верный гаечный ключ, пощупал кобуру с пистолетом, проверил документы сталкера и жетон, дающие ему право пересекать кордоны с оружием и хлопнул Странника по рюкзаку.

- Ну, чувачек. Топай на выход, а я следом. – Затем обернулся и сказал Казимиру, - Присмотри тут за хозяйством моим.

- Как всегда, - кивнул старик, - Ни пуха.

- К черту. – И Сергей вышел следом за юродивым.

Казимир почесал седую голову. Помассировал ноющие обрубки ног и, вздохнув, проворчал с едва уловимой тревогой в голосе:

- А на дорожку-то, не присели.

Глава 5. ВСЕ ГОРАЗДО СЛОЖНЕЕ

Этот путь никогда не славился чем-то дурным и опасным. Передвижения людей были здесь делом обыденным. Ноги мерили тоннель шагами. Привычные движения,

выработавшие за долгие годы в метро своеобразную походку, позволяющую без дискомфорта пересекать нескончаемую вереницу шпал. Трудно было сказать, сколько десятков, а то и сотен километров намотал на свои ноги Сергей двигаясь по темным железобетонным жилам подземного мира за все эти годы. Но именно в такие моменты, его, как и сейчас посещала одна и та же мысль, сколько продержаться еще конструкции? Конечно, ветшание таких конструкций дело не одного года, но дело времени. Тем более, когда поддерживать прежний уровень обслуживания невозможно, а то, что по зубам жителям метро, не отвечает требованиям сохранения подземелья на бесконечно длинный срок. Разумеется, и сама земля конечна. Но это в былые времена не особо любили замечать. Воздух, вода, нефть, леса. Все это было. А когда кончиться, к чему думать, если все это пока есть? Но теперь, когда горстки выживших получили мир, сузившийся до объемов метро, мыслилось иначе. Когда раз за разом ты проходишь по одному и тому же тоннелю, ловя тусклым светом карманного фонаря, жужжащего от нажатия ладони, что бы светить, новые трещины, новые отколовшиеся от свода куски. Сочащиеся от грунтовых вод стены в трещинах, как в морщинах старости и неминуемой смерти. Вот сейчас, наверное, каждый думает о том, сколько осталось их миру.

Маломальский так и думал бы об этом, пока впереди, в конце тоннеля, не забрезжит тусклый, как сама едва теплящаяся надежда на будущее, свет близлежащей станции. Однако ему постоянно мешал попутчик.

Странник то прыгал по шпалам. То шел по рельсам, балансируя руками, как канатоходец и, срываясь, всегда хватал Сергея за плечо, чтобы не упасть.

- Ты не можешь идти нормально? – проворчал Сергей.
- Можешь, - прокричал Странник, в очередной раз, соскочив с рельсы.
- Ну, так иди нормально.
- Нормально...
- Да где же нормально, если ты мне вот-вот рукав совсем оторвешь.
- Оторвешь...

Сергей вздохнул.

- Чего же ты debil такой. – Буркнул он сам себе под нос.
- Дебил дурку? – произнес Странник. – Сам такой, - добавил он вдруг.
- Что? - Маломальский остановился и посветил фонарем в лицо попутчика. К его удивлению, тот даже не зажмурился.

- Дебил нет. Странник. Дебил зачем? Обидно. – Проговорил юродивый.
- Вот даже как, - хмыкнул Сергей, - А ты и в самом деле очень быстро все схватываешь. Маломальский снова вернулся на прежний курс и, зашагал по тоннелю.
- Не обижайся, Стран Страныч. Это ведь я не со зла.
- Обидно, - повторил идущий следом попутчик.
- Ну ладно. Прости. Раз уж ты соображать начал в речи взрослых людей, объясни мне, зачем ты искал того ребенка, а теперь Веру?

- Вера! Мозз! – оживился Странник.
- Вот-вот. Вот именно об этом я и спрашиваю. Что такое мозз?
- Мозз! – повторил попутчик еще громче.
- Да я понял. А что это такое?
- Мозз!!!

Сергей снова остановился и снова посветил фонарем в лицо попутчика.

- И ты хочешь сказать, что ты не debil? А? Нет, все-таки можешь обижаться.

* * *

Мало что осталось от бывшего великолепия Серпуховской. Впрочем, такая судьба постигла все станции, но эту Сергей знал лучше других, ибо жил когда-то не так далеко и пользовался ей постоянно. Еще в те времена, когда метро не было всей вселенной человечества, а всего лишь одной из транспортных артерий большого и населенного людьми города.

Продольной стеклянной трубы, пронзающей по потолку центральный зал станции давно не было. Пилоны зала, чем-то отдаленно напоминающие ребра скелета исполинского и длинного зверя, давно потеряли свой лоск. Большинство пролетов между пилонов, которые были проходами между двумя посадочными платформами станции и центральным залом, были застроены жилищами, позволяя немного сэкономить на деревянных щитах, железных и пластиковых листах, кирпичах и шлакоблоках, из которых эти жилища и были построены. Среди тех пилонов, что не были застроены, для свободного перемещения по станции, сохранившийся отделочный газган давно потускнел и покрылся слоем копоти, жира и грязи.

Пост, находившийся у будки дежурной по станции, беспрепятственно пропустил двух путников появившихся из тоннеля со стороны Тульской. Документы сталкера и характерный жетон делали свое дело. Да и некоторые из смены поста знали Сергея в лицо. И естественно к его попутчику придирааться не стали. Уж так было заведено в метро. Если сталкер идет с кем-то, значит так надо. А со сталкерами ни один режим мира метро не хотел портить отношения, зная их солидарность и возможность бойкотировать ту или иную станцию за причиненную обиду брату сталкеру. А уж тем более со своими сталкерами никто отношения не портил. Если не они, то кто выйдет на поверхность за всем необходимым для людей?

- Давно сменились? – спросил Сергей у старшего.

- Часа два как. А что? – ответил худошавый боец с немытым лицом и круглыми сварочными очками без стекол на лбу, которые видимо, носил просто так, для смеха.

- Никто от нас не приходил?

- С Тульской-то? А что?

- Что за дебильская манера вопросом на вопрос отвечать? – поморщился Маломальский.

- Дебил, - Странник улыбнулся и похлопал бойца по плечу, при этом великодушно улыбаясь.

- Эй, полегче! – огрызнулся боец и зло посмотрел на юродивого.

- Так был кто или нет? – Сергей снова привлек его внимание к себе.

- Ну, в нашу смену нет. А что?

- Да твою ж мать, - процедил сквозь зубы в полголоса Маломальский, которого это «а что» уже порядком достало. – А в предыдущую?

- Да вот в том и весь кипеш. Было. – Кивнул боец.

- А что за кипеш? – напрягся Сергей.

- Паша, харэ болтать почем зря, - окликнул бойца один из его дружины. – Может не положено. Пушай с комендантом обсудит.

- А. Ну точно, да. – Кивнул тот, что в очках. – Ты лучше с комендантом Новиковым перетри об этом. Не уполномочены мы. Коменданта Новикова знаешь?

- Никиту? Знаю, - Сергей кивнул.

- Ну вот. А мы не уполномочены.

- Где он сейчас?

- А там, - боец махнул рукой в глубину зала. – У перехода на Добрынинскую. Там он был. Там и кипеш.

Сергей, молча, двинулся вперед. Странник поспешил следом, подмигнув на прощание недобро смотрящему на него немытому бойцу.

В конце зала, у трех ведущих на станцию Ганзейского кольца Добрынинская эскалаторов (или как это кольцо окрестили некоторые балагуры из числа сталкеров – ганзейского коллайдера), стояла группа людей. Одна из оборудованных в пилонах станции хижин была оцеплена вооруженными людьми. Все это напоминало о госпитале станции Тульской и о том, что там произошло.

- Никита! – окрикнул издали Сергей, узнав в группе людей Новикова.

Лысый человек, с сильно прищуренным левым глазом, Смотрящим в одну точку, повернулся и, стал единственно здоровым оком всматриваться в двух приближающихся людей с внушительными рюкзаками за спинами.

- А, Сергей, - он, наконец, узнал сталкера, помахал рукой и двинулся на встречу. – Какими судьбами? – спросил Новиков, подойдя и протянув руку для приветствия.

Маломальский пожал его сухую, широкую ладонь.

- Да как всегда. Хабар в Полис тащу.

- Ясно. Дело нужное. Есть что интересное почитать?

- Так пошли к тебе, я вытряхну, посмотришь. Заодно бурдой своей напоишь, - Сергей улыбнулся.

- Ай, - Никита отмахнулся, - Не до того сейчас, если честно.

- А что стряслось? – Сергей напрягся, чувствуя, что это напрямую связано с Верой и гибелью ребенка.

- Погоди, - комендант Серпуховской поднял указательный палец, завидев, как из оцепленной хижины вышел человек в медицинском халате. – Матвеич, ну что?

Доктор с мрачным лицом неторопливо подошел к коменданту, вытирая руки выдавшим виды платком и, с сомнением посмотрел да сталкера и его попутчика.

- Говори, - махнул на них рукой Новиков. – Это с Тульской сталкеры.

- Ах, вот оно как, - вздохнул Матвеич. – С Тульской значит. Вы знали убитую?

Сергей почувствовал, как перехватило дыхание и сами собой подкосились ноги.

- Что? – выдохнул он, - Вера?

- Вера? – подхватил озабоченным голосом Странник.

- Ее звали Вера? – доктор покачал головой.

- Вера Таборовская. Что случилось? Может это не она? Что вообще тут происходит?

- Сергей, погоди. – Перебил его Новиков. - Матвеич. Так что?

- Ну, насилия, что мы предполагали ранее, не было. – Проворчал доктор. – То есть интим был. Это сто процентов. Но, похоже, что добровольно.

- Тогда зачем Кривошеев ее убил? – развел руками комендант.

- Да черт его знает, что на парня нашло. Убить, да еще так...

- Мать вашу, - прорычал, сбрасывая на пол станции свой рюкзак, Сергей и, рванулся в хижину.

- Стой, куда! – окрикнул его комендант. У самого входа, дорогу Маломальскому перегородил один из бойцов оцепления, но Сергей бесцеремонно оттолкнул его, - Свали с дороги, я сталкер.

В узком, неказистом жилище, где из всей утвари был лишь топчан и облезлая тумба, да лампа масляная из гильзы на этой тумбе, лежала мертвая Вера. Лежала на полу, устланном собачьими шкурами. Ее обнаженное тело было накрыто простынею. А открытое на обозрение лицо изуродовано и залито кровью.

Сергей вздохнул и медленно опустился на топчан. Отвернул голову. Он знал Веру. Знал насколько она несчастная женщина. Хотя, кто сейчас в этом метро был счастливым? Но он всегда чувствовал вину перед ней за то, что имевшая когда-то место быть близость между ними, лишь добавила горечи в ее судьбу. А теперь она лежала мертвая и не спросить у нее, что же случилось с тем ребенком и что произошло с ней. Да, дело это оказалось не таким простым, как он предполагал еще недавно. Сергей отчего-то совсем не допускал мысли, что с Верой может что-то случиться. Тем более не думал он, что натолкнется на совершенно идентичную картину, что и в госпитале на Тульской.

В жилище вошел Странник и тут же склонился над женщиной. Водя ладонями возле головы. Следом появились доктор Матвеич и Новиков.

- Вера... Мозз... - тихо произнес Странник и, поднявшись на ноги, строго посмотрел на представителей местной власти. – Кто?! – резко спросил он.

- Вы ее родственник? – спросил доктор.

- Странник. Кто. – Не меняя тон, говорил юридический.

- Мужики, он того немного, - произнес Сергей, покрутив растопыренной ладонью у своего виска. – Объясните что случилось.

- Да дело непонятное, - пожал плечами Новиков. – Пришла она значит из тоннеля.

Заплаканная вся. Ничего не говорит. Скулит только, да за голову держится. Ну, ее конечно тамошний пост остановил. Старший сказал Кривошееву, бойцу поста, чтоб тот отвел ее в лазарет наш. Вроде там кровь у нее носом шла. Они-то подумали, что ее может муж отлупил, и она сбежала, куда глаза глядят или что-то в этом роде. Ну, повел ее Кривошеев. Потом смена поста, а его все нет. Ну, его наряд сменился и старший пошел к нему домой. Узнать чего он не явился на смену. А тут такое. И Кривошеева нет. Кинулись искать. Нет нигде. Но вроде видел другой пост, как он быстро ушел в тоннель. В сторону Полянки. Мы конечно охотника и диггера пустили вдогонку. Но пока не пришли.

- Видимо этот Кривошеев склонил ее к интиму. А потом убил. – Покачал головой доктор.

- Твою мать, - еле слышно выдохнул Маломальский, затем громче добавил, - Матвеич, ты уверен, что ее раны нанесены снаружи?

- Я что-то не понял.

- Ну, не похоже, что травмы в ушах и носу как бы изнутри вырвались?

- И как такое может быть?

- Да, черт возьми, я не спрашиваю, может такое быть или нет! – разозлился Сергей, - Ты повнимательнее посмотри!

- Сергей, а в чем дело? – нахмурился Новиков. – Ты что-то знаешь?

- Да у нас на Тульской та же история. Пришел ребенок. Плакал и не говорил. Вера его приютила. Потом Вера почему-то ушла со станции, а ребенка у нее в комнате мертвым нашли. И наш Айболит сказал, что травмы у него изнутри. Будто какая-то опухоль в голове взорвалась.

Новиков и Матвеич переглянулись.

- Я за помощниками и инструментами, - сказал доктор и быстро вышел из хижины.

- Никита, отправь гонца на Тульскую. Там пусть доложит по Вере и подробности о нашей истории узнает. А нам спешить надо.

- Куда?

- В сторону Полянки, ясное дело. Скажи только, как это Кривошеев выглядит.

- Да, как выглядит, - Новиков задумчиво потер голову. – Ну, низкий. Худой, ясное дело. Рыжий с плешью на макушке. Нос перебитый. Ты что же, хочешь сказать, что он не убивал?

- Я хочу сказать, что, судя по всему в его голове что-то чужеродное. И Кривошеев этот, уже заочно мертв. Но мы пытаемся понять, что это за дрянь людей убивает.

* * *

Сергей никогда не страдал одной из главных психологических болезней современного общества, а именно боязнью тоннелей. Но были в этом мире пути, которые он по тем или иным причинам не любил. Это черное жерло, ведущее к станции Полянка, было одним из них. Много было разных историй о том, отчего Полянку забросили люди. Истории были одна бредовее другой, но ведь где-то в них зарыта истина. И конечно был известный факт. Станция заброшена, и обживать ее никто особо не торопился. А ведь она имела прямое сообщение и с Полисом и с Ганзой. Можно это конечно списать на банальное суеверие людей, но ведь на чем-то основывался этот суеверный страх. По этому тоннелю иногда передвигались люди. Конечно не поодиночке, что делало поступок Кривошеева безрассудным, но был ли у него рассудок, если что-то проникло в его голову?

Сам Сергей по этому тоннелю не ходил, хотя одним из основных его маршрутов в метро был путь от Тульской до Полиса. А это кратчайший путь. Но одной из основных заповедей сталкера всегда была простая истина – кратчайший путь, не есть самый простой и безопасный.

Набрав на поверхности книг, Сергей всегда двигался до Серпуховской. Оттуда поднимался по эскалатору на Добрынинскую и по кольцу, через Октябрьскую до Парка культуры, где была граница Ганзы и коммунистической красной линии. Конечно, у советов для других режимов был непроницаемый железный занавес на границах и строжайший пропускной режим. Но транзит сталкеров был оговорен давно и ему, в связи с этим было

легче пересекать миры коммунистического рая. Да и знали его там. Не раз ходил. И, как правило, оставлял красным идейно выдержанные и отвечающие их политике книги. Благо такие у него всегда имелись. И так он, от Парка культуры, минуя Кропоткинскую, попадал в Полис. Огромный микромир, объединивший в одной точке четыре станции.

Но вот сейчас он шел по тоннелю, который всегда избегал, предпочитая ему уже привычный маршрут.

- Вот скажи, Стран Страныч, чего ради я тут шпалы топчу, а? – недовольно проворчал Маломальский, водя перед собой фонарем, который словно рисовал своим лучом привычный пейзаж этого мира. Ребра тоннеля и пути, по которым никогда не будут проноситься электрички набитые спешащими куда-то москвичами.

- Мозз, - ответил Странник.

- Да я понял что мозз. А что за хрень это, можешь объяснить, черт тебя дерит?

- Мозз, - снова буркнул юродивый.

- Твою ж мать, - сокрушенно вздохнул Сергей. – Ну что это такое? Болезнь?

- Болезнь? – переспросил Странник.

- Да. Ты знаешь, что такое болезнь? – Маломальский посветил в лицо попутчику фонарем и тот, по обыкновению, не зажмурился.

- Нет, - пожал он плечами.

- Ну, блин. Или ты совсем тупой, или просто счастливый, если не знаешь что такое болезнь. И откуда ты такой взялся?

- Откуда?

- Да. Откуда ты взялся?

Странник улыбнулся своей наивной глупой улыбкой и пальцем показал на потолок тоннеля.

- Там.

- Ну, это понятно, что оттуда. Мы все с поверхности, кто до катастрофы родился. Это наш мир был когда-то. Но теперь ты откуда? А?

Юродивый повторил свой жест и улыбку.

- Там.

- Да ну тебя, - Сергей с досадой махнул рукой и побрел дальше. – У тебя хоть семья есть?

- Семья? – переспросил Странник.

- Да. Семья. Или ты и этого не знаешь?

- Есть семья, - по голосу было понятно, что Стран Страныч улыбается.

- О как. И вы там все такие?

- Все?

- Все чудаки такие в твоей семье? Все, такие как ты?

- Странник один. Семья есть. Семья не такие. Я Странник.

- О ну это все объясняет, черт подери. Ты странник, а семья не такая. Вот все сразу стало понятно. – Зло бубнил Маломальский.

- У тебя семья. – Ответил юродивый.

- Нет у меня семьи. Старик Казимир только. Он отец Риты. Но это уже не твое дело.

- У тебя семья. – Повторил Странник.

- Да нет у меня семьи, говорю.

- Ты не понял, - Странник вдруг положил ладонь на плечо Сергея и остановил его. – У тебя семья есть.

- Чего? – сталкер уставился на него, освещая фонарем. – Ты чего мелешь?

- Семья. Твоя.

- Какая еще к черту семья?

- Казимир. Вера. Шеев... Криво...

- Кривошеев? Ты вообще дурачок? Я даже его не знаю совсем. Вера мертва уже.

- Ты не понял... Сергей... Твоя семья. Люди. Люди твоя семья.

- Тьфу ты, - Маломальский дернул головой и нервно засмеялся. – А я-то думал, о чем ты там болтаешь. Так бы и сказал, что ты долбанутый на всю голову хиппи. Типа, все люди братья и сестры, дети цветов и солнца. – Он снова зашагал в сторону Полянки. – Только выйди-ка ты сейчас на солнце. Отличный стэйк из тебя получится. Блин... Вспомнил про стэйк и жрать захотел. Ты жрать не хочешь?

- Что? Жрать?

- Да, черт тебя дери. Жрать. Кушать. Ам-ням-ням. Понимаешь, нет?

- Нет.

- Что нет? Нет – не понимаешь? Или нет – не хочешь?

- Нет. Не хочешь.

- Ну, как хочешь. А я пожру. Вот только на станцию сейчас выйдем. Там и привал устроим. Не знаю как у тебя, а у меня от рюкзака плечи уже ноют. Скорей бы Полис. Продать это все и домой.

- Нет. Мозз. – Возразил Странник. – Найти. Найти мозз.

- Да вот это мы и делаем сейчас. Ищем. Только, дорогой ты мой хиппи, это труднее делать, когда я понятия не имею, что мы ищем. А ты объяснить не хочешь. – Сергей вдруг снова остановился и направил свет фонаря попутчику в лицо. – А если не найдем? Что будет тогда? Если не найдем этот мозз?

Странник не улыбался. Он пристально смотрел в глаза сталкеру.

- Война. – Последовал ответ.

- Война?

- Да. Война.

- И кто с кем? – Сергей несколько опешил от такого неожиданного ответа.

- Моя семья. Твоя семья.

- Как это? Почему?

- Мозз ищет... - Странник задумался, ища подходящие слова из своего скудного лексикона. – Ищет... Ясли.

- Ясли? Какие ясли?

- Дом моей семьи. Нельзя мозз ясли. Мозз один. Тогда будет много мозз. Тогда твоя семья станет мозз. Люди мозз. Люди-мозз туда, - он поднял вверх указательный палец. - Где был ваш мир. Будет мир мозз. Но так нельзя. Тогда люди надо... надо... - он снова стал подбирать слово. – Убить.

- Ты охренел что ли?

- Я ведь сказать. Война если мозз не найти. Мозз не мочь моя семья. – Он постучал пальцем себя по виску. – Но мочь людей. Если мозз найти ясли. Будет много мозз. Война.

- Да что за тарбарщина?

Юродивый вдруг схватил Сергея за плечи и швырнул в сторону. Это было настолько неожиданно, что сталкер не сразу осознал происшедшее. Он лишь судорожно стал нащупывать кобуру пистолета на своем ремне и ощутил странный порыв ветра рядом с собой. Словно что-то пронеслось мимо. Затем шипение в темноте. Маломальский резко выставил вперед себя фонарь, и луч света уловил молниеносное движение какого-то существа, которое резко развернулось и изготвилось к новому прыжку. Разум Сергея опознал существо. Оно было настолько опасно, насколько и редко в тоннелях метро. Люди панически их боялись, этих искусных и свирепых хищников. Странное дело. Когда-то они в изобилии водились в городах. Люди держали их даже в своих домах. Умилялись им. Холили и лелеяли их. Но сейчас... Сейчас это были исчадия ада. Они стали крупнее. Худее. Но когти и зубы острее и больше. Они жрали крыс, но не брезговали и людьми, нападая на неосторожных путников метро, за несколько молниеносных атак лишая когтями глаз, разрывая артерии на шее и руках, отбегая и давая истечь жертве кровью, ослабнуть, чтобы потом начать пожирать. Это была кошка. Она рванулась в очередной прыжок, метя Сергею в шею. И вдруг мощный удар чьей-то ноги отбросил кошку в стену тоннеля. Та захрипела и заскулила. Дернулась в сторону, поняв, что тут она сама может погибнуть. Но Странник в

очередной раз продемонстрировал Сергею удивительную ловкость и точность реакции. Он схватил животное руками и поломал ему об свое колено хребет.

- Черт, - сплюнул Сергей, поднимаясь на ноги. – Вот за это я и не люблю кошек.

- Кошек, - Странник улыбнулся, вертя в руках тушу животного и ощупывая руками, словно ища участок помясистее.

- Да выбрось ты ее к дьяволу.

И тут произошло что-то совсем из ряда вон выходящее. Юродивый с неприкрытым аппетитом вцепился зубами в тушу и, откусив приличный шмат, стал с удовольствием и улыбкой жевать.

- Твою мать, Страннич, - пробормотал ошарашенный сталкер, чувствуя, как подступает рвотный спазм. – Что ж ты не сказал, что хавать хочешь... Блин... Пожарил бы хоть...

Странник, набив щеки сырым мясом и жилами костлявой кошки, взглянул на Маломальского и, протянув руки с останками животного, пробубнил:

- Ты жрать не хочешь?

- Иди в задницу, - сквозь зубы процедил Сергей и его, наконец, вырвало.

Глава 6. КРЫС НЕТ

Сергей старался теперь держаться подальше от своего попутчика. И не говорил с ним. Перед глазами все еще стояла отвратительная картина поедания дохлого кошки. Конечно, гастрономические изыски человеческой расы после катастрофы стали, мягко говоря, скромнее. Однако среди жителей цивилизованных станций такое не особо практиковалось. Крыс ели, но не сырыми. Ели собак если те не принадлежали к породам, могущим обеспечивать безопасность и охоту. Но тоже жарили. А тут вот так сразу слопать кошку-мутанта...

Странник брел позади и бормотал что-то себе под нос. Похоже, он перебирал все слова, значение которых уже знал, а заодно произносил и любые другие слова, которые слышал, пытаясь угадать и их значение тоже. При этом он словно перечитывал азбуку.

- А. Арбуз. Б. Бестолковый. В. Война. Вера. Вера-мозз. Мозз. М. Ясли. Я. Я – Странник. Странник. С. Сергей. Сергей!

- Отвали, - тихо рыкнул Маломальский.

- О. Отвали.

- Заткнись.

- З. Заткнись. Моззззз.

- Да утхни ты, слышь! – Через плечо крикнул сталкер и эхо завибрировало в тоннеле.

- Слышь. Утхни. Друг. Серегй – друг. – Послышался голос улыбающегося юродивого.

- Ага. Щас. Твои друзья в овраге лошадь доедают.

Странник вдруг быстро засеменил, обогнал Сергея и встал перед ним.

- Слышь. Утхни! Я твоя жизнь спас, ага?

Маломальский вздохнул. Обернулся, глядя в темноту пройденного тоннеля. Вспомнил, что юродивый действительно спас его от кошки и снова посмотрел на Странника.

- Ну, спас. Спасибо. Все?

- Все? – Странник наклонил голову вбок.

- Ну а жрать эту гадость, зачем надо было? Ты совсем дикий что ли? У меня хавчика пол рюкзака. Ну, треть точно. Ну, четверть, сто процентов. А вдруг кошка эта заразная? Нет, ну я все понимаю. Я тоже шаурму хавал когда-то. Бывало. Но, блин, есть же еда нормальная. Я тебе предлагал.

Странник какое-то время, молча, смотрел на Сергея, словно перебирая в уме все услышанные слова и обрабатывая их своим детским сознанием, старясь понять. Затем своей обычной манерой, с предварительной задержкой приподнятой ладони у плеча собеседника, легонько похлопал Маломальского по этому плечу и, улыбнувшись, сказал:

- Утхни.

Затем повернулся к нему спиной и зашагал вперед.

- А ты мне почти нравится начал. – Буркнул Сергей, последовав за ним.

Они приближались к Полянке. Это было характерно. Чем ближе к станции, тем больше различного мусора среди шпал. Маломальский задумчиво рассматривал ключья тряпья, изъеденные крысами предметы обуви. Разбитые очки и обрывки бумаги. Какие-то обломки. Он думал о судьбе тех, кто всем этим когда-то обладал и от мыслей этих, становилось как-то нехорошо. Странник на это все не обращал внимания. Он вышел к платформе и, казалось, что свет фонаря ему совсем для этого не нужен.

- Притормози, эй. Ишь, разогнался, - окликнул его Сергей. Он старался не кричать. Не то из уважения к душам сгинувших тут людей, не то от какого-то скрытого чувства беспокойства. Он сам это толком не понимал, просто чувствовал напряжение и пульсирующую в голове мысль, что им нельзя терять друг друга из вида. Вот потому он и не любил групповые рейды. Ведь несешь ответственность не только за себя, но и за того парня. Хотя, конечно можно сколько угодно утверждать, что одиночные рейды более продуктивны и безопасны, во всяком случае, для него, но если бы сегодня с ним не было Странника, то еще далеко неизвестно, чем бы закончилась встреча с кошкой. Возможно, съедена была бы как раз не она. Черт возьми, он-то считал, что это будет прогулка. Ну не мог он называть передвижения по тоннелям метро рейдами. Рейды для него были выходами на поверхность. Однако их путешествие все больше походило на рейд каким-то внутренним чувством, определяющим его нынешнее состояние. А в метро его чутье сталкера дремало. И это было еще одним тревожащим его фактором.

Странник остановился, вырвавшись далеко вперед. Он встал и уставился на стену. Что он мог там видеть в крошечной тьме? Сергей осветил фонарем сначала его. Затем луч скользнул по стене, вырывая из тьмы строгие геометрические линии букв, расположенных с большими пробелами и составляющих надпись.

- По, - начал читать, водя перед собой указательным пальцем Странник, - ля, нка. Полянка.

- Точно. Полянка. – Кивнул Маломальский, догнав его. Сталкер взобрался на платформу темного гранита и принялся рассматривать станцию, думая о том, возможно тут сделать привал, или лучше потерпеть и отправиться дальше, до Боровицкой.

Всяческого мусора тут было в достатке. Тряпье, ржавые железки. Какие-то бочки, помятые и нет. Покрышки автомобильные. Осыпавшаяся штукатурка. В некоторых местах были видны следы временных стоянок. Это были небольшие участки, очищенные от мусора, со следами костра и копоти. С наспех сооруженными из подручного мусора местами для сидения. У нескольких стоянок на темном полу были видны большие и широкие мазки. Словно тут волокли кого-то, истекающего кровью. Сергей поежился. На станции было тихо, но тишина эта ему не нравилась. Внезапно находившийся все это время позади Странник резко дернул его за рюкзак. Маломальский подумал уже, что опять нападает, чертова кошка, и схватился за ручку своего разводного ключа. Однако обернувшись, он, в свете фонаря увидел, как попутчик возбужденно тычет куда-то пальцем. Сергей проследил за его рукой лучом света и увидел в конце платформы, в торце станции, огромный черный овал, в котором светлели два исполинских человеческих силуэта с распростертыми руками.

Сталкер мгновенно напрягся и двинулся боком к ближайшей колонне. Но силуэты были неподвижны. И тут он вспомнил, что Полянка была известна скульптурной композицией «Молодая семья», которая иногда пугала редких путников проходящих этой дорогой.

- Тьфу, черт, - тихо засмеялся он. – Это же статуя. Не паникуй Стран Страныч.

Однако Странник замотал головой и снова затряс, перед собой рукой, куда-то указывая.

- Нет, Сергей. Нет! Там! – громко зашептал он.

- Да что там? – Маломальский снова принялся сканировать пространство впереди себя тусклым светом фонаря. Однако ничего экстраординарного не увидел. Тогда он неторопливо зашагал вперед, пока не заметил что шагах в тридцати впереди, среди мусора, накрывающего

тут сломан станцию, лежит человек. Сергей осторожно двинулся к нему, предусмотрительно озираясь по сторонам.

Человек был мертв. Об этом красноречиво говорил раскопанный череп. Его погубил мощный удар по голове. И ударили, похоже, чем-то... Ага. Вот она. Кусок трубы, один конец которой был в свежей крови, с налившимися к ней клочьями волос погибшего. И трубу эту, одной рукой сжимал уже другой труп.

- Вот тебе раз, вот тебе два, - проворчал Сергей и склонился над телами.

Первый был одет в какой-то рабочий комбинезон, чьи колени и локти были в брезентовых заплатках с поролоновыми прослойками. Характерный наряд диггеров. Они как никто другой умели передвигаться не по протоптанным маршрутам метро, а по скрытым казематам, помнящим, наверное, еще Ивана Грозного. По малоизученным или совсем неизвестным технологическим тоннелям и отдушинам. По секретным путям правительственных коммуникаций, о существовании которых в свое время было положено знать лишь немногочисленным избранным. Иногда приходилось двигаться только ползком, упираясь коленями и локтями. Именно поэтому опытные диггеры первым делом обшивали свои рабочие комбинезоны такими заплатками. Второй, тот, что проломил диггеру голову, был в штопанных, перештопанных старых камуфлированных штанах и старом, местами поеденном молью сером свитере. Он был невысок. Рыжеволос и с плешью на темени, и с перебитым носом. Причина его смерти была так же очевидна, учитывая, что, судя по описанию этот тот, кого они искали. Засохшая кровь так же застыла струйками, вырвавшимися из ушей, ноздрей и рта. Как и у Веры. Как и у малыша. Сергей приблизился к трупу рыжего и расстегнул его поясной ремень, ища клеймение, которое практиковалось в метро, особенно у служивых людей Ганзы. Так и есть. С внутренней стороны португейского армейского ремня было выведено чернилами: - «И.Кривошеев. ст.Сер-кая. Ганза.».

- Значит так. За Кривошеевым вдогонку пошли диггер и охотник. Диггер мертв. Кривошеев тоже. Значит мозз теперь в башке охотника? – Сергей взглянул на Странника.

- Мозз. В башке, - быстро закивал попугайчик.

- Какого хрена ты мне не сказал, что человек, пораженный этим долбаным мозгом способен применить оружие против другого человека? Я думал, мы ищем прокаженного больного, но он умудрился грохнуть человека перед своей смертью. Причем не просто человека. Диггера. Диггер тот же сталкер. Только подземный. А эти ребята, знаешь ли, не лыком шиты.

- Лыком. Мозз. Башка. Охотник. – Снова закивал юродивый.

- Ответь, кошкед, какого хрена ты меня не предупредил, что он вдвойне опасен?! – Сергей зло и с силой толкнул Странника в плечо.

- Я говорить. Мозз опасно. Война может быть.

- Да хрен тебя разберет, что ты там бормочешь! Как нам теперь охотника искать, мы понятия не имеем, как он выглядит!

- Я знаю. Я умею. – Возразил Странник и тоже толкнул Сергея в плечо. – Утихни. Не паникуй.

Маломальский на такую дерзость хотел ответить затрешиной, но вдруг в его мозгу тревожным маячком ярко засветилась одна простая мысль. КРЫСЫ.

Он снова торопливо осмотрел трупы. Посветил вокруг. Крыс нет.

- Черт возьми. Слушай. Они ведь уже тут, наверное, не один час лежат. Не меньше. И ни одна крыса не притронулась к трупам. Их тут вообще нет.

- Крысы? – Странник вопросительно посмотрел на сталкера.

- Ох, недоброе я чувствую. Нехорошо, что их нет. Ох, плохо. – С волнением в голосе бормотал Маломальский. Он поднялся и стал пристально вглядываться в темноту вокруг, освещая ее своим фонарем. Он надеялся увидеть хотя бы одну чертову длиннохвостую тварь. Или, на худой конец, еще одну кошку, которая могла бы быть причиной отсутствия грызунов. Но, похоже, ничего живого на этой станции кроме них двоих не было. Тогда что не подпускает сюда крыс? Радиация? Про Полянку всякое рассказывали. Но про радиацию

что-то никто и никогда. Кажется.

Сергей продолжал водить фонарем по часовой стрелке вокруг себя, нервно покусывая нижнюю губу. А что если охотник с этим мозгом в мозге все еще тут и потому крыс нет? СТОП! Маломальский замер и стал медленно поворачиваться в обратном направлении. Против часовой стрелки. Вот в слабеющее от дистанции пятно света попал темный овал в торце станции. Тот самый, где была скульптурная композиция «Молодая семья». Одной статуи теперь не было на месте.

- Твою мать, развелись что ли? – выдохнул он, и фонарь тот час потух. – Черт.

Сергей несколько раз ударил фонарем по своей ладони, как это обычно делали люди всюду, где у них в руках гасло единственное светило. Но результата никакого не было.

- Стран Страныч, - шепнул он, повернув голову. – Эй.

Ответа не последовало.

- Странник. Ты где. Иди на мой голос и возьмишь рукой за рюкзак. Надо сваливать отсюда. Слышь?

И снова тишина.

- Да твою ж мать, чего молчишь?

Теперь тишину разорвал скрежет металла. Кто-то, в другом конце станции, толкал что-то железное и массивное, словно мешающее ему пройти. Жуткий скрежет заполнил, казалось, все подземелье, говоря этим звуком о размерах и массе железного предмета и о силе того, кто ее толкал. Сергей зрительно помнил, где и на каком расстоянии ближайшая колонна станции. Двинулся к ней вслепую. Быстро нащупал заветный мрамор колонны. Так же быстро снял с себя рюкзак, и вооружился автоматом. Скрежет стих. Снова воцарилась гнетущая тишина. Сергею казалось, что его дыхание предательски громкое в такой тишине. Он осторожно тряхнул фонарем и снова нажал на рычаг, пытаясь вызвать заветное свечение светодиодов. Фонарь зажужжал, но свет не появился.

- Черт тебя дери, как не вовремя-то, а. – Прошептал сталкер.

И вдруг раздался какой-то жуткий крик, будто истеричный вопль сотни обезумевших ведьм. Неожиданно громкий и длившийся секунду. Он так же неожиданно стих, резко сменившись мощным глухим ударом и, Сергей через мгновение почувствовал, как мимо него просвистело что-то большое, обдав волной воздуха с запахом солянки. Нечто, похожее, пнуло бочку и та, пролетев несколько десятков метров, загрохотала далеко позади по гранитному полу, мусору и свалилась на пути.

- Ну нахрен, - выдохнул тихо Сергей и попятился назад. Нашупал ногой край платформы и осторожно спустился на пути. Он судорожно искал в памяти что-то, подходящее по описанию на то, что сейчас происходило на станции Полянка, чтобы понять с какой тварью имеет дело. Но память либо подвела его, либо ничего подобного в ней не хранилось. И где, черт возьми, Странник? Помер от страха?

Что-то громко затопало по граниту станции. Видимо, все та же тварь что орала как тысяча чертей и играючи пинала бочки. И топала она в его сторону. Сталкер пытался по звуку шагов понять, сколько у нее ног. Но сделал лишь вывод что, ни двуногие, ни четвероногие существа так не ходят. Хотя, черт возьми, от этого ни капельки не легче.

Шаги остановились неожиданно. Затем громкий шорох. Звук посыпавшейся штукатурки. И снова топот. Но звук стал другим. Через мгновение Сергей понял что, похоже, тварь идет по потолку. И все ближе. Теперь было понятно, что это совершенно ни на что не похоже. Оставалась лишь надежда, что это нечто, чем бы оно ни было, наткнется на два человеческих трупа и будет занято ими, дав фору и возможность убратся отсюда как можно дальше. Но самое скверное то, что Сергей не хотел уходить без Странника.

- Сергей, - послышался шепот справа у самого уха.

- Черт! – Маломальский вскрикнул от неожиданности и дернулся в сторону. Споткнулся о рельсу и упал.

- Это я, - снова зашептал знакомый голос. – Твой рюкзак у меня.

- Странник, твою ж мать. – Простонал тихо сталкер вставая. – Я с тобой после

разберусь. А сейчас валим отсюда.

Раздался грохот, который сотряс всю станцию. Тварь спрыгнула с потолка на пол. Снова жуткий визг и удар. Очередная бочка пронеслась с металлическим звоном по платформе.

- Мозз ушел наверх. – Зашептал Странник.

- Какой нахрен мозз. Ты что не слышишь что тут какое-то, мать его, ктулху, бродит и бочки не любит? Валим, я сказал.

- Мозз. Искать надо.

Еще один мощный удар и их обоих обдало градом мелких острых осколков. Похоже, тварь разбила часть одной из колонн станции.

- Иди ты в задницу со своим моззом. Нас сожрут сейчас. Не знаю как ты, а у меня есть еще планы на ближайший вечер. – Сталкер нащупал руку попутчика и, пригнувшись, стал быстро двигаться в сторону заветного Полиса, увлекая за собой Странника.

Тварь снова заорала, и вдруг с противоположной стороны ей ответил чудовищный рык и быстрый галоп мощных когтистых лап. Первая тварь заверещала и, судя по звуку, ее верещание прервал мощный удар. Началась титаническая возня, сопровождаемая дьявольскими звуками.

* * *

Виктор Турманец хмуро смотрел в черноту тоннеля и то и дело проводил кончиками пальцев по рубцу, проходящему с левой скулы через переносицу на лоб. Рубец этот всегда ныл, когда он нервничал и злился. Сейчас он злился. До конца его смены на дальнем посту, ограждающем Боровицкую от черноты, ведущей к заброшенной Полянке, оставался всего час. Он уже предвкушал, как смениться, пойдет домой. Умоется. Поест и завалиться спать, после чего отправиться в центр Полиса к своим друзьям и сядет с ними за излюбленный преферанс, играя на папиросы. Но нет. Надо было появиться этой треклятой лавине вонючих крыс и сорвать ему все планы. В тоннеле еще стоял удушливый и теплый смрад с дымом, от недавних ударов огнеметов, что спалили не одну сотню грызунов, которые внезапно появились из тоннеля. Сигнал крысиной угрозы в Полисе еще не отменили, хотя поток крыс уже иссяк. Но ведь что-то их спугнуло там, откуда они пришли такой толпой. Виктору уже хотелось, чтобы это нечто поскорее вышло на его пост. Тогда они спалят огнем и его. И вот тогда он, наконец, сменится и пойдет домой. А то ведь свехурочные в таких случаях не предусмотрены. А еще бесила бабка Агафья, которая уже раза четыре приходила ругаться. Дескать, накопили огнеметами так, что копоть дошла до развешенного поперек Боровицкой белья и его снова придется стирать. А это лишняя трата драгоценной воды. На четвертый раз Виктор послал ее десятиэтажным матом. Сейчас он, конечно, жалел, что обругал старую женщину. Но не исключал, что если она появится тут еще раз, то он отправит ее обратно не менее «изящно». Он принялся нервно расхаживать поперек поста, поглядывая в темноту и морщась от мерзкого запаха паленых крыс. Достал из нагрудного кармана крутки пачку папирос. Заглянул внутрь. Одна осталась. Вдохнул. Дернул рукой, чтобы папироса вылетела из опустевшей пачки. Поймал ее ртом и прикурил от бочки, в которой горел костер. Табачный дым хоть как-то для него отобьет эту вонь. Снова зашагал. Сейчас ведь еще торговцы припрутся и будут проситься в тоннель, крыс дохлых собрать. Еще бы. Такой товар. И уже поджаренные. Придется объяснять им, что угроза еще не снята. Что идти они должны обратно. А те будут умолять. Предлагать за это мзду. И снова мат на весь тоннель.

- Кто там! – заорал вдруг один из молодых бойцов, что в напряжении всматривался во тьму тоннеля обоими глазами и стволом пулемета.

- Ты это кому, салага? – мрачно буркнул Турманец, чувствуя некоторую зависть к тем, кто родился уже в метро и видел в темноте лучше, чем он, в прошлом опытный и бывалый ОМОНовец. Хотя чему тут завидовать? Ну, видят лучше. А в остальном? Дохлаки и рахиты.

- Да там идет кто-то. – Ответил молодой. – Эй! Кто там?!

- Сто грамм, - послышался недовольный голос из темноты.

- Чо?

- Через плечо.

- Что? Кто?

- Дед Пихто. Кого вы вообще ждали? – Наконец показались два силуэта, пойманные призрачным светом от вырывающихся из бочки языков пламени. – О, да у вас тут вечеринка с барбекю? – Тот, что пониже, разглядывал ковер из мертвых крыс.

Его спутник поднял одну тушку, понюхал и попытался откусить заднюю лапку, но первый хлопнул его по рукам и крыса упала.

- Ты опять за свое?

Виктор, прищурился, вглядываясь в этих внезапных гостей. И тут же узнал одного из них.

- Бумажник, это ты так насмердел в тоннеле, что крысы все от вони сюда прибежали?

- Я тоже рад тебя видеть, Витек. – Хмыкнул Маломальский. – Что у вас тут такое?

- А что, не видно? Там кстати, в тоннеле, крыс нет?

- Вот крыс там как раз таки нет. – Покачал головой Сергей. – Слушай, тут до нас человек не появлялся?

- Вот человек как раз таки нет, - передразнил его Виктор.

- Точно?

- Да точно. Давно из этого тоннеля людей не было.

- Давно, это сколько?

- Неделю, наверное. Места там нелюдные. Тебе да не знать.

Странник задергал Сергея за рукав и стал тыкать пальцев вверх.

- Я говорить. Мозз там.

- Да погоди ты, - досадно поморщился Сергей.

- Что за дела у вас? – Поинтересовался Турманец.

- Да хреновые дела. Походу, один придурок открыл гермоворота на станции Полянка и рванул наверх. А оттуда два хренозавра спустились и теперь бесятся там на станции. Наверное, потому крысы с испугу сюда ломанулись.

- Что?! – Виктор выпучил глаза, - Твою мать! – Он стал изрыгать проклятия и с яростью швырнул окурок в бочку. – Я теперь точно не сменюсь, если твари с поверхности спустились!

- Ну, извини, мы тут не причем, - демонстративно развел руками Маломальский.

- Какого хрена вы ворота не закрыли?! Почему тварей не грохнули?!

- Ну, ты орел, однако, - усмехнулся Сергей, - Иди, попробуй. Они огромные и я понятия не имею, что это такое.

- Мать вашу, - выдал сквозь зубы Турманец. – Баклуха! Баклуха!!!

- Я! – отозвался кто-то в полумраке.

- А ну бегом на станцию! Поднимай кошмариев этих, пусть на дрезину грузят стволы и АГС! Сейчас поедem, разберемcя! Я, в конце концов, смениться уже хочу к чертовой матери с этого дежурства!

- Кшатриев, - поправил кто-то из бойцов. – Не кошмариев.

- А ну цыц, умник! – рявкнул Виктор.

- Учти, Витек, они огромные. Одна точно по потолку ходить может. Крушит камень как фанеру.

- Да без сопливых разберемcя, - нервно отмахнулся Турманец идя в сторону своей станции.

- Командир! Так этих пропускать, нет?! – крикнул ему вдогонку пулеметчик.

- Да ясен пень! Ты что, Бумажника не знаешь?! Он постоянно сюда книги таскает местным баранам.

- Браминам, - поправил его Сергей. – И как тебя вообще тут столько времени терпят?

Глава 7. РАЗУМ

- Ивашов, здорова!

- Привет Бум, - ответил грузный человек, который, несмотря на свою военную униформу часто бриться явно не любил. Что впрочем, было нормальным явлением при нынешнем отношении к воде и сложностями с бритвенными принадлежностями. – Я спешу очень, чего сказать хотел?

- Ох, какие все тут занятые. – Усмехнулся сталкер. – А где Мельник?

- Полковника сейчас нет в Полисе. Чего передать хотел важного?

- Да нет. Поздороваться хотел. Потрещать о жизни нашей скорбной. Сто лет не виделись.

- Ну, не обессудь. – Ивашов развел руками, и пошел дальше.

- Сто лет? – Странник с изумлением вытаращил на него свои и без того огромные глаза, на которые невероятно яркий, по меркам современного метро, свет Полиса никак не действовал.

- Ну, это образно говоря. – Пожал плечами Сергей. – А ты вспомнил числительное значение слова сто?

- Много?

- Ага, - Маломальский кивнул, - Очень много. Вот, например наше метро сто лет назад только строить начали. Сто два, если быть точнее. Нда-а. – Протянул он, раскинув руки на спинку скамейки, на которой сидел и, уставившись в потолок. – А ведь как начинали. Семь мужиков с лопатами, полуторка и восемь кобыл с телегами. И все.

- Как? – переспросил Странник, который, похоже, ничего не понял.

- Да ладно, забей, - отмахнулся Маломальский.

- Забей?

- Отстань, говорю. – Сергей поправил на лице свои очки со светофильтрами от фотолинз, которые спасали зрение от яркого освещения Полиса. Время, пока оценщики-брамины будут разглядывать принесенные им книги, и оценивать их, сталкер решил переждать в большом зале «на улице», зная какая долгая и нудная, эта процедура по оценке. Он мог не беспокоиться, что брамины решат его обмануть и занижить сумму, исчисляемую количеством патронов. Маломальского здесь ценили и в услугах его нуждались. Тут он был на хорошем счету и его не проведут.

Сначала он долго ходил вдоль светлой и чистой Боровицкой, по которой тянулись казавшиеся бесконечными, вереницы стеллажей с книгами. Сергей довольно улыбался, замечая корешки книг, которые сам сюда некогда принес. В такие моменты он особо чувствовал свою причастность к очень важному и великому делу, а именно спасению и сохранению интеллектуального достояния человечества. Эти книги, были последним мостком между канувшим во всепожирающую плотоядную пасть катастрофы прошлым. И тянувшимся, уползающим в свою нору, смертельно раненным зверем, настоящим, в котором остатки людей боролись за выживание, балансируя на тонком и остром лезвии действительности. Сергей очень уважал верховных иерархов Полиса за то, что они как никто другой, наверное, понимали важность грамотности и книг. Поначалу он с тревогой наблюдал, как Странник тянет свои руки к книгам, но к его облегчению, тот проявил удивительную деликатность и осторожность, разглядывая то или иное издание. Он смотрел на книги с благоговением, как на какое-то важное открытие. Словно до этого он жил в мире, где люди копили знания, но понятия не имели, как их сохранить, а тут такой простой и прекрасный способ. Книга.

Однако вскоре усталость после дальнего путешествия и напряженного исхода со станции Полянка взяли свое и Маломальский, увлекая за собой Странника, двинулся к одной из многочисленных скамеек Полиса, где и сидел сейчас.

- Знаешь, Стран Страныч, когда я в Полисе нахожусь, среди всего этого света, относительной чистоты и великолепия, то постоянно вспоминаю фильм этот старый. Ну, где Михалков еще молодой, без усов, идет по сверкающему белизной метро, поднимается по работающему эскалатору и песенку поет. А тетка ему, молодой человек, чего орешь. А он ей.

Я не ору. Я пою. И аж самому петь хочется. А я, иду, шагаю по... Эй!

Странника уже не было рядом. Он пересел на другую скамейку. Там отдыхал за чтением какой-то книги молодой боец и подсев к нему, Странник с любопытством разглядывал у того на виске вытатуированного двуглавого орла. Сергей предчувствовал, что простым разглядыванием дело не обойдется и оказался прав. Недолго думая, Странник вдруг попытался отскрести татуировку ногтем своего указательного пальца и возмущенный боец его тут же столкнул со скамейки.

- Охренел что ли?! – воскликнул он.

- Стран Страныч! А ну иди сюда сядь! – рявкнул на своего попутчика Маломальский, затем обратился к бойцу, - Парень, ты это, не серчай. Он больной на голову.

- Оно и видно, - зло ответил боец и, тряхнув своей книгой, фыркнув и потеряв висок, вернулся к чтению.

Странник тем временем вернулся на свое место.

- Ты татуировок, что ли никогда не видел, балбес? – Сергей легонько толкнул оконфузившегося товарища.

- Что? – Странник вопросительно на него уставился.

- Ну, татуировка, - Маломальский ткнул себя пальцем в висок.

Странник в ответ тоже ткнул себя в висок пальцем.

- Голова, - сказал он.

- Неужели? – Ухмыльнулся сталкер, - А я думал всю жизнь, что это задница.

- Да. – Кивнул попутчик и, указав на свою голову, повторил, - Голова, - затем показал на голову Сергея и, улыбнувшись, произнес, - Задница.

- А в глаз не хочешь, раз пятнадцать? – беззлобно ответил Сергей.

- Как?

Маломальский тяжело вздохнул, сокрушаясь в очередной раз бестолковости Странника. Уже неоднократно казалось, что Странник стал нормально и осмысленно разговаривать. Но две три фразы и он снова демонстрировал что-то похожее на недоразвитость. Хотя на станции Полянка он проявил себя на редкость хладнокровным, смелым, умным и ловким. Сумев не забыть в темноте да в присутствии неизвестного монстра о своей странной миссии, о Сергее и, об их ноше в виде рюкзаков с книгами.

Про Полянку вообще, сталкеру сейчас было думать особенно неприятно. Получалось так, что он бежал от мутантов и отправил туда местных вояк во главе с грубоватым и беспардонным Виктором. Нехорошо как-то получилось. Если по совести судить, то ему следовало отправиться с отрядом. Но он сейчас сидит в теплоте и свете уютной станции, а что с теми людьми, думать даже как-то не хотелось. Сергей сомневался, что они легко одолеют монстров. Если вообще одолеют.

- Сергей, надо туда. Там мозз. – Странник, наконец, озвучил то, что его больше всего беспокоило и, ткнул пальцем вверх.

- Ну, опять ты за свое. Ладно. Допустим. Тут охотник зараженный не появлялся. С чего ты взял, что он ушел на поверхность?

- Ходил Странник так. – Попутчик сделал движение, пальцами руки, показывая ходьбу по ступенькам. – А там вот, - И он хлопнул ладони друг об друга, затем развел их в стороны.

- Гермоворта открыты. Понятно. Сходил и посмотрел. Как ты успел это сделать, я уж не спрашиваю. И ты сделал вывод, что...

- Мозз там! – Странник теперь злился, казалось, от того, что Сергей не хочет его понять, словно это он, сталкер Маломальский - юродивый дурачек который не понимает толком, что ему говорят и сам толком ничего сказать не может. – Я знаю. Он туда. А оттуда хренозавр полянка.

- Чего? – поморщился Маломальский. – Да ты хоть понимаешь, что если это чудо-юдо его не сожрало на выходе, то он по любому не жилец на поверхности? Понимаешь?

- Нет, - Странник категорично замотал головой.

- Нет, не понимаешь? Или нет, не согласен со мной?

- Нет. Не согласен со мной.

- Ну что ты упрямый такой, а?

Однако Странник ничего не желал слушать, а лишь настойчиво тыкал пальцем в белый потолок станции, глядя при этом Сергею прямо в глаза. И сталкер подумал, что возможно в доводах попугчика есть смысл. Что, возможно, стоит подняться на поверхность. Мысли эти были какие-то сумбурные. Хаотичные. И Сергей уже начал удивляться, откуда они взялись в его голове, и почему он с такой легкостью стал склоняться к выходу, будто там, на поверхности спокойный мирный город, населенный людьми, как в далеком прошлом.

- Маломальский, - Этот голос позади, прервал его мысли и заставил обернуться. К нему подошел коротко-стриженный человек преклонных лет в рясе кремового цвета. - Мы закончили, - сказал он.

Странник уставился на этого человека. У него на виске, как и того военного, была татуировка. Только не орел о двух головах, а раскрытая книга.

- Ну и как? - задал вопрос брамину (а именно им являлся человек в рясе), Сергей, при этом, косясь на своего товарища, как бы тот опять не начал домогаться татуировки.

- Ну, мы, как всегда довольны. Есть там конечно книги, не имеющие особой ценности. Но, в общем, ты как всегда на высоте. - Брамин протянул Сергею чек. - Держи. Мы тоже стараемся быть на высоте. Обналичишь, как всегда, у Коменданта.

- Ого, неплохой навар, - Покачал головой сталкер, разглядывая картонку, - А что про фонарь мой? Не слыхал? Починили?

- Да работает твой фонарь. Он и не был сломан.

- Вот как? - Маломальский удивился. - Странно.

- Работает. Мастер так и просил передать. Тоже у коменданта заберешь. Ну ладно. Я пошел. А то заходи на чай. Ты вообще как в этот раз, надолго?

Сталкер посмотрел на Странника и мотнул головой.

- Нет. Есть еще дела неотложные.

- Ну, удачи, - Брамин улыбнулся и ушел.

* * *

Небесный свод не был скрыт густой облачностью или на долгие годы растворившимся в атмосфере пеплом цивилизации. Однако вечеряющий день не был ясным. Свет спрятавшегося за скелетами высоких домов был каким-то удручающе серым. Почти прозрачный воздух показывал далекую перспективу торчащих ввысь огрызков разрушенного мира, хорошо просматривающихся, словно демонстративно являя редкому созерцателю всю тяжесть того, что случилось много лет назад. По небу изредка проплывали черно-бордовые облака, похожие на истерзанные трупы. Порывы ветра устраивали хор какого-то дьявольского оркестра, в пустующих глазницах разбитых окон еще стоявших строений. Внизу тянулись борозды и трещины разбитых улиц, погнутые, словно увядшие растения столбы, искореженные машины и изуродованные деревья. Если бы кто-то был сейчас там, внизу, и поднял взгляд на окно девятого этажа, то удивился бы и ужаснулся, видя как в окне, расставив по углам сгнившей оконной рамы ноги, и оперев руки в верхние углы окна, стоит человек.

«Почему из всего живого, что населяет этот мир, Мы можем контролировать только существ, не имеющих крылья? Какая несправедливость», - думало Оно, перебирая в своих нейронных цепях словарный запас человека. Этот, кого Оно привело в окно девятого этажа, был не первым, в голове которого поселилось нечто. И Оно охотно вытягивало в свой разум мысли, чувства и рефлексы всех, кого посетило. И это была вереница разочарований. Познавая разум человека, улавливая его знания, нечто узнавало о других существах. О их силе, возможностях, угрозах. И получалось, что человек вообще ничего в этом мире не стоит. Он не может ничего. Только думать и бояться всего. И единственное, что было полезным в сущности человека, это сам страх. Самый пугливый организм, оказавшийся единственным возможным контролируемым носителем, был податлив и сговорчив благодаря своему страху. В этом был потенциал и возможность добиться цели. Было конечно обидно,

что Оно, возникло на свет этого мира так же без каких-либо достойных сегментов, будь-то крылья, дающие возможность быстро и легко преодолевать большие расстояния, мощные клыки, дающие возможность заявить о себе как о хозяине раскинувшихся просторов, мощные лапы и тому подобное. Нет. Оно было невзрачной серебристой и густой слизью, появившейся под действием неведомых сил царившего сейчас в природе хаоса в голове кого-то существа, как некий бесполезный придаток или гадкая форма атакизма в тех областях головного мозга того существа, которые по какой-то причине дремали веками во всех поколениях оного. Но царствовавший сейчас на земле властелин хаоса, сама природа, наделила его разумом. Либо это были зачатки разума того, существа. Собственно это не важно. Важно, что Оно мыслило. Мыслило самостоятельно. Строило логические цепи. Планы. Вынашивало идеи. Делало выводы. Причем порой весьма интересные для себя самого выводы. Живая природа стояла на принципе шаткого и в то же время монументального равновесия, которое позволяло развиваться самой жизни и идти в бесконечность времени, постоянно находя и развивая новые пути развития. Этот вывод был очевиден. Хищники обладали ловкостью и хитростью. Мощными клыками и когтями, свирепостью в погоне за добычей. Но добыча не была легка. У добычи были копыта, которыми самый ловкий, здоровый и удачливый, а значит полезный для пути жизни в бесконечности времени, мог свернуть хищнику челюсть. У добычи были рога, которые можно было вонзить меж ребер своему злейшему врагу. Все способности всех представителей живого мира были набором сил и средств, для участия в эпическом и бесконечном соревновании за жизнь. Но однажды, что-то в этом безупречном алгоритме дало сбой. Немыслимое количество времени назад появилось совершенно новое существо, Словно не вписывающееся в рамки замыслов живой природы. Это существо не обладало ничем, чтобы жить по правилам этой самой природы. Ни крыльев. Ни рогов, ни мощных лап. Ни острых клыков, ни сонаров в голове, ни восьми глаз, ни умения перепрыгивать ущелья, уходя от погони или преследуя добычу. Не чувствовало магнитного поля, как перелетные птицы и слабо ориентировалось в запахах, зная только приятные и неприятные. Оно словно появилось из излишков строительных материалов жизни. Из строительного мусора, вопреки всему. Возможно, был причиной тому какой-то вселенский катаклизм, подобный тому, что породил и это нечто, сидящее сейчас в голове человека, что стоит в окне девятого этажа. И не обладая ничем выдающимся, кроме желания выжить, этим существам пришлось научиться думать. Взрастить в себе разум, чтобы взять в руки дубину, камень. Поймать. Убить. Съесть. Выжить. Это существо стало самым большим кошмаром для всего живого. Ведь оно стало переделывать этот мир под задачи сугубо своего выживания, на костях всего живого и себе подобных. Эти существа построили цивилизацию, отвоевываая и у природы, и друг у друга пространства и пожирая окружающие ресурсы. Человек стал для животного мира тем ужасом, который сейчас представляли для самого человека новые существа нового мира. Но удивительно то, что все это создал человек от страха. Страх, что он будет съеден, вытеснен за рамки жизни обратно в небытие. Человек наводил ужас тысячи лет на все живое именно потому, что всего этого живого боялся. Даже насекомых, что были в тысячи раз меньше его. И Ведомые своим страхом, они покорили мир и в итоге уничтожили его. Теперь для живой природы был переходный период, но сама жизнь не хотела сдаваться и словно эксперимент, вбросило в этот мир совершенно новых, невиданных доселе существ, которые не должны были оставить шансов человеку. И Оно, основываясь именно на таких своих выводах, понимало, что в таком случае ему едва ли удастся занять в этом мире живого достойное место. Но пока есть еще люди, у него есть шанс вырваться вперед в этой гонке. Как будто какая-то другая, конкурирующая с живой природой сила, создала это нечто, чтобы помочь людям выжить, ведь именно в симбиозе с человеком нечто могло достичь своей цели, и не важно, что человек терял свою индивидуальность, переставая быть личностью, а лишь инструментом воли нечто. Зато взамен человек получал невероятное блаженство от воздействия нечто непосредственно на головной мозг. Невиданное доселе удовольствие и страх. Страх что Оно покинет его, человека. Ведь тогда будет смерть.

Оно сейчас думало обо всем этом. В человеке был потенциал. Этот его страх. Надо только подчинить этот страх главной цели, поработить этот новый мир. Заново. С нуля. Только один носитель едва ли что способен сделать. И именно поэтому, надо в первую очередь добраться туда, где колыбель его злейших врагов, которые знают о его существовании и хотят уничтожить. Суть в том, что именно там он сможет приумножить число себе подобных, оккупируя мозг хрупкого и слабого молодняка, поедая его и увеличивая свою биомассу. А потом начать делиться и захватывать массы носителей. Только там можно достичь численности, способной привлечь для своей цели всех людей, что еще живут где-то там, под землей. И тогда начнется восхождение. Страх поведет людей. Страх и он – МОЗЗ. Он будет материализовавшимся органом страха. Его рудиментом, как неотъемлемой частью тела, дающей небывалые преимущества перед всеми остальными тварями, что заселили сейчас этот мир. А взамен он даст им удовольствие, блаженство и наивысший кайф. Это ведь не стоит большого труда. Всего лишь сидеть в его голове и воздействовать на центральную нервную систему.

Человек посмотрел вниз. Высоко. Все-таки сейчас все люди далеко и надо этого носителя особенно беречь. Если он сгинет, то непосредственно Мозз, учитывая свои, мягко говоря, скромные возможности по передвижению, очень долго будет добираться до своего следующего носителя. А, учитывая, как хаотично, непредсказуемо и быстро развивается современный животный мир, времени терять никак нельзя. Но подземелье пришлось покинуть. Ведь по пятам идет его злейший враг. Да. Надо сейчас поберечь носителя. Он напуган. Он очень боится. А значит он сейчас лучший союзник. Ведь в нем велик СТРАХ.

Между домов, рассекая воздух, парила вичуха. Огромная тварь выискивала добычу, медленно, чтобы не нарушать аэродинамику, вода головой из стороны в сторону.

- А жаль, что у людей нет крыльев, - озвучил человек мысли Мозза и, оттолкнувшись от окна, бросился вниз, ощущая неимоверное блаженство от нахлынувшей навстречу пустоты и потока воздуха.

Вичуха яростно заверещала, как только что-то ударилось ей в спину и вцепилось мертвой хваткой в шею. Она стала петлять в хаотичных виражах, пытаясь сбросить с себя это наглое существо.

- Подчиняйся мне! – заорал человек, оседлавший ее спину и трясая ее за шею. – Подчиняйся!

Но летающая бестия подчиняться человеку не хотела. Она подчинялась инстинкту выживания, видя сейчас в этом незваном госте угрозу. Она продолжала свои попытки сбросить его. Проносились внизу разбомбленные кварталы, разрушенные дома и изуродованные улицы. Мрачные скверы. Какие-то существа, некоторые из которых, с любопытством взирали на это странное зрелище, оседланную человеком вичуху.

Она сделала не самый удачный вираж, и врезалась в стену осыпавшегося дома. Полетели обломки бетона. Часть стены накренилась и рухнула вниз, поднимая облако пыли и рассыпая обломки. Сама вичуха, сломав себе крылья, кубарем полетела в сторону, ударяясь в соседнее здание и жутко вопя. Седок слетел с нее после первого удара о стену, влетел в сухую, не имеющую листьев крону какого-то умершего дерева и, ломая ветки, рухнул на битый асфальт.

Теперь он лежал не спине и смотрел в серое небо.

«Какая неудачная идея была» - подумал Мозз и человек озвучил тихим хрипом эту мысль.

Позвоночник сломан. Однако все что выше пояса еще кое-как работало. Он медленно поднял свои руки, выставил перед собой ладони и стал неторопливо перебирать пальцами, словно паук своими лапами. Что делать теперь? Где-то поблизости были твари, но они не торопились наброситься на беспомощного человека, чувствуя, что он какой-то странный. Возможно опасный. Даже сейчас. И тут Мозз уловил страх. Нет, не страх своего носителя, чей разум, скованный волей оккупировавшего его существа уже понимал, что он не жилец и от этого боялся еще больше, насколько это возможно. Источником страха был кто-то другой.

Кто-то видел, что произошло только что, и боялся. Боялся, что рядом визжит в обломках здания поверженная вичуха. Боялся того, что с ней произошло. Всего боялся. И этим существом был человек. Где-то рядом был человек? Какая удача.

Упавший перевернулся на живот, оскалился и стал яростно цепляясь за потрескавшийся асфальт ползти на это зов страха. И испытывал в отсутствии ощущения ног и жуткой боли в спине удовольствие. Дикое, иррациональное наслаждение в своем движении, боли и страхе. Он полз ведомый не только волей мозга. Он полз и под действием своего собственного конгломерата чувств из страха, боли и наслаждения, соединившихся в пестрый дурман. Страх, что он будет медленно умирать на этих страшных улицах Москвы, боль от удара и удовольствие от странного ощущения, что это конец, заставляли его ползти, волоча за собой безжизненные ноги, вперед, к другому человеку.

Глава 8. НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ВЫХОД

Внезапно появившийся на платформе станции Виктор Турманец выпучил в ярости глаза и, вытянув вперед руку, тыкая пальцем в сторону Сергея, зло прорычал:

- Ты!

- Ну, я, - Маломальский пожал плечами, внешне демонстрируя невозмутимость. Однако внутренне он напрягся, молясь всем мыслимым и немыслимым силам, чтобы никто из группы Виктора в своем походе на станцию Полянка не пострадал.

- Я из-за тебя столько времени потерял! – рычал бывший ОМОновец, решительно шагая в сторону сталкера.

- Надеюсь, что ты только время потерял и ничего больше, - проворчал в ответ Маломальский.

- Чего?! – Виктор подошел вплотную.

- Я говорю, что там на Полянке? – Сергей давно знал этого человека, и иногда ему очень хотелось зарядить Виктору в лоб своим тяжелым ботинком. Сейчас как раз такой случай.

- А нет там ни хрена. Никаких мать твою монстров! – ехидно заявил Турманец. – Гермоворота только распахнуты. Но мы их захлопнули, раз уж у тебя кишка тонка была!

«Вот и хорошо. Значит, все живы. Надеюсь, что эти монстры ушли на поверхность, а не в тоннели». – Подумал сталкер и вслух добавил:

- Ты уверен?

- Уверен, чтоб тебя!

- А трупов человеческих там не было? Два мертвяка.

- Нет, черт тебя дери!

- Точно?

- Да точно, мать твою!

- А статуи? Статуи на месте?

- Ах, вот оно что! – зло засмеялся Виктор, - Так бы и сказал, что обделался из-за статуй!

Внезапно в разговор вклинился стоявший в стороне Странник. Он подошел. Ткнул Виктора пальцем в лоб и заявил:

- Задница. Утухни.

- А ну руки убери! – зарычал на него Турманец. – Что это за обморок с тобой таскается, а?

- Ты, Витюша, его лучше не зли, - усмехнулся Сергей, мысленно ругая попутчика, что тот постоянно лезет на рожон, - Это бывший «Альфовец». С амнезией только. Но рефлексy на месте. Он в тоннеле кошку загрыз. Как и учили в спецназе. Так что осторожней.

Турманец посмотрел на Странника с сомнением. Однако, он похоже вспомнил попытку того слопать убитую на кордоне крысу.

- Дохловат он для «Альфовца» что-то. – Чуть успокоившись, проворчал Виктор.

- Зато лом в узел может завязать.
- Ага, - покачал головой Турманец.
- Не веришь? Ну, принеси лом.
- Да идите вы оба, - Махнул рукой Виктор и ушел.
- Хороший мужик, но иногда бывает редкостным придурком, - Вздохнул Сергей, обращаясь к Страннику. – Ну ладно. Как мы с тобой-то теперь поступим?

Странник снова ткнул пальцем в потолок.

- Туда. Мозз.
- Опять двадцать пять. Ну, допустим. Я с экипировкой. А ты как туда пойдешь?
- Значения нет.
- Ага. Герой. – Маломальский качнул головой и усмехнулся. - Ты хоть на поверхности бывал?

- Я там жить. Ничего не надо. Только мозз.
- Ты там жил? Когда? До катастрофы? – поморщился сталкер, чувствуя абсурдность заявления Странника.

- Всегда, - мотнул тот головой.
- Да иди ты. Ну, хорошо. Отбросим этот бред и представим, что мы идем на поверхность. Мы же в Полисе сейчас. Ты представляешь, что будет там, на поверхности, рядом с выходом?

- Что?
- Библиотека, балбес! Великая, мать ее, библиотека!
- Ну и что? – Странник развел руки и пожал плечами.
- Как это что? Ты что, не знаешь, кто там живет? Чертовы библиотекари! Да я лучше еще раз заночую рядом с гнездом вичухи чем подойду к этим тварям на пушечный выстрел!

Стран Страныч вдруг встал прямо напротив Маломальского и пристально посмотрел ему в глаза.

- Сергей, ты страх? Страх плохо. Нельзя страх. Это смерть будет.
- Ну, мне, как тебе надо быть ужаленным на голову, чтобы ничего не бояться. – Хмыкнул сталкер.

- Ты не понял, Сергей. Страх убивать разум, оставлять место для мозз. Пища мозз. Нельзя.

Маломальский ничего не понял из этой реплики, что именно хотел сказать попутчик. Однако он был согласен с тем, что страх вел к гибели. Он-то умел умирять свой страх на выходах в город, посредством замещения его, бормотанием себе под нос шуток. И готов был биться об заклад, что это его всегда спасало. Пусть даже страх оставался, а шутки были лишь его осмысленной формой. Попыткой взять этот страх под контроль разума. Сергей давно уяснил, что всепоглощающему страху в его ремесле нет места, иначе гибель не заставит себя долго ждать, придя на этот страх как стигмат на запах крови. А стигматы очень далеко чувляли даже кровотокающую царапину.

И вот сейчас, глядя в невероятную глубину больших глаз своего напарника, сталкер понимал насколько он прав, говоря о губительных силах страха. Но идти на выход он считал безумием, хотя этот взгляд, казалось, сейчас заставит его согласиться.

И Странник, словно почувствовав, что воля Сергея начинает поддаваться гипнотизму его глаз, вдруг отступил, повесив голову. Сделал еще несколько шагов назад, пятясь неуклюже. Снова посмотрел на Сергея. Как-то грустно улыбнулся и, подняв правую руку, по-детски ею замахал.

- Не надо, Сергей. Странник один пойду. Был рад тебя знать. Очень. – Сказав это, он повернулся, и побрел в поисках выхода на поверхность.

Маломальский, какое-то время, смотрел ему в след.

- Кто же тебя отсюда так вот выпустит. - Проворчал он. Сергею было сейчас стыдно, глядя в спину этого странного человека. Было стыдно перед ним. Перед самим собой. И чувствовал он, что происходит что-то совершенно неправильное. И эта неправильность,

очень скоро обретет свою непоправимость. Сергей вздохнул и решительно направился за Странником. Схватил его за локоть и развернул.

- Слушай, может я умом тронулся но, черт возьми!.. Надеюсь, что ты уверен в своих словах! И надеюсь что все это того стоит! Понимаешь?!

- Да, - Странник улыбнулся и кивнул.

- Что да! Да – понимаешь?! Да – уверен в том, что это того стоит?!

- Да – понимаешь. Да – уверен.

- Пошли обратно к коменданту, черт тебя дери. – И сталкер увлек Странника за собой. – Ох, чую я, пожалуй мне придется горько!

- Не бойся, Сергей. Страх – плохо.

- Заткнись, пожалуйста.

* * *

Это было в высшей степени опасно, но их черный орден практиковал иногда такие мероприятия. Ну чем не достойная проверка великой воли и силы для лучших представителей избранной белой расы?

И хотя с красными сейчас было пусть шаткое, но перемирие, о войне со своими непримиримыми врагами, в четвертом рейхе не забывали. Но вели ее теперь другими методами. Да, там, в метро они заключили мир, понимая, что война идет на взаимное истребление, а ресурсы рейха, особенно человеческие не были бесконечными. И тогда они, лучшие из лучших, те, что с гордостью носили на своих рукавах черные повязки с двумя белыми рунами в виде молний и называли себя штурмовиками, избрали иной путь борьбы. Они выходили на охоту за группами красных сталкеров. Следили за ними. Изучали маршруты. Давали набрать трофеев и устраивали на обратном пути засады, уничтожая и грабя врага. Это ведь другой мир – поверхность. И здесь никто о перемирии не говорил. А когда с поверхности не вернулся человек, или группа, это всегда списывали на мутантов. Никто даже среди подозрительных и не доверяющих никому большевиков не догадается, что это случилось в результате тайных операций нацистов, нарушающих договоренность о мире. Ну а что до дневок, в таких рейдах, то этот безумный риск был привилегией истинных арийцев со стойким, нордическим характером и беспощадностью к врагам рейха в железном сердце бескомпромиссного национал-социалиста. Ну, так, во всяком случае, вещал министр культуры и пропаганды четвертого рейха.

- Бессмыслица какая-то. Бред. – Проворчал, сопя фильтрами маски, командир, которого все называли Рудель. – Быть такого не может.

- Говорю тебе, я видел, - ответил самый младший в группе из трех человек, по прозвищу Ганс. – Вот она с того поворота выскочила. С Воздвиженки. А на спине у нее человек сидел. И она врезалась в ту стену, что напротив нас. Там же военторг был, верно?

Они были облачены в черные комбинезоны, с плотными капюшонами, респираторы и светозащитные очки. Их иерархическую принадлежность выдавали только эмблемы над правым грудным карманом комбинезона. У самого младшего белый череп. У второго в группе, Ульриха, такой же череп, но уже на фоне двух параллельных горизонтальных костей и у командира эмблема подобная второй, но в белом обводе в виде щита. Изображать свастики на комбинезонах для выхода на поверхность, штурмовикам было запрещено, чтобы случайный свидетель нападения на красных, коим мог оказаться какой-нибудь сталкер, не опознал их как людей из четвертого рейха. Хотя, конечно, только кто-нибудь, никогда не слышавший о нацистах, не смог бы догадаться, что это за люди в черном с черепами на груди, и называющие друг друга прозвищами на немецкий манер. А уж о чем, о чем, а о нацистах в метро слышали все. Тем более сталкеры.

Рудель задумчиво стоял у небольшого окошка подвала дома, что находился в большом Кисловском переулке, и в котором они переждали день. Он вслушивался в вопли раненной вичухи.

- Ульрих. А ты что скажешь? – произнес он после долгого молчания.

- Да лажа полная. Чтобы человек оседлал эту тварь? Да еще и днем?

- Мне что, почудилось это? – раздраженно бросил Ганс.
- Глюки, дружище, они встречаются чаще, чем люди верхом на вичухах. – Засмеялся Ульрих.

- Логично, - кивнул Рудель. – Но вон человек. Он сюда ползет.

Его подельники тут же вскочили со старой ржавой водопроводной трубы, на которой сидели до этого, и прильнули к окну.

- Точно, - хмыкнул Ульрих. – Ничего себе. У него кровь, гляньте.

- А что тут удивительного, если он навернулся с такой высоты, да еще после удара об стену? – подал голос младший. – Я же говорил!

- Тише ты. Не ори, - средний поморщился. – Хреново, что у него кровь. Стигматы сбегутся.

- Они не терпят дневной свет, - возразил старший. – И вичух боятся.

- Да солнце уже через час окончательно зайдет. А вичуха может скоро издохнет. Слушай, пристрели его, пока он сюда не заполз. Беду накличет. Да и на рожу его глянь. Похоже, что пархатый. Или чурка.

Рудель обернулся и посмотрел темными стеклами своих очков на стекла очков соратника.

- Ты что же, хочешь сказать, что недочеловек мог оседлать вичуху, тогда как мы, арийцы, прячемся от этой твари?

- От этих свиней всего можно ожидать. Убей его.

- Во-первых, не факт что он ундерменьш. Во-вторых, надо выяснить что произошло.

Ползущий уже карабкался по небольшому склону обломков верхних этажей здания, в подвале которого прятались штурмовики. Он протянул правую руку к небольшому чернеющему окошку подвала и простонал:

- Помогите.

- Откуда он знает, что мы здесь? – испуганно прошептал Ганс.

Рудель вытянул свои руки из окошка и, дотянувшись до пострадавшего, схватил его за ладонь.

- Ульрих, ну-ка помоги.

Тот не заставил себя долго ждать и схватил незнакомца за вторую руку. Они втащили пострадавшего в подвал через узкое окно, и тот с жутким стоном рухнул на пыльный грязный пол.

- Ты кто такой? Откуда? – строго спросил склонившийся над ним Рудель.

- Помогите, - простонал лишь тот в ответ.

- Мы не помогаем, кому попало. Кто ты и откуда?

- Помогите...

- Я знаю, как ему помочь. – Усмехнулся Ульрих, демонстративно тыкая в голову раненного стволом автомата. – Бац, и все.

И вдруг они услышали продолжительный, низкий и вибрирующий свист.

- Твою мать, - прорычал Рудель. – Этого нам еще не хватало.

- Что это такое? – Ганс теперь был совершенно испуган и быстро поворачивал голову, глядя то на одного своего подельника, то на второго.

- Стигмат, - мрачно проворчал Ульрих. – Я же говорил.

- Так, Ганс, ты смотри за этим калекой, а ты, Ульрих, за мной. Тут кроме этого окна только один вход в нашу секцию подвала. Надо туда раньше, чем тварь войдет. Там его и встретим.

Рудель передернул затвором «Калашникова», поднял очки на лоб и нырнул в темноту подвального коридора. Ульрих последовал за ним.

Ганс нервно расхаживал вокруг незнакомца, лежащего беспомощно на полу.

- И какого хрена ты вообще сюда приполз. – Зло проговорил он. – Как тебя вообще угораздило оказаться на поверхности, без маски, без очков, без комбинезона. Откуда ты такой вообще взялся.

- Послушай. Мне... Надо сказать тебе что-то важное, - тихо простонал незнакомец.
- Чего? – раздраженно переспросил штурмовик.
- Очень важно... Надо сказать... Наклонись ко мне...
- Чего, чего ты там бормочешь? – Ганс встал на одно колено и приблизился ухом к лицу незнакомца, чтобы лучше его слышать. И внезапно, тот с невероятной силой и быстротой схватил штурмовика одной рукой за горло, другой за затылок.
- Не сопротивляйся! – зловеще прошипел он.

* * *

Рудель стоя у узкого входа, осторожно посветил фонарем в соседнюю секцию подвала. Бояться того, что стигмат заметит свет фонаря, не стоило. У стигматов не было глаз. Хотя особая форма зрения имелаась. Эти мутанты издавали разного рода звуки и ловили их отражение особыми сенсорами в лобной части своей жуткой головы. Отраженный звук рисовал для стигмата четкую картину того, что впереди. Причем по характеру отраженного сигнала, он мог безошибочно определить, что есть крепкая каменная твердь, а что мягкая живая плоть. Но эти твари не переносили солнечного ультрафиолета. Иногда, попадая по какой-то причине под солнечные лучи, они получали ожоги. Очень часто у встретившихся стигматов, можно было наблюдать на их темно-серых с красноватым отливом телах, ожоги и язвы. Видимо потому тварей и прозвали стигматами. Хотя, конечно, была еще одна причина...

Иногда, чтобы преодолевать большие и открытые пространства, твари издавали этот вибрирующий свист, который был единственным звуком стигмата, слышимым для человека. Этот свист каким-то образом позволял оценить твари, насколько предстоящий участок подвержен солнечному облучению.

Тот свист больше не повторился. А это значило, что мутант нашел укрытие. Возможно он уже где-то рядом. Похоже было, что ему нужно было преодолеть широкую улицу Воздвиженку. Больше открытых пространств поблизости ненаблюдалось. Здания, и их руины и остовы стояли довольно близко друг к другу. Было много ветвистых деревьев, часть из которых хоть и не имела листьев, потому как эти деревья были мертвы, все же давала достаточно теней.

Минуты тянулись, но никакого признака опасный мутант не подавал. Только слышны были проклятия раненной вичухи вдалеке. Рудель осторожно высунулся через узкий вход, держа оружие наготове, предварительно прикрепив к цевью фонарь. Пол был устлан множествами обломками штукатурки и рассыпавшихся от ржавчины труб. Увидеть тут какие-то следы было очень сложно. Однако и движения по этим обломкам были бы слышны. Но в подвале было тихо. Командир штурмовиков поводил фонарем из стороны в сторону, и вдруг заметил в низком потолке зияющую чернотой большую дыру. С ее краев безобразными соплями висели спутавшиеся волокна густой паутины. Что-то порвало эту паутину, заставив так обвиснуть.

Не поворачиваясь, Рудель поднял руку с зажатым кулаком. Затем оттопырил указательный палец и покачал в сторону дыры. Находившийся позади Ульрих понял его без лишних слов. Встал на одно колено и взял на мушку пробоину. Командир осмотрелся еще раз и медленно, осторожно ступая по хрустящему под ногами настилу из мусора, стал вокруг обходить отверстие, светя в него фонарем, двигаясь при этом боком на полусогнутых ногах. Напряжение росло, на ничего не происходило. Ульрих взялся рукой за маску респиратора и пошевелил ее на носу, который зачесался от затекшей со лба капельки пота. Проклятый стигмат. Где же он?

Вдруг, Ульрих почувствовал едва уловимую вибрацию у себя на затылке. Что это? Он медленно обернулся, и из темноты выскочила огромная костлявая ладонь с четырьмя когтистыми лапами. Штурмовик только и успел заметить во внутренней стороне ладони безобразный и глубокий продолговатый шрам. Это и была основная причина, за которую Стигмат получил такое название. Жуткая рука обхватила лицо человека, и из шрама мгновенно выскочил недостающий палец, который неведомые силы, создавшие эту и

бесчисленное множество других тварей, превратила в острое и длинное жало. Оно пронзило мягкую плоть под подбородком и, прошив голову, выскочило из верхней части затылка, разрывая плотную материю капюшона. Стигмат нырнул обратно во тьму, увлекая тело убитого человека. Рудель, заметивший как дернулся и исчез фонарь его соратника, быстро направил в дверной проем ствол своего автомата и параллельный ему луч своего фонаря. Его друг исчез.

- Ульрих! – сдавленно крикнул командир. – Эй!

Однако ответа не последовало. Тогда Рудель рванулся к проему и на третьем своем шаге оказался под дырой в низком потолке. Оттуда вынырнули две длинные тощие руки второго стигмата и обхватили с двух сторон голову нациста. Два жала мгновенно пронзили с обеих сторон через уши его головной мозг. Стигмат тут же затянул дергающееся в рефлекторных конвульсиях тело нациста в дыру на потолке.

Тем временем первый стигмат отправился на манящий запах крови. У него уже была добыча, однако инстинкт заставлял его не упускать и то, что источало этот запах. В полумрак помещения с открытым подвальным окном медленно, на четвереньках, вошло жуткого вида существо. Это была чудовищная аллегория на тему человеческой анатомии. Если оно встанет во весь рост, то будет метра три в высоту. При этом оно было невероятно костлявым и худым, с тонкими длинными четырехпальными «руками». Стигмат сжимал их в кулаки, когда двигался на четвереньках, подгибая назад когтистые пальцы, чтобы грязь не попадала туда, где были спрятаны длинные жала, хранящиеся внутри невероятно вытянутых ладоней. Голова на длинной шее вообще, похоже, состояла лишь из двух огромных челюстей с непропорционально большими хищными зубами. Над верхним рядом зубов тянулись две большие узкие и длинные ноздри, которые позволяли хорошо ориентироваться в запахах и излучали серии звуков для сканирования пространства впереди себя. Уши замещали лишь две небольшие щели в основании черепа. Хорошим слухом стигматы не отличались, компенсируя это другими способностями.

В дальнем углу лежал человеческий труп. Его тело было в многочисленных ссадинах и глубоких царапинах. Кровь струилась из его ушей, ноздрей и рта. Стигмат понюхал воздух и осторожно двинулся к трупу. И вдруг, между левым боком и рукой мертвеца появился ствол оружия. Тут же раздалась оглушающая дробь автоматного выстрела. Пули пронзили страшный череп стигмата и тот, дернувшись, замертво рухнул набок.

Ганс осторожно выполз из-за тела мертвого человека, за которым прятался и поднялся на ноги. Опустил взгляд на автомат «Калашникова» и с нескрываемым удовольствием, сопровождаемым улыбкой, стал его разглядывать.

«Все-таки человек не был так примитивен и немошен, как могло показаться на первый взгляд. Человеческий разум, наделенный инженерной мыслью, позволил этим существам возместить с лихвой все то, чем обделила его природа. У человека не было крепких лап, когтей, копыт, рогов и крыльев. Но он способен создавать великолепное оружие, способное уничтожать все вокруг. То что надо». – Думал мозг, поселившийся в голове Ганса. Молодой нацист был переполнен диким страхом и в этой среде, мозг чувствовал себя особо комфортно. А еще он думал, какой интересный экземпляр ему попался на этот раз. Еще никто из его носителей не был настолько одержим ненавистью к себе подобным и стремлением убивать. Это была в высшей степени удачная находка для мозга...

Ганс выбрался через окно на улицу и направился в сторону орущей вичухи. Он постоянно вертел головой, давая мозгу осматривать окружающий мир новыми глазами. А где-то глубоко, сжатый в крохотный комок, испытывал неопиcуемый ужас, прятался разум молодого нациста, кормя этим страхом своего поработителя.

Он приблизился к летающей твари. Мембраны крыльев были разорваны. Конечности переломаны. Вичуха билась в каменной пыли обломков здания и истошно вопила, отпугивая возможных падальщиков, которые могли бы воспользоваться беспомощностью твари. Завидев человека идущего в ее сторону, она завопила еще сильнее. Ганс остановился. Поднял автомат, оскалился в гримасе ненависти и нажал на спусковой крючок.

* * *

Прежде чем с металлическим грохотом лязгнула створка портала, отрезав их от подземного мира людей, до слуха Сергея донеслась последняя фраза кшатриев Полиса.

- Да вы долбанутые на всю голову!

И все. Гермоворота закрылись.

- Это уж точно. – Проворчал Маломальский, мрачно смотря на поросший кустарником выход из вестибюля, в который еще пробивался свет клонящегося к ночи мира чудовищ. – Какого хрена мы тут делаем, а?

- Страх нет, - ответил ему напарник и поднял указательный палец, прося этим жестом помолчать и дать прислушаться.

Сталкер поморщился и посмотрел на него. Интересно, сколько он продержится на поверхности без снаряжения? Черт возьми, зачем мы вообще поперлись на выход? Ну ладно он дурак, но я-то?!

Где-то вдалеке были слышны леденящую душу вопли, разносящиеся эхом над руинами города. Сергей знал, кто так орет. Вичуха. Что-то либо разозлило ее, либо потревожило. Но она была относительно далеко.

- Ты слышать? – Странник посмотрел на Сергея.

- Ага. Это в переводе означает, добро пожаловать в Москву. Ну, или, понаехали тут. Знаешь, чувак, нас с тобой чудная прогулка ожидает. Добрый знак. – Маломальский нервно усмехнулся.

Странник вздохнул и покачал головой.

И вдруг, до их слуха донеслась автоматная очередь. Достаточно длинная. Патронов девять. Затем тишина. Ни вичухи, ни автомата. Только шелестело над городом эхо.

- Это он. – Произнес Странник без тени сомнения в голосе. – Мозз.

- Зашибись! – воскликнул Сергей, - У него теперь автомат?!

Напарник снова вздохнул и покачал головой. Затем пригласил взмахом руки идти за ним и сам направился к выходу, произнеся при этом:

- Не сцы.

Маломальский хмыкнул, поправил на себе рюкзак, пощупал на ноге разводной ключ и двинулся следом.

- Я тебя ненавижу. Это так, на всякий случай говорю. Вдруг не успею, потом сказать.

- Дебил дурку, - ответил Странник не оборачиваясь.

Глава 9. КРОВЬ

Мозз не знал радости или печали. Возможно, просто еще не научился этому. Эмоциональная составляющая разума, была ему пока недоступна. Однако радость он замещал оценкой благоприятных факторов и обстоятельств. Как и печаль можно было охарактеризовать обстоятельствами негативными для него. Но сейчас, у него был повод «порадоваться». Этот экземпляр был кладезю тех самых факторов, что могли стать для него неоценимым подспорьем. Сей носитель был одержим ненавистью к другим. Он был в постоянной готовности убивать и жаждал этого. Он считал себя лучше других. Выше, сильнее, достойнее. Он позиционировал себя как представителя главенствующей расы. Какое поразительное сходство с мыслями мозза. Более того. Этот человек имел идола для своего безмерного преклонения. И этот идол... Хотел их всех когда-то поработить? Именно! Некое существо, информация о котором хранилась в памяти человека и именуемое «фюрер», имело когда-то планы по порабощению всех людей и особенно народа этого носителя. И теперь этот носитель, и как ясно из его мыслей, все из его держащегося от остальных людей особняком племени преклонялись перед странным существом «фюрер». Так не воспримут ли они теперь и мозз как свое божество? Ведь и он хочет поработить их и взойти на трон всего живого в этом мире. Эти нацисты предрасположены к принятию мозза и выполнению его воли. Делая такие выводы, мозз даже ощущал перепады температуры своего бесформенного,

тягучего как загустевшая ртуть тела. Видимо, это волнение в предвкушении. И если бы он не был невзрачной соплевидной субстанцией то, наверное, улыбнулся сейчас. Но рта у него не было, и за него в данный момент улыбался Ганс.

Сейчас он находился в одной из бесчисленного множества пустых и навевающих на людей мистический ужас в силу своей пустоты московских квартир. Мозз понимал, что все это когда-то сотворили эти, не самые удачные с биологической и анатомической точки зрения существа. Но он все более склонялся к тому, что первоначальное мнение о людях было лишь заблуждением. И заблуждение это было связано с оценкой того первобытного состояния, в которое были отброшены сейчас люди. Конечно, они пользовались рукотворными орудиями и использовали ненавистный для него огонь. Носили разные одежды и приспособления. Пускали в ход оружие. Но большинство из всего этого они уже не могли сотворить, разграбляя и эксплуатируя лишь оставшееся на поверхности наследие прошлого. А вот прошлое этих людей... Да. Тут есть с чего изменить свое отношение к человеческому существу. Сейчас он смотрел из окна высокого здания на огромный город, окрашенный в бурые мутные тона зловещего заката. Невероятные просторы и гигантский труд, что обратил их в колоссальный человеческий улей. Величественные здания, которые даже будучи в большинстве своем сейчас разрушены, поражали воображение. А ведь чтобы разрушить этот гигантский каменный мегаполис и отбросить человечество под земную толщу, этим существам надо было создать что-то неслыханное по масштабам своей мощи и способности к уничтожению.

Все-таки, если раньше мозз считал, что это несправедливость, быть совместимым с данными бескрылыми и двуногими существами, то теперь он понимал, что это самый идеальный симбиоз. В людях огромный потенциал и они, применяя этот свой потенциал, являлись самыми страшными и могучими жителями сего наполненного монстрами мира. И какая это будет сила, когда он, мозз, увеличится и начнет делиться, поработав все новых и новых людей. И какой это будет великий поход, когда тысячи МОЗЗ выведут ведомых ими людей на поверхность, чтобы испепелить ее дотла и воцариться на этом пресловутом троне жизни.

Он еще раз осмотрел погрузившуюся в сумерки комнату. В углу, на полу лежали человеческие кости. Рядом несколько больших запыленных сумок. Видимо человек торопился покинуть свое жилище, собирая как можно больше с собой необходимых вещей. Да так и не успел. Смерть настигла его за этим занятием.

Возле одной из сумок стояли какие-то одинаковые предметы. Мозз быстро нашел в памяти человека слово определяющее их. Банки. Он поднял одну. Стеклянная банка. Открутил крышку. Понюхал содержимое. Какой отвратительный запах. Ганс поморщился, отодвинул банку от лица и разжал руки. Банка упала на пол и разлетелась в разные стороны множеством осколков и брызг своего содержимого.

- Какой интересный предмет, - озвучил он мысли мозза. — А ведь тоже создано человеком.

Нацист, ведомый волей существа в своей голове, прошел в другую комнату и посмотрел в новое окно. Огромный мир, построенный людьми и превращенный ими же в руины. Какое замечательное существо — человек.

Два человека...

- Твою мать, - проворчал Ганс, вглядываясь в накрывающую город темноту. Там, по широкой улице, действительно шли два человека. Мозз перестал отвлекаться на размышления и быстро обрабатывал получаемое из глаз носителя изображение. Сам носитель ни за что не заметил бы их на таком большом расстоянии и в сгущающейся темноте. Но мозз одарил его возможностью видеть гораздо лучше, посредством обработки того, что попадало в поле зрения. Итак. Два человека. Точнее... Один человек а второй... ВРАГ! Тот самый! Он нашел соратника среди людей?! Вероятно, что так, ведь идут они рядом. Конечно, не все люди благосклонно примут мозз. И многих придется убить в борьбе за порабощение людей. Это плохо. Это расточительство человеческим материалом. Но тех,

что будут уже обращены, легион мозгов заставит быстро размножаться. Это не сложно. Во всяком случае, о самом процессе люди думают довольно часто. И надо будет им это дать. А их младенцев повести в бой, как только те научатся ходить, воспитав их мыслями и опытом мозза. Но вот от таких, кто примкнет к его ВРАГУ необходимо сразу и беспощадно избавиться. Однако как быстро они напали на след, даже не смотря на то, что мозз преодолел пусть и ничтожное, но все-таки расстояние по воздуху, верхом на несговорчивой вичухе. Все-таки напал на след...

Ганс вскинул автомат и прицелился. Тем не менее, мозз чувствовал возражение. Отсюда едва ли удастся попасть. А вот внимание он к себе привлечет. Это плохо. Надо по-другому. Как? Стеклянная банка. Почему-то в мыслях снова появилась она. Ведомый опустил оружие, собрал банки в сумку, схватил ее и бросился к лестнице, чтобы поскорее выбраться из здания. Мозз уже знал из мыслей человека, куда надо двигаться. Где та станция, на которой он обитал. Пушкинская. Правда, мозз обнаружил в разуме Ганса нескрываемый протест против этого названия, мотивированный непонятной для понимания мозза формулировкой – «он же нигер».

* * *

- А я, иду, шагаю по...

- Тише, - поднял руку Странник.

- Чего раскомандавался, - Проворчал в ответ Сергей.

- Слушать я.

Попутчик действительно постоянно к чему-то прислушивался. Тут, на поверхности, он не выглядел тем придурковатым юродивым с младенческим разумом, как в метро. Он был сосредоточен и серьезен. Он не разглядывал все вокруг как нечто диковинное. Казалось, что улицы эти были ему знакомы, что весьма странно.

Маломальский, однако, мысленно согласился с тем, что лучше помалкивать, хотя и хотелось напевать ту простую и приставучую песенку, что пел когда-то в светлом и чистом метро молодой Михалков. Просто она отвлекала его от дурных мыслей. Но, коль уж Странник с таким серьезным видом полагается на свой слух, то пусть будет так. Хотя было вокруг тихо. Аномальной тишина не была, конечно. Так всегда бывало после полнолуния. Мутанты словно на некоторое время уходили на отдых после своих безумств. Однако не следовало терять бдительность. Многие из них действительно впадали в недолгую спячку. Другие становились менее активными. Но поверхность от этого не становилась приветливее и безопаснее. Уж он-то это знал.

Сейчас, когда не было слышно воплей и клекота, да хлопаний крыльев летающих тварей, лучшим способом передвигаться было идти посередине широкой улицы. Асфальт побит и потрескан. Обожжен и оплавлен местами. Но зыбучих воронок не было. А значит идти можно. Во всяком случае, тут меньше шансов встретить блуждающего горгона. Меньше шансов, что какая-нибудь тварь выскочит из подворотни, темного переулка или подвала. И уж точно никто не свалится на голову из окна или крыши.

Еще ощущался неприятный зуд на коже, хотя это чудовищное здание библиотеки уже позади и пропало из вида, скрывшись за строением, где было какое-то кафе. Однако до него отсюда, с Воздвиженки, было всего, буквально, пару шагов, и он еще ощущал на себе пристальный взгляд сотен пар глаз, взирающих на него из черноты оконных провалов библиотеки. Он знал этот взгляд. Хотя, возможно, зуд на коже вызван не какими-то потусторонними способностями следивших за его поступью библиотекарей, а лишь собственным страхом перед этими тварями. И, быть может, не наблюдали они за ним вовсе. Просто он знал, что они там. Что их легион. И что, возможно, они смотрят в бесчисленные окна. Сергей всегда сокрушался тому, какого дьявола эти отродья выбрали своей обителью именно библиотеку. Ведь сколько там книг, которые он мог бы перетаскать вниз. К людям. Но нет. Пойти туда, было самым лучшим и изощренным способ самоубийства.

- Оставь страх, Сергей, прогони его. – Тихо проговорил Странник. – Он заметнее тебя делать. Уязвимее. Все живое чувствует чужой страх.

- Это так ты выживаешь на поверхности? Просто ничего не боишься?

- Так.

- А знаешь, был у меня приятель один. Он взрывчатку делал. И шельмец любил курить очень. Ну, раз варганит напалм. И сигарку курит. Ему сказали, что он дурак. Рвануть может. А он в ответ, дескать, я не боюсь. Полстанции сгорело.

- Глупость не лучше страха. Это глупость, - Странник пожал плечами. – А что есть такое напалм?

- О брат. Это хрень такая. Ну как сгущенка, только не вкусная. Но горит, будь здоров. Температура высокая. Задолбаешься тушить.

Попутчик остановился и посмотрел на Маломальского.

- Где взять?

- А нахрена тебе? – ответил сталкер.

- Где взять? – повторил Странник.

- Ну, коммунисты, знаю, делали. Когда с нациками воевали. Применяли даже. Но потом решили не использовать. Он воздуха много жрет. А в тоннелях это не очень, знаешь ли. Сами тоже страдали. Но если не ошибаюсь, запасов у них на очередную мировую войну хватит.

- Паналм, это оружие?

- Напалм, балбес. Конечно оружие.

- Оружие, это плохо. Но надо. – Покачал головой Странник.

- Оружие всегда надо. Только психов от него подальше держать следовало. А то потом приходится жить в метро и выходить на поверхность по ночам с полными штанами непередаваемых ощущений.

* * *

- Что с Ульрихом и Руделем? – Высокий, с квадратной челюстью и наплывающим на глаза массивным лбом Гесс пристально посмотрел на пришедшего с поверхности Ганса.

Молодой нацист еще раз окинул взором пост охраны гермоворот Пушкинской. Тут было всего четыре человека. Портал закрывался надежно, и держать здесь усиленную охрану не считалось нужным. Гораздо важнее были внутренние границы метро. Хоть и было сейчас перемирие с ненавистными большевиками, оно всегда могло перерасти в новую войну. Тем более что были в метро и другие режимы, которые хотели избавиться от угрозы воцарения нового порядка во всем подземном мире.

- Чего молчишь-то, а? – Гесс, бывший здесь старшим, повысил голос. – Что с ребятами?

- Ранены они, - пробормотал Ганс. – Мутант. Напал. Отбились. Но они ранены. Я не могу один их дотащить. Помощь нужна.

- Где они находятся?

- В доме.

- Где именно, черт тебя дери!

- Тут рядом. Я покажу. Пойдем скорее. – Ганс сделал шаг назад.

Конечно, по инструкции следовало вызвать штурмовой отряд и послать его на поверхность за нуждающимися в помощи товарищами. Но, если они серьезно ранены, дорога каждая минута. И раз уж Ганс сказал, что это рядом, то можно обойтись и без лишних проволок.

- Ладно. Череп. Эй!

- Да, я! – Низкорослый лысый, со вмятиной во лбу, свернутым носом и дефицитом зубов бритоголовый тип встрепенулся.

- Останешься тут. Пост не покидать, даже по нужде. Мы мигом. Ясно?

- Ага. Ясно.

- Так. Остальные, приготовиться к выходу на поверхность. Ганс. Ведешь и показываешь дорогу.

- Понял. – Ганс кивнул.

* * *

Сергей еще раз повернул голову и посмотрел в сторону библиотеки. Нет. Ее

загораживал этот дом, на котором еще висела выцветшая табличка, приглашающая в кафе. Где-то здесь вход на станцию Александровский сад. А там дальше. Чуть в сторону, станция Арбатская. Немного успокаивало, что светлый и безопасный мир Полиса все еще рядом. Справа уже тянулась длинная и частично обвалившаяся стена военторга. Слева выгоревшее и разграбленное еще в незапамятные времена здание какого-то банка.

- Ух ты, глянь, Стран Страныч. Ламборджини. – Сталкер подошел к машине, которая стояла прямо на проезжей части возле банка. Вернее, прогнивший корпус без колес и стекол, вот все что осталось от дорогого автомобиля. Сергей просунул голову внутрь и осветил опустевший давно салон фонарем. – Интересно, что с хозяином стало? Катастрофа всех уровня, да? – с каким-то ехидством заметил он.

Странник дернул его за рюкзак.

- Идем. Отвлекаться не надо.

Идущая на убыль луна выглядывала из проплывающих по небу туч и освещала страшные руины города. Слева высились останки циклопического архитектурного чудовища, который был когда-то генштабом. Впереди справа какие-то заросли деревьев. Место опасное. Там мог притаиться горгон. Они приближались к зарослям, которые отделяли от военторга большой Кисловский переулок. Странник постоял на перекрестке и повернул направо. В переулок. Где-то очень далеко завыл мутант. Сергей поежился и двинулся следом, все еще задавая себе вопрос, какого черта он вышел с этим чудачком на поверхность.

Труп вичухи они нашли довольно быстро. Крылатая тварь распласталась на обломках стены военторга и была заметна издалека. До нее еще не добрались падальщики. Но самым примечательным было не это. В твари зияли пулевые отверстия. Кто-то практически в упор расстрелял ее из автомата.

- Мозз, - проворчал Странник и стал оглядываться.

- Думаешь, он где-то рядом? – прошептал Сергей.

- Мозз надо идти. Не может долго останавливаться. Знать, что я иду. Знать что надо ясли.

- И как нам его искать?

Странник не ответил. Он вернулся на асфальт переулка и стал в него всматриваться. Сталкер подошел и, посветив фонарем, обнаружил, что здесь мазки уже засохшей крови. Это хорошо, что кровь засохла. Еще не хватало встретить стигмата для полного счастья.

Они прошли по кровавому следу и обнаружили, что он вел в небольшое подвальное окно здания, что напротив военторга. Сергей осторожно приблизился к окну и встал сбоку от него. Посветил внутрь фонарем и тут же в ужасе отпрянул.

- Твою ж мать. Вспомни стигмата... вот и оно. – Маломальский щелкнул затвором автомата, но тут, же понял, что бросившиеся от луча фонаря крысы, что копошились у монстра, красноречиво говорили о смерти последнего. Он снова осторожно посветил внутрь. Стигмат действительно был мертв. Его голова изрешечена, как и туша вичухи. И по углам подвала пищали и шуршали крысы. Значит, других мутантов тут нет. Внимательно осветив помещение и обнаружив, что в нем еще один труп, на сей раз человеческий и сильно изъеденный крысами, протиснулся в окно и спрыгнул на пол. Странник последовал за ним.

Сергей первым делом стал разглядывать мертвого стигмата. Не каждому в жизни доведется так близко и без опаски разглядеть эту легендарную тварь.

- Ну и урод же ты, мать твою, - тихо хмыкнул Маломальский разглядывая продырявленную пулями голову мутанта.

Он осторожно взял в руку жутковатую ладонь стигмата и развернул, желая разглядеть то, за что он получил свое прозвище. Как только сталкер разжал длинные когтистые пальцы твари, из ладони выскочило то самое жало, едва не продырявив руку Сергея. Маломальский отпрянул и рухнул на пол, выставив перед собой автомат. Он готов был всадить в это чудовище весь боезапас, но разум подсказал сталкеру, что это всего лишь мышечный рефлекс и тварь все еще мертва.

- Зараза, чтоб ты здохла еще раз, - проворчал Сергей, вставая и отряхиваясь.

Странник тем временем разглядывал труп человека. Крысы хоть и поработали над ним изрядно, кровавые следы на голове покойного говорили о том, что тот самый мозг был в нем и покинул его, как это было со всеми жертвами до сих пор.

- И где он теперь? – спросил Маломальский.

- Я думать, - поднял руку Странник.

- А что если он в крысу вселился?

- Нет. Не бывает.

- Ну а в мутанта, какого?

- Нет. – Странник мотнул головой. – Только человека быть хозяин может мозг.

- Это охренительно здорово, - мрачно проворчал Сергей. – Ну ладно. Допустим. Мозг ведь сам не мог пользоваться автоматом?

- Да, - Странник кивнул.

- Да – не мог, или да – мог?

- Да. Нет, не мог.

- Выходит тут был еще человек. Ведь убита вичуха из автомата. Стигмат тоже. Но оружия я тут не вижу. А труп человеческий есть. Значит, был еще один человек. Верно? А этот видимо тот, в кого он влез на Полянке.

- Хренозавра полянка, - кивнул Странник. – Был еще человек.

- Да мы с тобой просто гениальные сыщики, - Маломальский улыбнулся и стал тщательно изучать пол, освещая его фонарем. – Типа Шэрлок Холмс и Доктор Ватсон. Ты конечно туповатый Ватсон, а я башковитый Холмс. Читал Конандойля?

- Коня доля? Что это?

- Ладно. Забудь. – Сергей продолжал изучать пол, затем старую трубу, на которой похоже сидели недавно. – Слушай, а тут, похоже, не один человек был. Тут, похоже, дневал кто-то. Группа. Трое как минимум. Слышь, а этот мозг мог вселиться в нескольких людей сразу?

Странник вытаращил глаза и протестующее замотал головой.

- Нет! Пока нет!

- Что значит пока? А когда да?

- После ясли да. Там ясли мозг расти и много мозз. А сейчас нет. Один только.

- Вот как? – Сергей нахмурился. – Ясли говоришь? Ну, мы нашего малыша в ясли не отдадим. Сами воспитаем падлу.

- Что?

- Да нет. Ничего. Слушай, Страныч, а что если вичуху и стигмата люди завалили, и они же убили и мозза. Как считаешь?

- Нет. Мозз убить нельзя.

- Что?! – воскликнул Маломальский и подскочил к своему попутчику. – Что ты сказал сейчас?! Какого хрена мы тогда бегаем за ним, если его убить нельзя?! Ты вообще дурак что ли?!

- Убить мозз панама надо. Много жарко. Очень.

- Чего? – Сергей поморщился, переваривая сказанное.

- Панама. Много огня.

- Панама? Напалм что ли, балбес?

- Да. Много огня и мозз убить можно.

- Ну, мать твою, у меня просто море напалма с собой. Что ты раньше мне не сказал?

- Я про напалм раньше не слышать. Главное мозз поймать. Потом все другое.

- Ну а как так может быть, что несколько людей, а в одного мозз вселяется. Тут бы еще трупы были. Борьба бы началась между ними, верно? А где еще трупы? Ну, по следам ведь видно, что была группа людей.

- Давай чуть-чуть искать немного, - развел руками Странник и кивнул в темноту подвала.

* * *

Выйдя на поверхность, они пересекли Тверскую, и Ганс завел трех нацистов в первое высокое здание на большой Бронной улице. Он этот дом выбрал не случайно. Именно там он оставил сумку со стеклянными банками. Пропустив тройку вперед, Ганс замыкал движение по лестнице. Гесс шел впереди и ворчал что-то про то, какого дьявола раненные делают наверху.

Повинуясь воле мозза, Ганс уже приготовил большой нож. Конечно, это плохо. Это расточительство транжирить человеческие тела, так нужные в грядущей войне мозза. Но... И Ганс быстрым движением перерезал горло идущего впереди. Но так надо. Достижение конечной цели оправдывает любые средства. И нож вонзился в шею второго, который обернулся на странный звук позади. Не дожидаясь его смерти, Ганс выдернул из шеи жертвы холодное оружие, оттолкнул смертельно раненного человека и одним прыжком настиг Гесса, который уже поднимал свой автомат.

Все кончено. Трое мертвы. Но пожертвовав драгоценными телами перспективных носителей, мозз должен был быть уверен, что его план сработает без вариантов.

Затащив тела в помещение, где была сумка, и, орудуя ножом, Ганс принялся сливать из мертвецов еще теплую кровь в стеклянные банки.

Глава 10. ЛОВУШКА

- Шталкер. – Мрачно пробормотал Сергей, глядя на останки найденного в подвале нациста и ошметки его комбинезона. Маломальский поднял его автомат и повесил себе на спину.

- Кто? – переспросил Странник.

- Ну, фашистский сталкер. Они себя штурмовиками или штурмпионерами кличут. Мы их шталкерами обозвали.

Голова нациста была прошита насквозь жалом стигмата от подбородка до затылка. Остальное, похоже, сделали крысы. Крови было много, но другие стигматы не решались тут появиться. Их отпугивал запах крови сородича, которого расстреляли в упор. Труп стигмата гарантировал, что эти твари сюда не придут некоторое время. Здесь, в этом подвале, вообще никого кроме крыс не приходилось ждать. Хуже, конечно, если придут крысы мутанты. Однако обыскать рваный и залитый комбинезон в поисках патронов и гранат Сергей пока не решался. Испачкаться в крови не хотелось. Если придется идти дальше, то на запах крови увяжется другой стигмат.

- Значит так, - Маломальский стянул с лица маску и почесал небритый подбородок. – Здесь походу дневка шталкеров была. Видно засаду на красных сталкеров готовили. Хантер, помню, говорил, что они это дело частенько практикуют. Значит, скорее всего, очередной носитель мозза, это фашист. Тогда куда он мог податься? Ему ведь надо постоянно находиться рядом с людьми, если только ими он может повелевать. Я правильно говорю?

- Я не совсем хрена не понял, что ты сказал. – Странник, будто передразнивая, тоже почесал подбородок.

- Я говорю, в четвертый рейх этот урод подался. Вот что. Хреново это. Я конечно сталкер и у меня в метро особый статус. Эти идиоты меня не тронут и даже может, пустят в свой фатермазафакалянд... А может натравить красных на фашистов с их напалмом и выжечь весь этот рейхстаг вместе с мозгом? Да нет. Не то. Долго, нудно и не факт... А ну поддержи. – Сергей всучил Страннику в руки фонарь и стал разворачивать карту поверхности. – Так. Мы вот здесь. А где рейх? Пушкинская, Тверская, Чеховская. Если дворами да напрямик, то отсюда километра полтора будет. Неужели он ничего не боится, а?

- Человек боится. Мозз нет. Мозз питается страх как ты воздух. Носитель страх. Мозз сыт. Но страх человека-мозз не выходит наружу. Он остается в мозз. Тогда мутанты плохо чувствуют человек-мозз. И он может идти поверхность. Не всякий нападет. Никто не любит мозз.

- Ну, хорошо. Его вшторило мозгом и он не боится. Точнее боится но идет с упорством

идиота. Тогда он рванул дворами напрямки. Если дорогу знает.

- Знает, - Странник кивнул, - Человек знает и мозз ведет его куда надо. А человек несет и делает что надо мозз.

- Ну, значит он уже в рейхе. Получается что это уже не человек, а такое же чмо как эти мутанты вокруг. И что ему эти полтора километра в таком случае? Тьфу.

- А что такое чмо?

- Это... Ну... - Маломальский через капюшон почесал затылок. — Это когда в голове фашиста мозз. Будто без этого в его голове мало пакости. Ну, вот короче как-то так.

- А фашист, это плохо? — Странник задавал вопросы даже без намека на шутку.

- Ну, знаешь. Если ты сам не фашист, то не знаю что хорошего. А вот когда общаешься с ними и думаешь, что они разговаривают с тобой и в это время оценивают форму твоего черепа, хотят заглянуть в родословную в поисках неполноценных, или инвалидов на удобрения пускают, это так мило...

- Они считают себя выше? Хотят управлять другими, кого считают ниже?

- Ну да. Уловил суть.

- И мозз в голове такого человека?

- Видимо да.

- Твою ж мать! — воскликнул Странник, повторив часто употребляемую Сергеем фразу. — Это же полная хренозавра полянка!

- Вот что-то я теперь суть не улавливаю. Ну а разница какая? Ну, фашистам башку пощекочет. Да и шут с ними. Чего их жалеть? Они никого не жалеют.

- Сергей, ты не понял! Это панама! Паланма! Напалм, вот!

- А причем тут напалм? А, ты хочешь сказать, гремучая смесь? Да?

- Точно!

Сергей задумался. Он толком не понимал, что из себя представляет этот мозз. Знал лишь то, что это большая угроза для людей. А не выйдет ли так, что фашисты посредством мозза получают в свои руки что-то типа биологического оружия?

Странник смотрел на него внимательно, словно понимая мысли своего товарища.

- Мозз думает. Он разумен, - произнес Странник. — Все живое для него, конкуренция плохо. Мешает считать себя лучше. Его идея, доминанта над жизнью. Порабощение. Вечная власть. Диктат.

- Откуда слов таких понабрал?

- Я учусь. И он тоже.

Маломальский принялся неторопливо сворачивать карту и пристально посмотрел в глаза своего напарника.

- Тогда, это очень плохо, что такая штука поселилась в голове нациста. Но... Сдается мне, что у тебя с моззом что-то общее. Ты уж очень хорошо знаешь его повадки. Если конечно все что ты говоришь, не бред сумасшедшего. Кто ты, а?

- Я Странник.

- Ты же не человек, - эта внезапная догадка ввергла Сергея в мгновение ока в ледяной холод и он попятился. Ну конечно. Это очевидно. Он видит в темноте. Он ходит по поверхности без спецовки. Он жрет кошек и крыс. А он-то, Сергей, привык, что мутанты это звери. Конечно, всякие разговоры ходили про то, что есть и человеческие мутанты. Но он относился скептически ко всяким этим жутковатым байкам про неизбежность появления всяких там хомоновусов, хомодемоников, хомовампиров. А тут вот он. Человек, да не человек.

- Да. Я не человек, - медленно и обреченно Странник кивнул. — Ты боишься, Сергей. Не надо. Я друг. Я твой друг.

- Какой же ты мне к черту друг, если ты не человек. Ты МУТАНТ! — это звучало как приговор.

Странник тяжело вздохнул и повесил голову.

- Теперь ты оценивать форму моего черепа, думать о неполноценных в моей

родословной и желать пустить меня на удобрения? – тихо спросил он.

И после этих слов страх исчез. Растворился холод. Стало жарко. От стыда. Сергею вдруг стало стыдно.

* * *

«...сколько угодно может разум протестовать против того, что за считанные годы последствия катастрофы явили миру таких существ, о появлении которых все законы природы не додумались бы в здравом уме и за миллионы лет эволюции. Но факт ведь на лицо. И естественно в этом случае и появление нового вида людей. Которые уже, наверное, и людьми в привычном понимании называться не могут. Хотя, учитывая более длительную продолжительность жизни одного поколения людей и не такой ускоренный метаболизм как у животных, с людьми это должно было случиться много позже. Но видимо весь мир действительно сошел с ума...» - Сергей повертел в руках этот обгоревший лист бумаги с рукописным текстом. От чтения пришлось оторваться, поскольку в середине листа зияла прогоревшая дыра. Обожжены были и края. Оказывается все это время, данная бумага хранилась в кармане Странника, и сейчас он извлек его и передал сталкеру.

Он взглянул на своего попутчика с опаской и недоверием. Конечно, не следует, наверное, его принимать в штыки. Он ведь выглядит как человек. Ведет себя как человек, пусть и не совсем здоровый на голову. Хотя сейчас все меньше и меньше придурковатости в нем. Но, черт возьми, он ведь не человек. А о чем, о чем, но про дружелюбных мутантов Сергей никогда не слышал.

- Откуда это у тебя? – Маломальский покачал в руке обгоревший листок.

- Все что осталось, - тихо отозвался Странник, который сейчас сидел на полу, уперев подбородок в колени, и смотрел в сторону. Словно ему неприятно было сейчас видеть Сергея.

- Все что осталось от чего?

- Доктор, - слышался ответ.

- Какой еще доктор?

- Он был с нами. Добрый. Он разгадал мозз. Мозз родился в голове первых из нас. Не всех. Несколько. Был совет. Они решили. Они убили себя. Мозз не может подчинять таких как я. И потому он хотел выйти из головы. Но мозз может кушать то, что внутри головы наших детей и тогда он увеличивается и делится на кусочки, которые отдельный мозз. Один успел съесть в голова два детей, и стало три мозз. Но доктор сжег эти мозз. Но двое из моей семьи, в чьих головах было это, не захотели убивать себя. Они сбежали. И тогда доктор стал преследовать. Он сжег один, когда мозз стал пробираться в его голова. Сжег мозз и себя. Это все что осталось от доктор. Доктор был человек. Хороший человек. Он не считал нас хуже. Не считал нас ниже. Он говорил что мы и люди, дети одной матери. Одной земли. А вместе мы можем помогать другу выживание.

Маломальский вздохнул, слыша в этих словах укор.

- Прости, Стран Страныч. Я просто не думал... Ну... Мы все в плену стереотипов всяких. Во всяком случае люди, уж не знаю как с этим у вас. Все чуждое определяем враждебным. Боимся этого. Отвергаем. Истребляем. Наверное, в каждом человеке живет свой маленький фашист. Потому я и не слышал истории про дружелюбных мутантов, наверное. Просто никому в голову такое не придет. В первую очередь в голову приходит плохое. Потому, что... Постой-ка. – Сергей снова стал рассматривать строки, что еще можно было прочесть на этом обгоревшем клочке. – Я, кажется, начал понимать! В разуме людей всегда есть темная сторона. Место для бесов душевных. Ревность, страх, ненависть, неприятие и вражда! Иначе мы бы просто не воевали никогда. И мир не уничтожили бы! Даже сейчас, в метро, поделились на всяких, кордоны выставили и барьеры различные. Я понял! Вся эта дрянь материализовалась в живой мыслящий организм и отпочковалась от головного мозга первого поколения вашего вида! Потому что ваш вид сумел отвергнуть этот сумрак из своего разума! Очистился от страхов и скверны! Вот, он так и пишет! Эти существа – альтернативная ступень человечества! Сумевшие обуздать своих пещерных

дьяволов в душе, ибо катастрофа не могла хоть кого-то ничему не научить! Так и пишет! Однако что-то на задворках разума осталось, и оно запротестовало против своего забвения и превратилось в этот мозз! И стало выходить из голов, чтобы найти более уютное место! Чтобы вернуться к тем, кто, так или иначе, несет в своей душе эту червоточину! К людям!

Объект категории «М». Ментальный. Порядковый номер 033. Так вот почему мозз. Это по классификации доктора... Господи, как все ясно-то теперь стало.

Сергей вдруг подскочил к Страннику.

- Почему ты не показал мне это сразу? Я бы тогда всем людям об этом рассказал! Это же такая опасность!

Странник поднялся и посмотрел на Сергея сверху вниз.

- А потом, - начал он говорить, - Всех людей захватил страх. Человек смотрит на другого человека и боится. А вдруг там мозз? И человек убивает человека. И так всегда и везде. Человек убили друг друга, если узнать что хоть у одного в голове мозз. Нет разве? Нельзя, Сергей. Может не плохо, что человек не будет и не останется для мозз ничего? Но останется мозз. А он будет искать решение. И найдет. Но люди уже исчезнут. Но если мозз победит. Дойдет до ясли, где дети моей семьи. Тогда выбора нет. Он придет и сначала убивать взрослых. Мы не воины. И моя семья мало. Но много дети. Если мозз дойдет до ясли, моя семья придется убивать всех людей.

- И как вы это сделаете, если вас мало и вы не воины?

- Люди ведь тоже приручали много животных? – Странник улыбнулся.

- Мутанты. – Маломальский покачал головой. – Вы натравите на нас мутантов, которыми можете манипулировать.

- Прости, Сергей. Я не хочу этого. Люди много хорошего. Доктор ведь хороший. И ты хороший. Казимир хороший.

- Н-да. – Теперь Сергей уселся на пол и тяжело вздохнул, - И Рита была хорошей. И Вера была хорошей. И мальчишка тот, за которым ты пришел. Дети вообще хорошие. Даже этот придурок Виктор, с Полиса, он ведь тоже хороший, хоть и придурок. В каждом человеке есть хорошее. Наверное, и в этом мертвом фашисте тоже было.

- В каждом есть хорошее, - Странник кивнул, соглашаясь. – Но в каждом человеке есть место и для мозз.

Сергей лениво улыбнулся и посмотрел на своего попутчика снизу вверх.

- Тебе бы не Странником назваться следовало, а философом. – Он поднялся на ноги и отряхнулся. – Послушай. Прости еще раз, что я так на тебя, не по-людски. Если ты честен со мной. Если все что тут доктор прописал, не полная ахинея, то я с тобой до конца. Я не отвернусь, не брошу и не предаю. И мы сожжем эту тварь. Ну, ты меня прощаешь? – он протянул Страннику руку.

Тот смотрел на нее какое-то время. Потом крепко ее пожал и улыбнулся.

- А я по-другому не умею.

* * *

Они решили пойти до станций рейха через бывшие жилые дворы. Это было опаснее, но Странник настоял на этом. Данный путь был короче и, Сергею снова пришлось поступиться своими правилами. Первый раз он нарушил свое правило, когда вышел на поверхность с напарником. Ну ладно. Странник мутант и можно не считать это выходом в группе. Так что не считается. Но пойти до следующей точки кратчайшим путем это вообще против всяких сталкерских правил. Самый короткий путь не самый простой и безопасный. Но Странник держался уверенно. Ему, похоже, такие прогулки были привычным делом. Он то и дело повторял, что не надо бояться. Страх привлечет внимание. Черт возьми, как же трудно не бояться когда тебя об этом просят каждые две минуты, постоянно напоминая о том, что на поверхности как раз есть чего бояться. Они шли между заросших кустами и молодыми деревьями остовов автомобилей, припаркованных во дворах. Со всех сторон нависали мрачные здания, в чьих окнах гулял ветер. Иногда луна выглядывала из-за очередной тучи, и тускло освещала им путь. Ее свет заглядывал в окна квартир и тогда какая-нибудь

оставшаяся там домашняя утварь, обростала причудливыми пугающими тенями. Сергей постоянно напрягал зрение, вглядываясь в окна. Опасность могла прийти оттуда. Но и большие деревья старался обходить на почтительном расстоянии, помня о горгонах. Где-то на балконе, к его удивлению, все еще висело белье, которое развесили там для просушки в незапамятные времена, еще когда поверхностью владели люди. В очередном окне он, наконец, увидел то, что постоянно искал его взгляд. На подоконнике сидела какая-то тварь чуть крупнее человека. Глаза ее светились в свете луны кошачьим цветом и часто моргали. Маломальский взял существо на мушку. Но оно тут, же поднялось во весь рост, потянулось руками в окно верхнего этажа и ловко исчезло в нем.

- Слышь, Стран Страныч. А чего это никто на нас не нападает?

- Это плохо? – спросил в ответ Странник.

- На не то что бы очень. Просто странно и настораживает. Я уже после того подвала наверное пятого хмыря вижу и ничего. Посмотрит и уйдет своей дорогой.

- На таких как я мутант не нападает. Бывает, конечно, но редко. Ну, или если спровоцировать.

- Вот оно как, - хмыкнул Сергей. – А ты полезный попутчик. Хотя с другой стороны, так недолго и расслабиться да бдительность потерять. А это нельзя.

Впереди все более отчетливо проглядывались рваные края полуразрушенного большого комплекса.

- Так. Страныч. Там, ежели мне память не изменяет, министерство какое-то и мэрия были. Давай-ка судьбу испытывать не станем, а выйдем на Тверскую, да обойдем это гиблое место.

- А что там? – поинтересовался Странник.

- Там очень нехорошие существа обитают. Собственно, в министерствах да мэриях они всегда обитали, - Тихо хохотнул сталкер, затем более серьезно добавил, - Но ты, как видно, иронию мою не поймешь.

- А там что? – Странник указал на высокое здание слева. Строение было достаточно целым, по сравнению с другими зданиями выше пятиэтажек, которым доставалось больше других.

- Это что-то с музыкантами связано. Дом музыкантов или композиторов. Я толком не помню. Знаю только, что там гнезда вичух на крыше. Так что ну его нафиг.

Они вышли на Никитский переулок, двигаясь между руинами театра и телеграфа. Переулок был весь буквально завален автомобилями и обломками зданий. Угол здания телеграфа сохранился целым до самой крыши, как раз там, где Никитский выходил на Тверскую.

Странник вдруг остановился и поднял руку, призывая и Сергея прекратить движение.

- Ты чего? – шепнул Маломальский.

- Тише. – Тот внимательно вслушивался в царившую здесь тишину, которую нарушал лишь ветер, гудящий где-то в окнах дома композиторов.

И вдруг, Странник схватил Сергея и толкнул в сторону.

- Осторожно!

Тут же что-то с невыносимо громким после царящей тишины звуком разбилось как раз там, где они стояли. И еще звон. Третий. И четвертый. Только теперь до Сергея дошло, что разлетаются вдребезги стеклянные банки, которые кто-то швырял в них, возможно с того самого угла здания.

Банок было всего четыре. Бомбардировка прекратилась.

- Что за урод! – воскликнул Сергей в темноту.

- Тише! – зашипел на него Странник.

- Нет как это понимать... Погоди. Что за запах, а? – Маломальский снял перчатку и провел рукой по своим ногам. Еще когда банки разбивались, он чувствовал, как в них что-то брызжет. Рука попала в какую-то густую вязь, что облепила все ноги. – Не понял, что за ерунда. – Он включил фонарь. Рука была вся в крови. Он осветил себя и Странника. Они оба

были забрызганы кровью.

- Твою ж мать! – заорал сталкер, понюхав свою ладонь. – Это же человеческая кровь! Черт! Да тут хрен его знает сколько крови! Странник, ты хоть понимаешь, что теперь будет?! Какой урод это сделал?!

Странник схватил Сергея за руку и стал показывать куда-то в сторону.

- Туда! Дом музыкаторов! Быстро!

- Что?!

- Дом музиктаоров!

- Композиторов?

- Да! Быстрее!

- Ты дурак что ли? Там же вичухи на крыше! Хотя... Черт. Ты прав. Вичухи жрут стигматов. Бежим!

* * *

Внутри еще сохранились нежные кремовые тона, в которые были окрашены стены. Еще где-то в холле висели в рамках фотографии известных когда-то людей. В этот дом сталкеры не любили ходить. Не только здание, но и сам район считался гиблым. Ведь недалеко была территория кремля. Но сейчас надо было срочно найти убежище. Запах такого количества крови привлечет не одного стигмату. И не двух. И лучшим местом чтобы укрыться от них, был облюбованный вичухами дом композиторов.

Они торопливо поднимались по лестнице вверх, спеша занять поскорее помещение повыше и забаррикадироваться в нем.

Странник постоянно обгонял Сергея, поскольку он двигался целенаправленно, и не отвлекаясь ни на что другое. Сергею же приходилось постоянно всматриваться в темноту. В дверные проемы. На предстоящий лестничный марш. Не затаилось ли что. Не прячется ли какая-нибудь тварь.

Похоже, что в доме никто не решался селиться. Обилие гнезд вичух на крыше, о которых рассказывали ветераны сталкеры, отпугивало других мутантов.

Вскоре они нашли довольно просторное помещение небольшими рядами кресел. Что-то массивное и черное, стоящее ближе к большому окну, первым делом заставило Маломальского вскинуть автомат, навеяв мысли о некоем существе. Однако к его изумлению, это был самый настоящий рояль.

Сталкер быстро закрыл входную дверь и стал сдвигать один ряд кресел (благо к полу они не были прикреплены), чтобы забаррикадировать вход. Странник без лишних слов понял намерения товарища и кинулся помогать. За первым рядом кресел последовал второй. Когда дело было сделано, Сергей подошел к роялю и присел на клавиатуру, чтобы отдышаться. Он не заметил, что крышка открыта и воздух сотряс жуткий аккорд самой нижней октавы. Маломальский вскочил и отпрыгнул от музыкального инструмента.

- Мать твою, всех соседей разбудим. – Проворчал он, когда мгновение испуга прошло.

Странник подошел к роялю и стал с любопытством его разглядывать.

Тем временем Сергей осмотрелся. В стороне на полу валялись два стула. Он двинулся к одному из них. Под ногами хрустела сухая листва, занесенная за долгие годы в выбитое окно ветром. Взял стул, поставил его у рояля и развернул на большой черной и пыльной крышке карту поверхности.

- Слушай, Страннич. У сталкерских групп иногда заначка на поверхности имеется.

- Что? – Странник тоже взял стул и уселся прямо за клавиши.

- Ну, короче, отряды сталкеров иногда ищут на поверхности сохранившиеся машины. Желательно большие. Типа грузовиков, мусоровозов, пожарных машин. Бывают и броневики даже. Понимаешь?

- Нет, - Странник мотнул головой.

- Ну, черт тебя дери. Машины. На колесах. Они их в порядок приводят. Чинят. На ход ставят. Чтобы если что, можно было за рулем да с ветерком. Понимаешь? А в метро такую штуковину не затащишь. И не во всякий наземный вестибюль станции можно поставить. Вот

и прячут они их где-нибудь в укромном месте в городе. Но я сталкер одиночка. Вольный. Я не имею права пользоваться их машинами. Но по солидарности братства сталкеров, я могу там, например, спрятаться и передневать. Особенно если это броневи́к. А сесть и поехать нельзя. Надо сначала с кланом хозяев машины договориться. В цене сойтись. А уж потом... Иначе попадут они в переделку, понадеются на свою машину, а ее какой-нибудь нехороший уволок. И погибнуть могут из-за этого. Но у нас ведь особый случай. Верно?

- Я не понял все равно. – Развел руками Странник.

- Ну и мутант. – Проворчал Сергей. – Короче. У меня на карте большинство стоянок этих машин отмечено. За что отдельное спасибо Казимиру и его авторитету среди сталкеров. – Маломальский включил фонарь и стал внимательно изучать карту. – Так, так. Где мы. Кремль. Мы севернее. – Он ткнул перепачканным чужой кровью пальцем в карту и стал вести им по улицам, чьи названия больше не служили почтовыми ориентирами живого города людей. Названия их остались лишь для того, чтобы мизерная часть оставшегося на земле человечества, что именует себя сталкерами, могла четко знать точки привязки к чужой и враждебной местности. – Так. Вот улица Тверская. Вот станция Тверская. Это уже фатерлянд. Но мы до нее еще не дошли. А мы... Вот. Газетный переулок, а вот и наш милый домик. Ну и что тут у нас поблизости? Нда. До ближайшей стоянки почти километр. Архитектурный институт. Ого. Зато там стоит бронетранспортер, если конечно кто-то на нем не уехал. Вот бы туда добраться а. Черт, но мы кровью воняем, как хреновы доноры. Сейчас бы хоть горсть хлорки, в воде развести да обмазаться. Запах перебить.

Странник, казалось, совсем его не слушал. Он осторожно положил свои длинные тонкие пальцы на клавиши и стал в произвольном порядке их нажимать. Получилось что-то мрачное и психоделическое, от чего в желудке начал появляться ледяной ком.

Сергей ударил Странник аладонью по плечу.

- Ты совсем рехнулся? – зашипел он на своего попутчика. – Хочешь, чтобы все самые симпатичные жители Москвы сюда сбежались и попросили на бис исполнить?

- Как?

- Прекрати бренчать, я сказал! Вичух разбудишь!

- А что это было? – Странник поднялся со стула и стал махать вокруг руками. – Вот это. Звук.

- Это музыка, балбес.

- Музыка. – Попутчик улыбнулся. – Это красиво.

- Ты себе льстишь. То, что ты сыграл красиво?

- Ты не понял, Сергей. Сама возможность. Когда внутри тебя есть, то, что беспокоит тебя. Чувства. Сказать не можешь, но издаешь звук. Наполняешь воздух чувствами. И в тебе нет места страху или злобе уже. Музыка. Это красиво. Вам надо было делать больше музыка и меньше оружия. Нажимать надо сюда, - он показал на клавиши, - А не на это, - И он ткнул пальцем в спусковой крючок автомата.

- Ну, я же сказал что ты хиппи, - Сергей усмехнулся и свернул карту. Затем подошел к окну и уселся на подоконник.

Странник тем временем поднял крышку рояля и стал рассматривать его внутренности.

Сергей смотрел на него и думал о том, что тот сказал. Он вдруг почувствовал какую-то трогательную теплоту к этому существу. Альтернативный вид человека. А ведь он прав. Видимо он нес в своих мыслях только то, что не хватало в свое время человеку, да и сейчас не хватает. Конечно, и люди зачастую понимали такую простую истину, что искусство важнее войны. Но ведь иногда не приходится выбирать. Когда есть враг, не придуманный тобой, а самодостаточный в своих желаниях поработить и уничтожить, как те фашисты или этот мозг, то нельзя никак быть пацифистом. Нельзя зарывать топор войны. Да все наше выживание в борьбе и происходит. А для музыки времени остается в таком случае совсем мало. Но, если бы каждый человек думал как Странник, то и борьбы такой видимо не предвиделось. Людям надо было пройти чистилище, чтобы из него вышла эта новая формация вида, которую представлял этот Странник. И теперь он чистый в своих помыслах.

Искренний. Добрый. Почти святой, если бы так отвратительно не жрал кошек. А люди? Люди всегда носили в себе мозз. Вернее тот конгломерат темного, который и породил сие мерзкое существо. И сейчас люди такие. Даже я. Самый гуманный сталкер в нашем подземном мире, который охотиться только за книгами. Я ведь никогда не брошу свой автомат. И я всегда буду менять книги на патроны. Вся наша жизнь подземная – эта борьба за патроны. Когда стараешься заработать их побольше. А патроны нужны, чтобы убивать. А как иначе, когда кругом мутанты? Правда, если бы не мы и наше оружие. Если бы не мы и наши войны. Если бы мы больше занимались музыкой, то и мутантов не было бы. Утопия. Мы считаем утопию невозможной. Но сделали возможной антиутопию. Постапокалипсис. Ад.

Маломальский вздохнул и посмотрел из окна вниз. И ужас сковал его тело и разум холодной ледяной коркой от того, что он увидел в свете убывающей луны. Все эти мысли о прекрасном сразу превратились в тлен и осталось лишь презрение к ним. А все сознание заполнили только мысли об оружии. Если бы... Если бы больше патронов сейчас. Сотни гранат. Крупнокалиберный пулемет. Атомную бомбу. Все вместе, здесь и сейчас! Если бы все это было!

Он в ужасе отшатнулся от окна и, развернувшись, уставился на Странника. Тот пристально смотрел на сталкера.

- Что? Что Сергей?

- Все. Все Странник. Нам конец. – Прохрипел Маломальский предательски дрожащим и осипшим голосом.

Глава 11. В ОСАДЕ

Мозз был доволен. Он отметил свою изобретательность, как пример своей важности и исключительности. Он смотрел как шевелиться земля у того здания, от полчищ тварей ведомых запахом крови. Вот они карабкаются по стене. Все. Едва ли что-то способно спасти заклятого врага и его сообщника из человеческого общества. А ведь из этого можно сделать вывод на будущее. Конечно все эти существа вокруг враги. Низшие формы жизни. Но, при правильном подходе, можно их превратить в союзное оружие. В легион послушных приспешников, которые вольно или невольно, но будут выполнять его волю. И чем больше при этом они будут уничтожать друг друга, тем лучше для него. Даже носитель Ганс согласился с этим, робкой мыслью подтвердив вывод мозза. Легион СС из покоренных низших рас. А что? Да будет так. Они будут убивать во имя его целей и самидохнуть при этом. Не в этом ли цель, чтобы не осталось ничего, что могло бы конкурировать с ним и им подобными, когда они возникнут, в главной битве за жизненное пространство и саму жизнь.

Пожалуй, этот носитель и в самом деле удачная находка. Надо его побережь. Он не сопротивляется. Он боится. Он подчиняется. Он преклонен. И солидарен.

Ганс улыбнулся и двинулся прочь. Дело сделано. Ловушка вокруг его злейшего врага и его человека-приспешника захлопнулась.

* * *

Странник смотрел вниз. Стигматы ловко карабкались по стене. Понять сколько их было на земле у дома, вообще было сложно. Все кишело. Они крались к зданию и начинали лезть вверх.

Сергей нервно ходил вокруг рояля и дергал головой.

- Какого хрена я тебя послушал. Зачем мы сюда поперлись. Если бы я там вспомнил про сталкерские машины, то мы бы может, успели добежать до БТРа. На кой черт я вообще на поверхность пошел.

Странник быстро подбежал к Сергею и схватил его за плечи.

- Не надо, слышишь? Не надо страх! – громко заговорил он, тряся Маломальского.

- Что?! Да ты видел сколько их?! А, ты же считать не умеешь кроме как до трех, мутантская твоя душа! И что делать теперь?! Мы в ловушке! У нас два автомата и всего пять

рожков к ним! Один пистолет и пять гранат! Что мы можем?! В переговоры с ними вступить?!

- Заткнись и не бойся! – зарычал Странник, - Ты пока жив и дышишь. А ты жив, пока жив! Но ты тратишь себя на страх! Трать на борьбу! Борись до последнего, пока жив!

В окне появился отвратительный лысый и зубастый безглазый череп. Странник обернулся и, отпустив Сергея, кинулся к стигмату. Тот держался одной своей безобразной рукой за подоконник, а другую поднял, чтобы нанести удар по Страннику, которого видел своим внутренним, эхолокационным зрением. У самого окна Странник вдруг упал на колени и выгнул спину. Лапа стигмата, которой тот хотел схватить жертву за шею и пронзить ее, прошла над головой напарника. Странник резко схватил костлявую конечность монстра, из которой уже выскочило жало, и продолжил ее движение. Жало впилося прямо в шею стигмата. Из жуткой пасти вырвался хрип. Странник толкнул монстра и тот полетел вниз.

После этого попутчик обернулся и, посмотрел на Маломальского, который застыл в изумлении, наблюдая за тем, как этот нелепый и неуклюжий на вид юродивый расправился с чудовищем за доли секунды.

- Примерно так, - улыбнулся Странник.

- А ты, похоже, имел с ними дело уже, - пробормотал сталкер. – Ну ладно. Раз так, я в игре.

Он подбежал к окну, сбрасывая при этом свой рюкзак с плеч. Извлек оттуда фальшфейер, зажег и, выглянув в окно, кинул вперед. Падающий свет помог убывающей луне осветить немыслимое количество тварей, что столпились в дома композиторов и планомерно лезли на стену, а так же тех, кто уже подбирался к окну. Ничего более ужасающего Сергей не видел в жизни. Но еще больше пугало все, то безмолвие, в котором стигматы продолжали свою размеренную, неторопливую атаку. Хоть бы какой-то рык. Вопль. Хоть как-то разорвали бы они тишину. Но нет. Стигматы только иногда свистели днем, чтобы проложить этим свистом себе путь вне прямых солнечных лучей. Но сейчас уже была глубокая ночь. Где-то внизу стигматы пожирали своего сородича, которого убил Странник. Фальшфейер упал среди толпы монстров и все еще горел, образуя нелюбимой стигматами высокой температурой чистый от мутантов круг вокруг себя.

- Куда вас такая кодла явилась! – заорал Сергей. – Нас всего двое, жрать на всех не хватит! – Он снова кинулся к рюкзаку. Достал гранату. Выдернул чеку и швырнул ее в густое столпотворение у стены. Грянул взрыв, который разметал несколько чудовищ. Два стигмата рухнули со стены. Волной отбросило затухающий фальшфейер в кусты, из которых перли еще твари. Надежда на то, что взрыв отпугнет мутантов, не оправдала себя. Они словно обезумели от запаха крови и продолжали наступать. Лишь некоторые из них отвлеклись на поедание тех, что погибли от взрыва. Очередной стигмат был уже у окна. Он схватился за подоконник одной своей лапой и Сергей тут же нанес по ней удар разводным ключом. Монстр широко раскрыл пасть, беззвучно крича от боли и машинально отдернул свою лапу, тут же полетев вниз.

Другой стигмат, что был метрах в трех у окна нижнего этажа, прекратил свое восхождение и проводил падающего сородича безглазым взглядом. Затем снова поднял голову, свирепо клацнул челюстями и еще быстрее стал ползти вверх.

- Что урод, это кореш твой был? Прости, я не знал. – Маломальский выхватил пистолет. Вытянул руку вниз и выстрелил в голову твари. Та полетела следом.

- Ну а эти суки наверху чего спят?! Эй! Вичушьи отродья, мать вашу! Подъем! Тут столько жратвы внизу! Эй! Вот мрази, ни взрывом, ни выстрелом их не разбудить! Может подняться и растолкать, а?!

Ближайший стигмат на стене вдруг оттолкнулся и прыгнул вверх, пытаясь схватиться своими смертоносными рукам за торчащую из окна голову Маломальского. Странник оттолкнул его вовремя. Сергей упал, выронив оружие. Промахнувшийся мутант схватился лапами за подоконник и стал подтягивать свое жуткое тело в окно. Странник отпрыгнул к роялю и, схватив стул, нанес им удар по голове твари. Стул разлетелся в щепки. Тварь

ввалилась в помещение и стала мотать контуженой головой. Сергей уже подобрал свой разводной ключ. Напарник хотел схватить стигмату за руку, но тот ударом отбросил Странника в темноту помещения.

- Не тронь моего друга, сука! – заорал Сергей и нанес еще не пришедшей в себя твари несколько ударов по башке. Стигмат испустил дух и распластался на полу.

- Эй, ты живой там?

- Да, - слышалось из темноты.

- Мы устанем раньше, чем они кончатся, Стран Страныч! – крикнул Сергей напарнику.

- Еще ведь не устали, - ответил Странник.

- Оптимист, твою мать, - проворчал Маломальский, стреляя из пистолета в очередную голову, появившуюся в окне.

Напарник появился из темноты, волоча какую-то ношу. Это была кipa нотных тетрадей.

- Может пригодиться? – спросил Странник, подбежав к Сергею.

- Только если ты концерт решил дать! Осторожно! – Маломальский выстрелил в появившуюся в окне четырехпалую ладонь. Стигмат уже залез в окно. Он зажал раненную лапу под мышкой и прыгнул на Странника. Нотные тетради разлетелись в сторону. Они оба повалились на пол. Началась возня. Напарник как мог, удерживал здоровую руку твари как можно дальше от себя. Жало периодически выскакивало из ладони, но не могло достать до головы потенциальной жертвы. Сталкер уже хотел кинуться на помощь товарищу, но в окне появилась еще одна злобная тень. Выстрел из пистолета. Мимо. Сергей матернулся и выстрелил еще раз. Попал в шею. Стигмат упал на труп другой твари в комнате и схватил его, прикрываясь от возможного следующего выстрела. Тем временем Странник вывернул страшную ладонь своего оппонента и откусил ему один из пальцев. Маломальскому некогда было изумляться тому, насколько умным оказался этот урод, что прикрылся телом мертвого сородича. Сергей прыгнул в сторону и, нацелившись в голову врага, попытался сделать выстрел. Пистолет только щелкнул и все. И тут он с ужасом вспомнил, что так и не перезарядил оружие после своего последнего выхода на поверхность.

- Черт! – он отбросил пистолет в сторону и, сдернув с плеча автомат, дал короткую очередь. Стигмат, наконец, издох. Тогда Сергей подбежал к продолжающим бороться и проломил прикладом череп противника Странника.

- Давай эти трупы скинем! Живо! – крикнул Сергей товарищу. Они подхватили первого мертвого мутанта. Он, хоть и был похож на трехметровый ходячий скелет, оказался куда тяжелее, чем можно было предположить. Тем не менее, они водрузили его на подоконник и столкнули вниз. Судя по звуку, падающее тело увлекло за собой еще кого-то. Следом они скинули и остальных двух. Сергей выглянул из окна. Теперь вся стена была живой. Стигматы облепили ее и неумолимо приближались к окну. Причем они теперь ползли не по одному маршруту снизу вверх. Многие стигматы ползли в сторону и заходили на окно с флангов.

- Бери второй автомат, Страныч! Он у рояля! – заорал Маломальский и срезал очередью ближайшего стигмату.

- Я не умею!

- А что тут уметь, балбес! – Сергей отбежал от окна и схватил нотную тетрадь. Быстро достал из кармана зажигалку и поджег ее. – Хватай автомат и разбивай кресла! Поджигай их! Делай костер! Живо!

- Пожар дом музыкантов будет!

- Твою ж мать! Нас пожар должен сейчас беспокоить или этот митинг оппозиции внизу, а? Делай, что я сказал! Будем горящие кресла в них кидать! Заодно дым и гарь отобьют запах крови! Может тогда угомонятся!

Странник выхватил горящую тетрадь из рук Маломальского, и кинулся ко второму автомату. Сергей обернулся к окну. Там толкались два стигматы. Видимо каждый желал

пролезть сюда первым.

- В очередь, сукины дети! – Завопил Маломальский, ведя огонь и подходя к окну. Как только оба были убиты. Слева появилась еще одна тень. Стигмат прыгнул в помещение и тут же сделал очередной прыжок в сторону, словно чувствуя, что сейчас по нему откроют огонь. Так и случилось. Но реакция сталкера оказалась хуже. Пули прошли мимо. Следующий прыжок стигмат сделал уже в его сторону. На сей раз, Сергей оказался проворней. Он нырнул под рояль. Лапы стигмата ударили по клавишам, и снова жуткий аккорд сотряс все вокруг.

- Да так и я могу. Ты мурку сыграй, - проворчал Сергей, проползая под музыкальным инструментом, чтобы встать с другой стороны. Звук рояля видимо на некоторое время озадачил стигмата и тот снова ударил по клавишам. Тем временем Сергей поднялся с другой стороны и вкинул оружие. Стигмат рванулся вперед, под оставленную Странником открытую крышку рояля. Странник прыгнул на эту крышку раньше, чем Сергей успел сделать выстрел. Маломальский тут же отвернул ствол оружия, боясь выстрелить и попасть в друга. Напарник, тем временем навалившись всем телом на крышку, пытался как можно сильнее прижать тварь. Стигмат ерзал под ней, бряцая башкой и лапами по струнам. Задние лапы оставались снаружи и буксовали на клавишах рояля. Это была самая отвратительная симфония из всех, что когда-либо слышал Сергей. Он врезал прикладом в оставшуюся щель между крышкой и роялем. Еще раз и еще, пока стигмат не прекратил дергаться.

Костер уже разгорелся и, в помещении стало совсем светло. Стало видно, что сюда проникли еще две твари. Сергей открыл огонь. Одного убил. Другой вдруг вскочил в окно, словно хотел выпрыгнуть. Однако он этого не сделал. Совершив резкий прыжок вверх, он кувыркнулся и приземлился сзади сталкера. Весьма опасный трюк для этой твари, но она все-таки на него решилась, рискуя сломать свои драгоценные руки. Сергей хотел отпрыгнуть. Он дернулся в сторону, и это спасло его. Стигмат не схватил его за голову или шею. Но вцепился в левую руку и, тут же резкая боль пронзила предплечье. Жало! Вторая лапа уже почти сомкнулась вокруг шеи, но ее схватил Странник и, навалившись всем телом на мутанта, оттолкнул его от Сергея и свалил на пол. Маломальский сделал выстрел. Мимо. В глазах помутнело от боли. Второй выстрел. Вроде попал. Тварь задергалась, скребя по полу одной рукой. Странник добил мутанта, обрушив ему на голову горящее кресло.

Сергей теперь не мог сосредоточиться. Весь его разум, пронзала, подобно тому жалю, одна единственная мысль, надо вколоть себе антисептик. Неизвестно куда эта тварь пихала до этого свою поганую руку. Может быть заражение крови.

Пламя разгоралось охотно, перекидываясь уже и на те кресла, которые Странник еще не успел отбить прикладом второго автомата от общего ряда. Огонь угрожал в ближайшее время стать третьей стороной конфликта, освещая противоположную стену, которая все это время была скрыта мраком. Там вдоль стен были покосившиеся шкафы с какими-то предметами и массой нотных тетрадей, большая часть которых осыпалась со своих мест. Так же там имелась еще одна дверь, о существовании которой ни Сергей, ни Странник, находясь, все время здесь, так и не подозревали.

Маломальский, морщась от боли, двинулся к роялю. В окне уже было столпотворение. Он дал очередь. Еще одну. Один стигмат рухнул на пол у окна. Двое вывалились туда, откуда пришли. Однако их место тут же заняли другие. Стараниями Странника, в них полетело очередное горящее кресло.

Тем временем Сергей принялся бить ладонями по клавишам музыкального инструмента.

- Просыпайтесь. Ну, просыпайтесь же, черт бы вас всех побрал. Что вам сыграть, чтоб вы проснулись? Кошачий вальс? Собачий? Похоронный марш Мендельсона? – Он бормотал с отрешенностью обреченного в голосе. Его настойчиво заставляла опускать руки мысль, что возможно нет в этом здании никаких гнезд вичух. Или они его покинули по каким-то причинам. Это было обидно. Летающие бестии появлялись всегда неожиданно и несли сталкерам массу неприятностей. Они всегда возникали, как казалось, в самый неподходящий

момент. Когда надо было преодолеть большое открытое пространство. Проспект. Мост. Площадь. И если во дворах вичухи не представляли такой угрозы, ввиду своих размеров и невозможности маневрировать, а заодно из-за обилия укрытий. То на открытой местности человек, как правило, был обречен, если не имел автомата с внушительной подпиткой в виде дополнительных рожков в разгрузке, или если впадал в панику. Но теперь, когда эти ненавистные каждому живому человеку существа были так нужны, их не было.

Сталкер отвлекся от рояля и дал еще одну очередь по окну. Затем судорожно принялся снаряжать автомат новым магазином.

А неужели все тщетно? Неужто все зря? Не является ли их сопротивление, лишь агонией? Борьбой не за жизнь, а всего лишь попыткой выторговать у смерти пару лишних минут, пока есть патроны, пока шевелятся руки и видят глаза? А что они видят? То, что эти твари не кончаются. Вот еще один в окне. Заметно крупнее предыдущих. Ну конечно. Настал черед взрослых. До этого был молодняк. Они легче и оттого быстрее настигли источник запаха крови. Наверное улицу ту, где банки разбились, вылизали до того что дыра в метро образовалась. Молодняк и по стенам быстрее лез. Но теперь настала очередь взрослых, которые, наверное, были недовольны тем, что молодежь не совладала с парочкой представителей вкусной и здоровой пищи.

Длинная очередь, стоявшая, наверное, дюжину патронов, заставила тварь издохнуть прямо на подоконнике, загородив остальным дорогу.

Маломальский быстро подобрал с пола свой рюкзак и принялся извлекать из него оставшиеся четыре гранаты. Он решил, что одну надо точно оставить для себя и вспомнил свою дневку в ванной комнате той квартиры, где жила вичуха. Там ведь тоже он уже подумывал о том, чтобы себя гранатой. Но в итоге спасся. Просто он тогда один был. А тут еще с ним обуза эта... Где Странник? Сергей быстро осмотрел освещенное разрастающимся огнем помещение. Попутчика нигде не было. Но зато была открыта та дверь, которую они не заметили сразу.

- Сбежал! Струсил и свалил! – Сергею хотелось швырнуть в черноту той двери гранату, настолько было обидно, горько, и мерзко от того, что его напарник покинул в трудную Минуту. Вот именно поэтому, Сергей всегда предпочитал быть один. Но в этот раз он своим принципам изменил. И значит, ему расплачиваться за это уже сейчас.

- А чего ты хотел, - пробормотал Сергей сам себе. – Ты ведь на людей-то никогда не рассчитывал. А он даже не человек.

Маломальский воспользовался тем, что стигматов в окне пока не было. Он быстро извлек маленькую аптечку и на ощупь, бросая взгляд постоянно на окно, достал оттуда шприц. Затем выдернул зубами колпачок и вогнал иглу прямо в рану.

- Зараза! – прорычал он, морщась и отбрасывая быстро опустевший шприц. Затем стал быстро собирать стреляные гильзы и шайбы шурупы да саморезы от разбитых уже кресел. Решив не тратить много времени на сбор всех остальных этих предметов, что были на удалении, он тут же стал обматывать гранату бинтом, прижимая к смертоносному округлому корпусу все эти гильзы и прочие железки.

Интересно, почему стигматов больше не видно? Их отпугивает валивший из окна дым, который, хвала архитекторам за высокий потолок, еще не достиг нижней части помещения? Может их, отпугивает смерть взрослого стигмата, которой валяется сейчас на подоконнике, свесив на улицу свои задние лапы?

И мертвый стигмат зашевелился. В каких-то странных судорогах он стал елозить в окне, и Сергей не сразу понял, что стигмат все-таки мертв. А шевелился он оттого, что снаружи его просто пытались стянуть за ноги, чтобы он не мешал продвижению. Сергей быстро подскочил к трупку мутанта и примотал к его ладони гранату бинтом. Затем оторвал лишнее и сделал скорый узел на кольце. Как раз вовремя. Стигмата все-таки выволокли его сородичи, и он скользнул вниз. Сталкер зажал в руке другой конец бинта. Снаружи раздался взрыв и звук падения нескольких костлявых тел.

- Так вам, уроды. – Сергей осторожно выглянул из подоконника и тут же, мимо

пронеслась мерзкая растопыренная четырехпалая ладонь. Он был готов к этому и отпрянул, уже зная, где очередной стигмат. Сергей вывалил в окно люльку, сделанную им из марли, предварительно выдернув чеку из гранаты, к которой были примотаны мелкие железки. Теперь она свисала под окном на куске бинта, который держал вжавшийся в пол у окна Маломальский. Еще один взрыв, усиленный дополнительными осколками, начисто слизал стену в радиусе, наверное, полутора десятков метров.

Сергей выглянул еще раз. Дым стал опускаться все ниже, несмотря на высокие потолки и большое в высоту окно. Сталкер надел маску, хотя она не спасала от дыма, предохраняя лишь от грязной пыли поверхности. Надел свои очки с резиновыми уплотнителями наглазниками. Так хоть глаза слезиться не будут. Сорвал с них светофильтры. Рассвет едва ли ему удастся уже когда-нибудь увидеть. Сейчас главное азарт этих последних минут. Он швырнул наружу еще одно горящее кресло и запрыгнул на подоконник. На улице уже было достаточное количество трупов этих безглазых тварей. Но живых было много больше. Кое-где тлели головешки, вылетевшие из окна. Свежее кресло еще горело, разбившись от удара на несколько частей. Огонь всегда сбивал с толку стигматов, особенно когда воздух был холодный, а пламя его подогревало возле себя. Отраженный звук эхолокации искажался и мешал им правильно оценивать обстановку, рисуя причудливую альтернативу действительности. Сегодняшняя ночь была прохладной. Видимо оттого стигматы, достигнув окна, немного тормозили. Огонь и нагревающийся воздух мешали им сразу оценить обстановку. Но запах крови был неумолим. Кровь была для стигмата тем наркотиком, который любого наркомана вел к неминуемой гибели. Даже того, который знал что это смерть. Сомнительное удовольствие и неподвластное логике, разуму и естественно воле, влечение к искушению дурманом, вели по протоптанной тропе мертвецов. И, как и те сгинувшие в небытие наркоманы, стигматы рвались в эту комнату, пока еще чувствовали своими большими ноздрями этот вожденный запах.

Но проблема в том, что хоть стигматы и гибли, их было еще много. А вот он всего один. Но, как порядочный дилер, Сергей должен был продать этим обезумевшим тварям товар подороже. А значит надо продолжать их убивать.

Предпоследняя граната полетела в скопище мутантов. Еще взрыв. Все. Оставшаяся граната для себя. Теперь надо отходить за огонь. И отстреливаться там.

В помещении стало совсем жарко. Нда. Теперь уже вопрос, что убьет его раньше, огонь, дым, стигматы, или собственная граната?

- Зато, какой выбор, - хмыкнул Сергей, - не каждому довелось иметь такое меню собственного конца. А тут помирать под разным соусом, да еще с живой музыкой. – И он провел пальцами по клавишам рояля от самой высокой ноты влево, к низким. И...

Такого большого стигмата он еще никогда не видел. Если он встанет на задние лапы, или ноги, или что там у него, в полный рост, то потолок ему помешает это сделать. Он с трудом протиснулся в окно и неторопливо двинулся в сторону Сергея. Маломальский попятился ближе к горящим рядам кресел. Было нестерпимо жарко. Но эта приближающаяся, отвратительная зубастая рожа куда хуже. Он дал длинную очередь. Попал, но только ранил и разозлил тварь. Стигмат с размаху ударил ладонью по роялю, разнося в щепки крышку и ломая ножки и корпус.

- Инструмент, зачем попортил, падла! – заорал Маломальский, выпуская еще порцию пуль. Он словно хотел поскорее опустошить магазин. Было настолько жарко от подбирающегося к спине огня, что Сергей всерьез беспокоился, а не взорвется ли от тепла граната в кармане или патроны в рожке?

Раненый мутант замотал своей мерзкой головой на тонкой шее, но продолжил движение на Сергея. Все ему нипочем. Ни жар, который вообще большинство мутантов не любили. Ни пули. Хотя чему удивляться. Сергей плюс к той, засохшей уже крови, источал запах свежей, своей, что пропитала комбинезон вокруг раны нанесенной предыдущим гадом. Все. Отступать некуда. Огонь был так близко, что жар толкал его вперед. Но впереди это огромный стигмат. Автомат больше не стрелял. Патроны кончились. Перезаряжать? Нет. Не

успеть. Неужели все...

- Ну, Сергей, и что вы выбрали? – пробормотал он сам себе. - Какую смерть. Решайтесь, пока она сама за вас не выбрала.

Бормоча все это, он уже извлек нагретую гранату, выдернул кольцо, отбросил в сторону автомат и рванул вперед, на мутанта. И в тот же миг он услышал какой-то жуткий вопль слева от себя. Машинально повернув голову, он увидел, что от той второй двери, про которую он начисто позабыл, несет с длинным карнизом в руке, как с копьем, Странник, вопя при этом что-то жуткое. На конце карниза была намотана горящая и коптящая тряпка. Видимо какая-то нейлоновая или еще, какая занавеска либо тюль.

Стигмат вытянул вперед растопыренную ладонь, и она вот-вот уже схватит Сергея, но в нее, прямо в рубец, из которого через доли секунды выскочит смертоносное жало, теперь вонзилось копьё. Маломальский даже не поверил своим глазам, насколько глубоко можно было вонзить железный карниз твари в руку.

И теперь сталкер впервые в жизни, да, наверное, и впервые среди людей, услышал, как кричит от боли стигмат. Тварь запрокинула голову, неестественно даже для себя широко распахнуло пасть, и издала такой звук, что, наверное, подобный звук можно было услышать только в метро. И то только в те времена, когда там бегали электропоезда. И то, чтобы услышать такой звук, им всем надо было нестись на одной линии на встречу друг другу. И потом одномоментно все машинисты должны были нажать на тормоза. Вот тогда нечто подобное можно было услышать.

То, что произошло дальше, Сергей вообще не ожидал. Стигмат дернулся, и вдруг из его пасти показался огромный клюв. Что это? Язык? Нет. Это именно клюв. Клюв вичухи! И... За спиной стигмата распахнулись огромные черные перепончатые крылья, которые достигали двух противоположных стен зала.

- Это еще что такое?! – воскликнул Маломальский. Неужели стигмат, это кокон Вичухи? Такая фантастическая мысль почему-то сразу пришла в голову.

- Бежим! – заорал Странник, хватая Сергея за раненную руку, от чего та снова заныла.

- погоди, да что за хренота?!

- Хренота, бежим! – настаивал Странник.

- Черт! – Сергей рванул к своему рюкзаку и автомату. И только теперь понял, что никакой мистики тут нет, и никакого открытия он не сделал. Вичуха, уж неведомо теперь как, но сумела влететь в окно незаметно, ни для Сергея, ни для стигмата. И теперь она пронзила затылок безглазой твари, и клювом своим, который распахнула сейчас, разрывала стигмату голову. Маломальский подхватил свой рюкзак и автомат больной рукой. А свободной, в которой еще сжимал последнюю гранату, метнул ее в пасть вичухе.

- Ну твари, вы друг друга стоите.

Взрыв раздался где-то у нее в глотке, разорвав шею летающей твари и оторвав голову. Теперь оба мутанта были мертвы.

Уже когда они выбегали за ту, вторую дверь, Маломальский услышал, как в первую, забаррикадированную дверь, что-то с треском ударило и послышалось свирепое рычание за ней. Это уже не стигмат и не вичуха.

- А нынче все соседи в гости к нам, да? – пробормотал Сергей, торопясь за Странником.

- Что? – послышался голос напарника. Видимо подумал, что сталкер обращался к нему.

- Ты где был, гад?

- Бежим. Некогда.

Они сейчас были в довольно узком и темном коридоре, который заканчивался глухим тупиком. Вдоль стен висели какие-то покривившиеся и укутавшиеся в пыль и паутину рамки. Рельефные орнаменты в виде различных музыкальных инструментов сбивали с толку и, в свете фонаря казалось, что на стенах сидят здоровенные насекомые. Во всяком случае, в нынешней современности, воображение, доведенное до автоматизма, дорисовывало именно такую картину, более отражающую реальную действительность, нежели какую-нибудь художественную лепнину. Потому и кажутся статуи монстрами, орнамент насекомыми, и

любая тень затаившейся смертью. Просто сейчас времена такие. Слева была дверь. Странник приоткрыл ее, осторожно заглядывая внутрь, затем вошел, поманив рукой Сергея. В этой комнате не было окон, но в стене наружу зияла небольшая и неровная дыра. Словно след от ударившего когда-то снаряда. С улицы доносился какой-то шум. Сергей осторожно подошел к дыре и устремил взор наружу. То, что он так долго ждал, свершилось. С неба, издавая клекот, пикировали вичухи и хватали стигматов. Вот одна понесла в своих цепких лапах обезглавленного мутанта. И еще одна. Но вот, очередная тащит свежепойманную, еще живую добычу. Стигмат уворачивается от клюва и не дает откусить себе голову. Одновременно вытягивает свою лапу и вонзает жало вичухе в уязвимую, подмышечную область. И они кубарем полетели вниз. Вот какой-то стигмат отталкивается от стены, по которой полз и в прыжке настигает снизившуюся и неосторожно близко к стене спикировавшую молодую вичуху. Стигмат растопыренными руками разорвал ей мембраны крыльев. Стигматы были для вичух добычей. Но чертовски трудной и опасной. И теперь, те вичухи, что пали от своей неопытности, сами стали пищей для стигматов. То, что сейчас видел Маломальский, было для него настоящим откровением. И толи еще будет. Мерцающее от звезд и луны небо, наполнилось черной армадой движущейся в их сторону. Это было похоже на какой-то эпический налет бомбардировочной эскадры, тот рой, что тянулся, чуть ли не от горизонта. Основные силы вичух будут здесь менее чем через минуту. Не больше. И число им не меньше, чем стигматов на улице.

- О господи. Нам то, что теперь делать? – пробормотал Сергей, представляя, что начнется здесь очень и очень скоро.

- Бежать надо. – Ответил Странник.

- Да как, черт тебя дерит?

- Идем.

- Я не знал, что стигматы не боятся вичух. Вот так новость.

- Звери вообще не знают страх. Звери только борются за жизнь. Все и всегда.

Оно прошли по этой кладовой, в которой, похоже, хранились, либо полировались медные духовые инструменты когда-то. Тут так же было две двери. Выйдя в другую, они пересекли еще один коридор и комнату. Теперь они находились у окна с торца здания. Впритык к стене дома, в котором они находились, стояло здание пониже. На его изорванной былой катастрофой и ее последствиями крыше сидела крупная особь вичухи. В стороне от невероятной и жуткой бойни между этими силами адовыми, что собрались у дома композиторов, она, отвратительно хрустя костями жертвы, поедала стигмата.

- Вот. – Шепнул Странник, показывая на вичуху.

- Ты на кой черт меня сюда притащил?! – зло зашипел Сергей, пятясь обратно во мрак помещения от окна и увлекая за собой напарника.

- Постой. Куда. – Странник сопротивлялся и тянул Сергея к окну. – Надо бежать.

- А причем тут эта тварь? А?

- На ней. – Коротко ответил Странник.

- Ты что, дурак?!

- Послушай, Сергей...

- Да я ничего не желаю слушать! Ты хоть понимаешь что это такое?!

- Я стаю окно. Ты держись за меня. Мы прыгаем на вичух. Летим. Все. – Коротко произнес свой инструктаж напарник, разведя в конце руками.

- Идиот! Это не вертолет и не кукурузник! Ты совсем больной на голову?!

- Послушай. Ты сам идиот. – В голосе Странника было что-то похожее на раздражение и злость. – Я так делать уже. Я знаю что делать. Давай.

- Она нас сожрет, придурок!

- Нет. Не сразу.

- Ах, не сразу?! – Маломальский нервно засмеялся. – Это окрыляет!

- Послушай, Сергей. Мы успеем. Мы будем далеко. Мы спаслись. Давай. Она не нас ведь ждет. Просто кушает. Сейчас улетит и долго другой ждать пока сюда сядет покушать.

- Иди ты в задницу! Я не буду прыгать из окна на вичуху!

- Хорошо, - Странник вдруг согласился и кивнул. – Тогда ждем. – И он уселся на пол.

- Чего ждем?

- Ну. Когда дом пожар сгорит весь совсем. Или когда стигмат придет. Вичух много прилетит. Столько всего! – Странник заулыбался, словно предвкушал большой праздник с фейерверком. И, как ни странно, это подействовало гораздо убедительнее. Сергей вздохнул и выглянул еще раз в окно, глядя на могучую спину летающего исчадия ада.

- Это просто безумие какое-то. – Проворчал он. – Скажи что все это сон.

- Скажу, если это помогает тебе прыгать туда, - Кивнул напарник.

- А ты уверен в том, что это получится?

- Уверен.

Сергей опять вздохнул и посмотрел на Странника.

- Это безумие просто. Я не верю что все это со мной.

Странник лишь молча, пожал плечами.

- А можно я глаза закрою? – Спросил Маломальский.

- Можно, - согласился Странник. – Желательно и рот.

* * *

Основные силы вичух рванулись вниз, достигнув здания, где были их гнезда. Тут были не только те, чьи яйца покоились на крыше этого дома. Многие прилетели ведомые известием о немыслимом количестве добычи. В этой свалке, где вичухи и стигматы рвали друг друга в клочья, нередко были схватки и между крылатыми тварями. Все-таки не все из них были сейчас на своей территории. Однако местные вичухи больше не охотились, собирая пищу, а свирепо обороняли гнездо, думая, что стигматы штурмуют его таким легионом. Это было невероятной дерзостью. Подобных масштабных вылазок вичухи припомнить не могли. Оттого с особым ожесточением хватали стигматов, подбрасывали вверх, растаскивали в разные стороны, чтобы разорвать на куски. Клекот, хлопанье крыльев, треск огня в здании, звук разрываемой плоти. Крики вичух которых смогли одолеть стигматы. Все слилось в чудовищную какофонию, которая смогла бы, наверное, напугать и завсегдатаев ада.

- Готов? – Спросил Странник, стоя на краю окна.

Сергей что было сил, прижался к его спине, обхватил руками и зажмурился.

- Д-ды, - выдавил из себя с невероятным трудом сталкер.

И он почувствовал, как больше нет никакой точки опоры. Как к шуму битвы мутантов добавился и свист воздуха в ушах. Ему казалось, что падают они невыносимо долго, а ведь казалось, что тут едва ли восемь метров наберется.

И наконец, удар. Странник точно приземлился на спину вичухе. Сергей ударился о его спину лицом и почувствовал, как хрустнули передние зубы. Автомат за спиной предательски врезал по затылку. И самое неприятное. Разводной ключ на штанине врезал в пах. Сергей тихо зарычал от боли. Но ему казалось, что рычит он куда громче, чем заорала от неожиданности вичуха. Тварь взмахнула крыльями и с трудом поднялась в воздух. Ноша была не из легких, не смотря на всю силу вичухи. Мутант яростно орал вертя головой и пытаясь понять, что у него на спине. Обхвативший его шею Странник что-то громко забормотал. Это было совершенно непонятной нечеловеческой триадой, напоминающей меняющее тональность мычание. Казалось, что это успокаивало тварь. Однако недовольство она продолжала выражать. Странник оторвал одну руку от шеи существа и провел по жилам правого крыла ладонью. Это касание твари видимо не нравилось и она чуть опустило крыло. Сергей сейчас понял, что Странник, таким образом, рулит существом.

- Туда, туда, Страныч! – воскликнул Маломальский указывая пальцем. – Летим к архитектурному институту!

Услышав человеческий крик, вичуха снова забеспокоилась и стала зло клекотать.

- Тише! Я понял! Молчи! – зашептал Странник, повернув голову.

Сергей обернулся и бросил прощальный взгляд на дом композиторов. Это было

невероятное чувство. Полет. Трудно было вообразить себе, что такое возможно. Внизу разворачивалась ужасающая картина битвы мутантов. Огонь во всю уже полыхал в здании, вырываясь огромными языками на улицу и освещая адским светом разыгравшуюся драму.

- Твою ж мать, - прошептал Сергей с восхищением. – Я лечу. Я, черт побери, лечу! Никто не поверит! Да я и сам не верю!

В это действительно невозможно поверить. Он, верхом на одной из самых ненавистных и опасных для людей твари парил над разрушенным городом. И кто бы мог подумать, что спина этого чудовища, была самым сейчас безопасным местом на поверхности. Этот прыжок на спину твари был похож на прыжок отчаянья, когда в былые времена по новостям, раз за разом показывали, как люди выбрасывались из окон объятых огнем зданий. Люди шли на смерть, делая шаг в бездну. И такой шаг сделали и они. Но они спаслись. Они летели на вичухе. Однако сколько бы об этом не думал Маломальский, он все еще не мог поверить в то, что это происходит.

Внизу проносились руины города. Мрачный пейзаж, освещаемый луной. С такого ракурса последствия былой катастрофы он еще не видел. Зрелище завораживало и в то же время ужасало. Он крепко держался за своего товарища, который все-таки не бросил его и теперь, подарил ему своей настойчивостью такое невероятное приключение – полет на вичухе в небе разрушенного мира.

И вдруг, где-то на одной из улиц засверкали вспышки. Такие знакомые. И до слуха донеслись хлопки автоматных выстрелов. Мимо просвистели пули. Вичуха завопила в неистовой злобе и пошла на вираж.

- Черт! Страныч! Заставь ее отвернуть! Она сейчас полетит на стрелка! Ну же!

- Я все сделаю! – заорал Странник в ответ. – Только молчи! Он не любит человека! Твой голос беспокоит его!

- Ай, какие мы нежные! Так может мне сойти, а вашу мать?! Мутанты хреновы, чтоб вас!

- Заткнись, черт тебя дери!

Глава 12. DAS REICH

Эти существа спутали ему все планы. Конечно, мозг не боялся быть съеденным. Однако этого безумно боялся носитель. Его настолько обуял страх, что от обилия такой необходимой для мозга подпитки, он даже почувствовал дурман и удовольствие. И на сей раз он сам повиновался Гансу, в его бегстве от мутантов и поиске укромного места. Однако мозг гнал от себя закравшуюся тревожную мысль о том, а не возьмет ли человек контроль над ним? Эта перспектива была для мозга абсурдной и не имеющей никакого обоснования. Просто надо было беречь этого носителя, и мозг позволил Гансу бежать, свернув с намеченного маршрута, и отсиживаться в этих руинах, что на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка.

Сейчас, когда монстров по близости видно не было, и тишина прерывалась лишь звуками далеких выстрелов, он снова направился к метро. Он двигался по нагромождениям обломков зданий. Разглядывал истлевшие остовы машин, и вслушивался. Выстрелы смолкли. Вдали лишь клекотали летающие твари. Очевидно, тщетное сопротивление его врагов тем тварям, что с безумным упорством шли на запах крови, прекратилось. С врагом и его приспешником покончено. Он уже выходил к широкой Тверской улице, когда небо над ним очертила громадная тень. Ганс задрал голову и уставился на черного крылатого гиганта. И его глазами смотрел мозг.

«Нет! Этого не может быть!» - думал покоритель человеческого разума. Он действительно не хотел верить в то, что сейчас видел. На спине летающего мутанта восседали неведимыми его злейший враг и человек-приспешник. Как же так? Ведь он, единственный в своем роде, самый хитрый, умный, живучий и достойный главенствовать во всем живом царстве, не смог усмирить летающую тварь и потерпел фиаско, лишившись

предыдущего носителя. А эти ничтожества! Эти низшие и нелепые формы жизни сидели на спине покорной твари! Как он, в голове человека!

- Нет! – Зарычал Ганс, передергивая затвор автомата. – Я не могу быть ниже вас! Я высшее существо! Я избранный, не вы! Этот мир должен принадлежать мне и всякая живая тварь должна быть моим рабом! – Он вскинул оружие и с ожесточением вдавил спусковой крючок. – Ненавижу! НЕНАВИЖУ!!!

Летающая тварь заклекотала и стала делать вираж, заходя на него. Ганс осознал это. Он судорожно заменил опустевший рожок на новый. И вдруг, мозг понял, что человек перестал бояться. Его разум настолько был поглощен всепожирающей ненавистью, что там просто не оставалось места для страха. И теперь, это чувство, что до сего момента принадлежало лишь другим, питая его вязкое бесформенное тело, он ощутил сам. Мозг испытал самый настоящий страх оттого, что возможно, человек больше не будет его кормить своим страхом. А его ненависть лишь опьяняла мозза, лишая той непоколебимой рациональной логики мышления, которая делала мозза главным кандидатом на глобальную доминацию.

- Иди сюда! – Завопил Ганс, лоя в прицел голову летящей на него твари. И вот уже начался ход спускового крючка. Вот сейчас автомат захаркает свинцовой смертью. Но внезапно тварь, протестуя визжа, отвернула резко в сторону, повинаясь воле наездника. – Стой мразь!

Однако вичуха помчалась прочь, злобно рыча на того, кто не позволил ей уничтожить этого наглеца, что посмел в нее стрелять.

Ганс схватился за голову. Жуткая боль возникла в черепе, и он вдруг подумал, что сидящее там существо, хочет покинуть его тело, а значит и забрать с собой его жизнь. У мозза действительно возникла такая мысль. Если носитель перестает быть подконтрольным, то он бесполезен и даже вреден.

- Нет, - забормотал Ганс, испытывая жуткую боль и сжимая руками голову. Он упал на колени. – Прошу нет. Не покидай.

И мозг снова ощутил сильнейший страх в человеке. Так-то лучше.

- Повинуйся мне! – сказал носителю мозз.

- Да! Только не уходи!

- Ненавидь, но бойся!

- Да!

- Страх и ненависть, вот вся твоя жизнь!

- Да!!!

- Я твой господин!

- Да!!!

- Я твой фюрер!

- ДА!!!

* * *

Странник с трудом заставил вичуху сесть на крышу длинного, частично осыпавшегося строения. Тварь уже явно не хотела слушаться. Они спрыгнули со спины летающего монстра. Странник попятился назад, пряча за своей спиной Сергея. А вичуха угрожающе клекотала и, сложив свои перепончатые крылья, медленно наступала на них.

- Кшша! – Закричал Странник на мутанта, взмахнув руками.

Чудище остановилось и клацнуло зубастым клювом.

- Дай я его грохну! – Маломальский выскочил из-за спины напарника, вскидывая автомат.

Вичуха тут же оживилась и снова неистово заорала, продолжая наступать.

- Назад, идиот! – закричал Странник, снова загораживая Сергея. Вичуху, похоже, интересовал только он. – Кшша! Кшшша!!!

Мутант снова клацнул клювом и вдруг взмыл в небо. Сделал несколько кругов над ними и полетел прочь. Теперь Сергей быстро осмотрелся. Архитектурный институт оказался

как раз напротив того здания, крышу которого они сейчас топтали. Оба крыла института были обрушены. Центральная часть сильно выгорела. Однако главный холл был еще цел. Если в здании и спрятан бронетранспортер, то он должен стоять там.

- Блин, Стран Страныч. Ты припарковать этот вертолет там не мог? – Маломальский показал рукой на руины института.

- Плохо. Совсем плохо.

- Вот и я говорю...

- Нет. Сергей. Ты не понял. – И Странник вытянул руку в ту сторону, куда улетела тварь.

Сталкер проследил за направлением его руки. Вичуха не улетела далеко. Монстр кружил над остатками здания, где некогда была государственная научно-техническая библиотека, что на улице Кузнецкий мост. Мутант явно чего-то ждал. Чуть повернув голову, Сергей понял что именно. К ним неслась целая стая вичух. Черные зловещие тени парили в небе, в нетерпении подгоняя свои тела взмахами крыльев.

- Твою ж мать, - Выдохнул Маломальский. – Да мы весь город переполошили. Твари план-перехват объявили походу.

- Ага. – Кивнул Странник.

- И что нам делать теперь?

- А что люди в таких случаях обычно делают?

- Бегут.

- Тогда бежать.

* * *

Он спустился на Тверскую. Совершенно не реагируя на вопросы охранного поста, что сыпались ему в след. Он встал в центре зала станции и окинул взглядом полукруглый свод, со свисающими в местах, где когда-то крепились информационные панели полотнищами, на которых была изображена трехконечная свастика. Вдали виднелся огромный плакат, на котором были изображены мужчина и женщина, с угловатыми, каменными лицами. Изображены они были в профиль. Мужчина, облаченный в каску с двумя молниями у виска, заслонял собой самку. Внизу красовалась надпись. «Каждый мужчина – это солдат! Каждая женщина – мать солдата!».

Жители рейха быстро обступили молодого, худощавого со впалыми щеками и длинной рыжей челкой на коротко стриженной голове Ганса.

- Что случилось? – раздавались реплики из обступающей его толпы, - Где Ульрих? Где Гесс? Где Рудель? Где парни Гесса? Где ребята? В чем дело?

Ганс вертелся на одном месте, окидывая ненавидящим и презрительным взглядом всех вокруг. Заглядывал каждому в глаза. Как же они бояться, когда чего-то не понимают. Как же они бояться, когда вот так на них смотришь. Не целишься. Не угрожаешь клыками, которых нет и когтями, которых и не будет. Страх и ненависть. Ненавидящий страх. Вот все что нужно. Это самое главное оружие, дарованное людям эволюцией, взамен всех отсутствующих достоинств.

- Вы! – заорал вдруг Ганс, обведя толпу вокруг себя вытянутой рукой с оттопыренным указательным пальцем. – Вы все! Дерьмо!

- Что? Ты берега попутал что ли? – раздался возмущенный возглас.

- Вы будете возражать мне одному?! Да вы всему миру возразите! Но у вас кишка тонка! Год за годом вы отсиживаетесь в норе и только говорите о господстве над миром! О новом мировом порядке! А где он?! Что вы сделали?! Болтовня! Возгласы! Считаете себя лучше! А пока вы сидите в этой пещере, враг действует! Враг на поверхности! Кто из вас хочет жить?! Кто?! Но тот, кто хочет жить, тот обязан бороться, а кто не захочет сопротивляться в этом мире вечной борьбы, тот не заслуживает права на жизнь! И если вы выбрали этот путь, то идти по нему надо до конца! И если нам не удастся завоевать этот мир, то мы должны ввергнуть его в уничтожение вместе с нами!

Воцарилась гробовая тишина. Все как-то странно смотрели на Ганса.

- Что! Молчите?! Вам нечего сказать! – продолжал говорить он, накручивая себя до неистовства и обильно, даже как-то пафосно жестикулируя. – Ваша инертность и глупость есть фундамент вашей надгробной плиты! Но никто не станет ухаживать за вашей могилой, и забвение окутает ваш могильный курган! Потому что победят те, кто нас ненавидит! Враг абсолютный! Полная противоположность нам! Вы должны раз и навсегда уяснить, что вы все сгинете! Но никто для вас ничего кроме вас не сделает! Чудо может быть только одно и единожды! И чудо это в том, что провидение пошлет меня вам, чтобы вбить в ваши ничтожные головы истину и силу! Силу истины! Истинную силу! Я пришел, чтобы напомнить вам! Вы сверхсущества! Но право рождения не дает вам право ими еще называться! Так поднимите головы, стисните зубы, сожмите кулаки и возьмитесь за оружие! Силе жизни и борьбы вы не нужны, если в вас нет достаточной злости, чтобы зубами вгрызться в глотку самой жизни! Но если вы, сильнейшие из сильных! Достойнейшие из достойных! Значит, грызите ее глотку до остервенения! Но вы все ждете! Чего?! Чего, я вас спрашиваю?! Никто в этой борьбе не будет давать нам фору! Враг уже на поверхности! Враг убивает наших товарищей! А мы оплакиваем новые жертвы! Клянемся отомстить! И СИДИМ!!! ЖДЕМ!!! ЧЕГО?!!!

- Что за херню он несет? – проворчал кто-то.

- Да дело Ганс говорит. Все правильно. – Послышался второй голос.

- Какой к черту правильно? Сам сдригнул, ребят бросил. Сейчас от страха сам завелся и нас заводит тут на подвиги нелепые. – Молвил третий.

- Сам ты нелепый. А для чего вообще все это? Вся наша идеология? Все правильно Ганс толкует.

Толпа зароптала. Люди стали спорить. Ганс продолжал сверлить их ненавидящим взглядом.

Стоящий позади толпы высокий, с гладко выбритым черепом комендант нахмурился и толкнул двух своих помощников.

- Так, ты, быстро к гаулейтеру. Скажи, что тут у нас бунт назревает. Ганс на власть наметил себя. – Тихо и быстро заговорил он. Затем обратился ко второму. – Ты, бегом в гестапо. Скажи, я приказал поднять комендантский взвод. Надо смутьяна срочно арестовать и пресечь возможные беспорядки.

* * *

Сергей дал еще одну очередь в чернеющий дверной проем. Чтобы там ни было, оно прекратило рычать, и послышался глухой звук падающего тела. Они снова торопливо двинулись по лестнице вниз. Следующий лестничный пролет отсутствовал. Только внизу на ступеньках в изобилии валялись его обломки.

- Черт. Надо прыгать, - проворчал Маломальский.

- На вичуху прыгал ведь, - усмехнулся Странник.

- И то верно.

Маломальский некоторое время раскачивался на краю, давая нужную инерцию ногам. Затем оттолкнулся и, коснувшись следующей лестничной площадки, рухнул, ударившись плечом о стену и поднимая облако пыли.

И тут же из мрака появилась огромная, мохнатая, скулящая тень.

- Черт! – Сергей попятился назад и, потеряв точку опоры, покатился по лестнице вниз, больно ударяясь о куски верхнего лестничного пролета.

Странник стал хватать обломки стен и штукатурки, что лежали вокруг него, и принялся швырять их в ту тень, при этом злобно рыча. Это подействовало. Существо остановилось. Зафыркало от ударов обломков и быстро исчезло в темноте, нырнув в один из дверных проемов.

- Сергей, ты как? – Крикнул вниз Странник.

Маломальский закричал.

- Меня за сегодняшнюю ночь чуть в две тысячи тридцать третий раз не сожрали. Плюс я ударился рукой, которую до этого проткнул стигмат и вдобавок кубарем скатился по

лестнице. Все нормально дружище. Все просто шикарно. Я бы даже сказал, что все ништяк.

- А что такое ништяк?

- Спускайся вниз, черт тебя дери! – заорал сталкер. – И помоги мне подняться! Я застрял в этих обломках!

Напарник прыгнул более удачно. Он быстро спустился к товарищу и помог ему освободиться от обломков, зажавших ногу Сергея.

- Спасибо, - недовольно проворчал Маломальский отряхиваясь. Все-таки следовало признать, что будь он сейчас в своем одиночном выходе, то давно бы уже сгинул. Хотя... Если бы не Странник, то он на поверхность и не сунулся. – Пошли дальше.

- Ты опять боялся. Зря. – Поучительным тоном начал говорить напарник, помогая ему отряхнуться. – Если ты делаешь сопротивление. Показываешь не страх, а решимость. То зверь не думает что ты добыча. Скорее всего, уйдет. Не всегда, но часто. А если боишься. То ты добыча. Наверняка.

- Достал ты уже, - поморщился сталкер.

Сергей хотел поскорее покинуть это здание, где что-то скреблось и рычало постоянно в темноте. Патроны уже были на исходе, и вся надежда оставалась на призрачный шанс, что БТР стоит на месте. Вверху был уже слышен шум он слившихся воедино воплей вичух и хлопаний их крыльев.

Видя сияние лунного света в дверном проеме выхода, он ускорил шаг, и последние метры преодолел едва ли не бегом. Но у самой двери вдруг растопырил руки, чтобы уцепиться за косяк и остановить инерцию своего движения. Он оттолкнулся от дверного косяка и упал на пятую точку. Только благодаря серебристым лучам отраженного лунного света, он увидел, что в трех шагах от двери, на улице, натянута сеть из тончайших, едва заметных нитей. Маломальский осторожно подкрался к выходу и выглянул наружу. Это была огромная паутина, натянутая от битого и проросшего кустарником асфальта до карнизев третьего этажа. Паутина была под углом, и между нижним этажом и сетью было достаточное пространство. В центре сети сидел огромный мохнатый черный паук. Если бы не свет луны, иногда играющий на тончайших и невероятно крепких струнах паутины, то создавалось ощущение, будто чудище висит в воздухе. Его туловище было не меньше торса вичухи. А каждая лапа гораздо крупнее и длиннее человеческой конечности.

- Арахна, - с ужасом в голосе прошептал Сергей. Он никогда не встречал ее. Но знал по рассказам об огромных и ужасных пауках, которые ловили в свои сети даже молодых вичух. Сергей, конечно, представлял анатомию простых пауков, что назойливо плели свои маленькие ловушки для бытовой мошкары в душных жилищах метро. Но с этим монстром было что-то не так. По идее глаза арахны были повернуты сейчас в другую сторону от дверного проема.

- Эй, - шепнул он, - Стран Страныч. Я что-то не понял. У нее глаза на заднице?

Странник медленно подошел к сидящему на полу Маломальскому. Опустился на колени и осторожно выглянул на улицу. Затем широко и даже радостно улыбнулся.

- Нет. Их двое. Самка большой. Она туда смотрит. У нее на спине сидит самец. Он маленький. И сюда смотрит. Так они смотрят вокруг. Если самец что-то видит, он через волоски делиться с ней информацией. И наоборот.

- А я думал арахна жрет самцов своих.

- Жрет, - Странник кивнул. – Но только после того как чики-чики. А они пока не чики-чики.

- Да ты пошляк. – Проворчал Сергей, пристально глядя на гипнотический взгляд четырех пар глаз самца. Два глаза были большими и широко расставленными. Меду ними квадратом располагались четыре глаза поменьше. И еще пара на макушке. Совсем крохотные. Внутри глаз что-то призрачно мерцало. Словно шевелились какие-то трубки, ловя фокус то на одном объекте, то на другом. Маломальский ясно ощущал, что самец остановил свой взгляд на нем. Видимо он что-то передал своей необъятной подруге. Паучиха вдруг шевельнула своими жуткими волосатыми лапами и резко развернулась на сто

восемьдесят градусов. Удивительное дело. Паутина даже не качнулась. У арахны было двенадцать глаз, которые сейчас уставились на Сергея. И два огромных волосатых клыка.

- Мать честная, - Сергей стал оползать обратно в здание.

- Не бойся, - шепнул Странник, продолжая улыбаться.

- А чего ты скалишься, идиот? Ты ее рожу видел?

- Мы с ними дружим, - заявил напарник.

- Чего? С кем? С арахнами?

- Да, - Странник кивнул.

- Как это? – изумился Сергей.

- Ну, вокруг там, где мы живем, много таких паутин и арахна. А есть визгун. Визгун убивает арахна. Но мы едим визгун. Мы делаем ловушки на визгун. Вокруг паутин. Ловим визгун. Едим. А арахна ловит мутант, который может напасть на наши ясли. Доктор говорил, что это симбиоз. Он говорил, что такое часто было много раньше у животных.

- Что еще за визгун?

- Он визжит.

- Ни за что бы, не догадался, - хмыкнул Сергей.

- Ну да, - кивнул Странник. – Он визгом может убить. А сам маленький.

- Экая скотина. Ну ладно. Нам то, что делать?

- Пошли. Ты говорил там бытыр. – Напарник показал на видневшиеся руины архитектурного института.

- Не бытыр, а БТР. И как нам мимо твоих друзей пройти? Тем более что я уверен, они не в курсе, что ты большой друг их семьи.

- Так место есть. Осторожно пройдем. Только паутину не задень.

- А вичухи наверху? Ты их прогнать не можешь? Ну, этим своим, кша, кша.

- А вот это плохо. Я одного с трудом прогнал. А тут много. Злые они.

- Вичухи? Злые? Кто бы мог подумать? – Маломальский многозначительно покачал головой. – И что делать?

- Ты достал уже с этим своим что делать, - поморщился Странник, - Бегом бежать.

* * *

Высокий, плечистый гаулейтер со стрижкой «ежик», густыми седыми усами и черным беретом с серебристым черепом, поднял руку. Толпа стихла. Их, наверное, не столько подавляли автоматчики из комендантского взвода гестапо, сколько его пристальный, ненавидящий и презрительный взгляд больших голубых глаз.

- И в чем же дело, комараден? Пропали без вести на поверхности наши товарищи. Вы взяли на себя смелость устроить бузу. – Спокойно, но с нотками угрозы в голосе говорил он. – Или вы забыли, что есть дисциплина? Или вы забыли, что для нас есть порядок? Вам захотелось поиграть в пархатую дерьмократию? Или в поганое большевистское горлопанство? Или вы решили превратить наш рейх в черномазый базар своими воплями? Вы забыли, что любое ваше недовольство должно иметь письменную форму, которая в установленном порядке должна быть передана наместнику вашего участка для рассмотрения?

- Вот именно! – крикнул кто-то из толпы. – Наши товарищи погибли! А мы уже, сколько времени бездействуем? Мы зажаты в крохотном мирке! Всего три станции! А у красных целая линия! Полужиды-торгаши из Ганзы все кольцо заграбастали! А мы как в резервации! Нам жизненное пространство нужно!

Толпа снова стала шуметь. Кто-то соглашался с этим человеком. Кто-то рьяно пытался возразить.

Гаулейтер снова поднял руку и заорал:

- Тишина!

Толпа снова притихла.

- Может кто-то считает, что мы прямо сейчас готовы начать войну? – снова спокойно начал говорить он, - Может кто-то забыл пролитую нами кровь в последних боях? Вы хотите

потерять и то, что у нас есть? Мы не можем повторять ошибок Адольфа! Мы не имеем права недооценивать нашего врага и считать, что их демократии прогнили, а режим красных, это лишь колосс на глиняных ногах. Нет! Только не сегодня! Не сейчас! Нами заключен мир с большевиками не из страха перед ними, но только ради того чтобы восстановить наш потенциал. Если наш рейх не ведет войну, то только потому, что он к ней тщательно и основательно готовится! Ибо лишь война есть наша религия и проявление нашего духа, воли и мужества! Никто в рейхе не боится войны! Но самоубийственная авантюра, есть преступление перед нацией и грядущими поколениями господ этого мира, которым мы должны оставить в наследство новый мир нашего порядка, а не беспорядочные могилы их предков! Если кто-то из вас этого не понимает, то для таких у нас, существуют профилактические лагеря! И там вы наберетесь уму-разуму, невежды!

- Ты складно говоришь! Но это лишь маска твоей трусости! – заорал человек, выступивший из толпы. Это был Ганс. – Пока мы тут ждем и готовимся, враг действует! Они уже приручают мутантов! Они сами все мутанты! Мы, последний оплот человеческой расы ждем пока они придут сюда и сожрут здесь всех!

Толпа с ужасом смотрела на Ганса, не понимая, как можно вообще такое говорить гаулейтеру и чем это может в итоге закончиться не только для этого выскочки, но и для всех тех, кто имел несчастье слышать его наглую речь. У могучего лидера сжались кулаки и заиграли на лице желваки. Автоматчики смотрели на него внимательно, ожидая лишь команды, даже незначительного жеста, чтобы изрешетить наглеца.

- Немедленно, сию минуту, нужна тотальная война! Война на уничтожение всех наших врагов! Пусть при этом погибнет треть из нас! Но остальные получают победу и все метро! Весь мир! И у оставшихся с победой будет достаточно места, ресурсов, воли и времени, чтобы делать детей! Массово и много! Лучших, полноценных и сильных! И знаем мы, что там, на других станциях, живут заблудшие и оболваненные преклонением перед всякими отродьями люди, которые должны и обязательно примкнут на нашу сторону, когда поймут что мы и только мы способны им подарить господство над всей землей! И кто не сделает это по доброй воле, того мы оросим страхом и страх будет их вести под наши знамена, если не воля к доминации!

- Ганс, - гаулейтер угрожающе улыбнулся. – А ведь ты еще не ответил на вопросы, почему ты остался жив и невредим из штурмовой группы Руделя и почему Гесс и его люди сгнули, пойдя за тобой, а ты здесь разглагольствуешь! Солдаты! Арестовать его!

Автоматчики ринулись на толпу. Ганс испуганно нырнул в массу людей. Но сторонники гаулейтера стали его выталкивать обратно, однако те, кто подхватил пламенную речь носителя мозза, сцепились с ними, пытаясь защитить Ганса.

* * *

- Эпиляцию своим волосатым ногам сделай, а то не скоро у вас эти чики-чики случатся с мужем, - проворчал на прощанье арахне Сергей, когда они стали пересекать пустырь между тем зданием и руинами института.

Благо, на пустыре в обилии был низкий густой кустарник, проросший сквозь массу легковых автомобилей, превратившихся в тлен за долгие годы после катастрофы. Вичухам будет не просто их схватить. Во всяком случае, Маломальский надеялся на это. Они преодолели уже около тридцати метров до заветной стоянки бронетранспортера. Летящие бестии уже заметили их и стали снижаться, дико вопя. Сергей поглаживал вверх, держа оружие наготове. Вдруг, он почувствовал, что что-то мешает ему идти. Возможно, ноги запутались в проволочном корте от давно превратившихся в пыль и пепел автомобильных шин. Он стал прилагать усилия, чтобы двигаться дальше. Но внезапно упал, и его что-то поволокло за ноги назад.

Сергей перевернулся на спину. К ногам прилипла тонкая нить паутины. Похоже, самка арахна выстрелила этой нитью в него из собственной задницы, и теперь, самец, быстро наматывал на свои передние лапы клубок, подтаскивая к себе жертву. При этом паук периодически поедал смотанную нить.

- Черт! Странник! Твою ж мать! – заорал Маломальский, пытаясь ухватиться руками за что-нибудь, что остановит его. Но это не удавалось. Тогда он прицелился в паука. Однако сделать выстрел ему помешала вичуха. Крылатая тварь пронеслась совсем близко и Сергей что есть сил, вжался в землю. – Странник! Ты где?!

Напарник не заставил себя долго ждать. Однако он стал делать что-то странное. Не пытался оттащить Сергея или порвать паутину. Он принялся быстро собирать всякий мусор покрупнее и сыпать его на эту проклятую нить. Мусор прилипал к паутине намертво и теперь паук тащил к себе гирлянду их автомобильных обломков, дисков, кусков покрышек, глыб разбитого асфальта и веток. А на самом конце этой гирлянды орал Маломальский.

- Ты какого хрена делаешь?!

Одна из вичух спикировала на Странника, но Сергей успел дать по ней очередь. Та умчалась прочь, с продырявленными крыльями и изрыгаемыми из клюва проклятьями.

Тем временем мусор на паутине уже достиг лап и челюстей самца арахны. Мелкий хлам его не беспокоил, а вот все что налепил странник, ему явно мешало. Паук перестал собирать нить и принялся трясти ее, словно пытался стряхнуть весь этот хлам. Но клейкая способность паутины была сильнее этого. Тогда паук перекусил паутину своими жвалами и потерял всякий интерес к Маломальскому. Странник подхватил товарища и стал помогать двигаться дальше. Это было трудно. Сергею приходилось тащить за собой хвост, к которому налипло, наверное, сто килограмм мусора. А мусор постоянно за что-то цеплялся и где-то застревал. Тогда сталкер достал нож и уже хотел попытаться перерезать паутину, но Странник схватил его за руку.

- Нет! Прилипнет и все! Совсем запутаешься!

- Но я так идти не могу! – рявкнул Сергей и недолго думая, стал срезать с себя штанины, опутанные нитью паучихи.

Самка арахны выбрала себе новую цель. С невероятной скоростью и силой из нее вылетела очередная нить, которая тут же попала на крылья летящей к сталкеру и его другу вичухе. Та завопила и кубарем загрохотала на корпусах автомобилей. Самец снова стал быстро собирать паутину. Когда вичуха оказалась рядом, он молниеносно вонзил в нее два клыка и тут же отбросил в сторону. Летящая тварь дернулась несколько раз и затихла. Яд парализовал ее и принялся превращать все внутренности вичухи в жидкую кашу. После этого пауки ее просто выпьют.

Сергей и Странник, наконец, оказались в вестибюле разрушенного института. Маломальский судорожно водил лучом фонаря в поисках спасительной машины. И заорал от неопишуемой радости. У дальней стены, стоял БТР-80 на котором давно выцвела и пожухла вся краска. Он бросился к машине. Быстро открыл боковой люк и посветил внутрь. Чисто. Никого. Они оба залезли внутрь и, Маломальский закрыл за собой люк.

- Только бы машинка на ходу была, - пробормотал возбужденно Сергей, пробираясь к месту механика-водителя.

Глава 13. В ПОЛУМРАК

Выбор был не простой. Наведение порядка железной рукой, как и предписывалось законами рейха, подразумевало применение силы. А сила в свою очередь подразумевала жертвы. И это в условиях, когда четвертый рейх не мог похвастать численным превосходством перед основными врагами в мире людей. Однако гаулейтер понимал, что промедление и нерешительность, станет роковой ошибкой не только для его власти, но и для самого рейха. Да, либерализм мог дорого стоить их крохотному миру, и теперь в рейхе звучала стрельба. Очень многие оказались восприимчивы к призывам Ганса, который сумел катализировать и взорвать их давно зревшее внутри недовольство сложившейся ситуацией. И теперь...

Этого одноглазого амбала с лысым черепом все называли Топор. Прозвище не родилось просто так. Он был одним из самых свирепых мясников гестапо, фанатично

любящим свою работу. Уже и первого удара было достаточно, чтобы причинить страшную боль и ввергнуть человека в безвольный страх. А тут последовал уже второй удар. Ганс отлетел к стене пыточной камеры, оборудованной в одном из подсобных помещений станции Тверская. Топор не имел привычки приковывать допрашиваемых людей наручниками. Еще не было у него жертвы, которая могла оказать сопротивления его мускулам и свирепой злобе. Палач любил, когда его жертвы летали по камере от его ударов и ползали в собственной крови, моля о пощаде. Они, жалкие ничтожества, и не подозревали, что чем больше просить у него жалости, тем безжалостней он становился.

- Свинья, - прорычал Топор, - Ты продал всех нас, нашу нацию и рейх, мразь.

- Я никого не предавал, - простонал Ганс и тут же превратился в комок от удара ногой в живот.

- Ты задумал мятеж! И где?! В великом рейхе, падла! – еще удар, - Кому как не пархатым большевикам дано рушить устои и творить революции?! Им ты продался?! Кто и когда тебя завербовал?! Отвечай гнида!

- Не покидай, ты же обещал, - в ужасе шептал Ганс сам себе.

- Ты слаб. Ты безволен. Ты взаперти. Зачем ты мне теперь? – хладнокровно ответил Мозз.

- Но он неполноценный. У него всего один глаз.

- Однако он сильнее тебя. И с ним я смогу уйти.

- Нет. Ты обещал! Сжался!

- Жалость! О какой жалости может идти речь, если ты не в состоянии бороться и выйти победителем? Жалость, это преступление перед целью!

Ганс зажмурился и получил еще один удар.

- Говори, скотина! – орал Топор.

- Что лучше, ужасный конец или ужас без конца? – прошептал Ганс.

- Что? – громада палача склонилась над ним огромной тенью. – Что ты там скулишь?

- Жизнь! Жизнь лучше всего, и я тебе это докажу!

И мозз решил дать ему последний шанс. Уж очень не хотелось расставаться с таким носителем. Топор склонился после последнего бормотания еще ниже. Ганс открыл глаза и взглянул на него. На широкую бычью шею, на которой от злости и удовольствия от кровавой работы напряглись все жилы и артерии.

Да, жалость это преступление перед целью. А цель сейчас – его шея. Вся воля к жизни, весь запечатанный в разуме страх, вся ненависть и преклонение перед тем, что было в его голове дали Гансу такой импульс, что он мгновенно вскочив, сбил одноглазого с ног и тут же вцепился Топору в его шею зубами. А терпкий и солоноватый вкус теплой крови не заставил себя долго ждать.

* * *

Каркас рам вестибюля брызнул фонтаном обломков и рычащее, изрыгающее ядовитый чад чудовище рванулось вперед, на улицу, снося сгнившие корпуса автомобилей и нещадно ломая сухой кустарник. Сергей стал выкручивать руль вправо, и бронированный зверь послушно повернул, не смотря на то, что одно из колес на второй оси было изорвано. Вичухи рванулись выше, чувствуя что-то недоброе в реве двигателей бронетранспортера. Даже потеря третьего сородича, пойманного арахнами, не отвалоило их от мысли поймать эту наглую парочку. Но вот шум БТРа подействовал на них более отрезвляюще.

Паучий самец отбросил в сторону третьего летающего монстра, пораженного ядом и теперь они вдвоем, вместе с самкой, повернулись в сторону взбесившейся машины, разгребавшей своим хищным острым клювом остовы машин и ломающей сухостой, и уставились своим бесчисленным количеством ничего не выражающих глаз на это зрелище.

Не щадя машину, Сергей направил БТР на груды обломков здания. Броневику кидало по обломкам из стороны в сторону. Он грохотал и ревел, прорываясь на Сандуновский переулок. Странник сидел в десантном отделении. Точнее, он не сидел. Его швыряло по салону, и он постоянно пытался ухватиться за что-то, то и дело, с опаской поглаживая на

ревущий двигательный отсек. Освещая единственной работающей фарой себе путь, бронемашина подпрыгнула на вершине обломков и устремилась вниз, к проезжей части, заваленной хламом и машинами. Протаранив опрокинутый корпус маршрутки, Сергей, дернул руль влево и стал ловить колесами дорогу. Это было непросто, учитывая крутой нрав бронетранспортера, повреждение одного колеса и неравномерность давления в остальных. Маршрутка уже улетела в сторону, сделав в воздухе двойное сальто и врезавшись в стену разрушенной бани и разметая обломки давно рухнувшей красной кирпичной трубы. Тем временем броневик швыряло из стороны в сторону, подбрасывало на ухабах разбитой улицы и луч единственной фары, словно рисовал в ночном городе электрокардиограмму жутко учащенного он немыслимого напряжения пульса. Движение усложняло еще и то, что Маломальский плохо видел дорогу. Фара светила черт знает куда. Сергей поднял бронелюк, прикрывавший стекло механика водителя, и только сейчас обнаружил, что самого стекла нет. Встречный воздух и пыль летели внутрь. Сталкер чертыхнулся и нажал на тормоза. Броневик повело юзом, и он снес опрокинутый и помятый корпус милицейской машины. Наконец остановился.

- Ох, и спросят с меня за эту тарантайку братцы сталкеры, - выдохнул он и повернулся к Страннику.

Тот сидел на полу десантного отделения и потирал ушибленный лоб.

- Так для дела ведь. — Сказал попутчик.

- Ну да. Только задолбаемся объяснять для какого.

Странник принялся с интересом осматривать внутреннее убранство.

- Вот ведь как, - покачал он головой. — Мы приручаем живых зверей, а вы делали железных.

- Интересный взгляд на вещи, - хмыкнул Сергей. — Но можно и так сказать.

- А как тут сказать по-другому?

И тут они оба вжали головы в плечи из-за жуткого грохота. Что-то металлическое ударилось сверху в корпус БТРа и, броневик даже качнулся.

- Это еще что? — Маломальский уставился в потолок. Снаружи снова слышались вопли вичух. Потом что-то загрохотало рядом с броневиком. Сергей осторожно приоткрыл лобовой люк и высунулся наружу по пояс. Небо над БТРом кишело летающими тварями, которые никак не хотели униматься. Более того. Самые крупные особи держали в своих когтистых лапах обломки автомобилей и крупные куски асфальта и остатков зданий. Вон одна тварь спикировала, разжав лапы, и Сергей увидел, как в него летит мотоцикл.

- Черт! — Сталкер нырнул обратно и тут же в нос БТРа ударился двухколесный стальной конь, который срикошетив, оторвал правое крепление волноотражательного щитка. Следом спикировала еще одна тварь. Вичуха схватила лапами открытый смотровой люк механика водителя и рванулась в сторону. Машина качнулась, а люк оказался оторван.

- Вот твари неумные!

БТР, снова взревев двигателем, помчался вперед. Ожились и вичухи. На машину стал сыпаться просто град всякого хлама. Не все попадали в цель, но даже грохот в стороне от броневика бил по нервам.

- Мне кажется, они не отстанут! — раздался возглас Странника.

- Почему ты так решил?!

- Потому что они не отстают!

- Твою мать! Да ты просто Эйнштейн! Спиноза! Долбаный Стивен Хокинг! Где ж ты раньше был с этой гениальной мыслью?!

Броневик протаранил ржавый корпус автобуса и, разорвав его на две половины, выскочил на Неглинную улицу. Сергей резко стал выкручивать руль вправо.

- Да тут еще и гидроуселителя нет, мать его!

Мимо пролетела какая-то малолитражка. Что за чудище смогло поднять ее в воздух?

- Страныч, ты стрелять умеешь?!

- Оружие это плохо!

- Господи, только не сейчас! Как же ты мне дорог, хипанутый мутантище!

- Что?

- Заткнись и не мешай!

БТР врезался в джип, и тот подбросило в воздух. Он хлопнулся крышей уже на корму броневика и отлетел в сторону.

- Как хорошо, что ГИБДДшников нету! Я портмоне с котлетами дома оставил, а-ха-ха!

- Чего?

- Отвали!

- Но ты сам говоришь!

- Я сам с собой! Я псих, черт тебя дери! И-и-ха! – Выскакивая налево, в Рахмановский переулок, БТР буквально вонзился в скопище легковых автомобилей. Волноотражательный щиток оторвался окончательно и полетел в сторону. – Зараза! Да тут пробка! Хреновы Московские пробки!

Вичухи снова стали бомбардировать броневик. Надрывно гудя двигателями, машина нехотя стала заползать на легковушки, с треском и скрежетом подминая их под себя и упорно двигаясь вперед. Дальше были завалы от высокого здания, что некогда стояло слева. Однако за ними двигаться было несколько проще. Вичухи тем временем продолжали атаковать. Прямо перед носом у Сергея в корпус врезался редуктор от грузовика.

- Ну, погодите у меня, мразюки, - злобно зашипел Маломальский.

Дальше был поворот на Петровку. Сергей не вписался в него и въехал во что-то черное и массивное. И тут же от этой массы в окно механика водителя потянулись мириады длинных и тонких щупалец.

- ГОРГОН! – в ужасе заорал Сергей и резко дал задний ход.

Массивное, похожее не то на тумбу для рекламных объявлений, не то на низкое и толстое дерево, потеряв в виде повредившего его тела БТРа точку опоры, рухнул на битый асфальт, продолжая тянуть щупальца к машине. На броневик снова посыпался мусор. Сергей продолжал некоторое время ехать задним ходом, пока не врезался во что-то. Тогда он переключил передачу и, набирая скорость, помчался на горгона.

БТР задрал нос и, подпрыгивая, стал на скорости давить чертово отродье. Под колесами хрустела туша, и щупальца в агонии подметали мусор вокруг горгона. Не сбавляя темпа бронемашина помчалась дальше по Петровке.

- Страныч! Эй! – крикнул Сергей, чуть повернув голову.

- Да! Что!

- Поверни назад башню!

- Что? Чего?

- Я говорю, залезь в башню и поверни ее назад стволом, не понимаешь?!

- Нет! Башня! Что!

- Твою ж мать! Башню назад поверни!

- Как?!

- Да иди ты в задницу!

- Сам иди!

- О-о-о черт! – снова вернув взгляд на дорогу, Сергей заметил, что БТР летит прямо на сгоревший танк. Дернув руль вправо, он избежал столкновения, но разнес вдребезги газетный киоск. Вокруг фонтаном полетели истлевшие газеты, журналы, всякие брелоки и сувениры, открытки, карты экспрессоплаты, магнитики для холодильников с видами Москвы до катастрофы, и прах человека, который умер на своем рабочем месте в тот роковой для цивилизации день. Теперь сталкер стал выкручивать руль влево, потому как машину вело в обрушенное здание. И снова едва не врезался в танк. Тяжелых боевых машин, оказывается, тут была целая колонна из восьми единиц. Последний танк лежал опрокинутый на бок и, где-то в руинах здания торчала его оторванная башня. Сергей, наконец, выровнял непослушную машину и стал набирать скорость, пытаясь оторваться от преследующих тварей, что продолжали кидать в машину всякий хлам. Он нещадно таранил корпуса навечно застывших

легковушек, разбрасывая их в стороны. Справа уже пронёсся комплекс руин Петровского монастыря. Вокруг него паслись какие-то диковинные существа похожие на ходячую гору шерсти. Услышав вопли летающих хищников, они как назло в панике бросились на останки проезжей части улицы.

- Черт! Ну, мне вас еще не хватало!

Бронемашина на полной скорости протаранила перебегающее дорогу существо размером с корову. Мутант, с каким-то странным свистом, словно отпустили надутый шарик, полетел вперед. Часть вичух, переключили свое внимание на этих зверей и, пикируя на них, стали хватать своими мощными лапами и уносить прочь. Однако этих надутых меховых шаров было гораздо меньше летающих тварей. И оставшаяся часть вичух продолжила погоню. Хотя некоторые из них пытались отобрать добычу у сородичей. Все это позволило хоть немного вырваться броневнику вперед в этой не предвещающей ничего хорошего погоне. Машина выскочила на перекресток, и Сергей дернул руль влево, сворачивая на Страстной бульвар. Справа пронёсся выкошенный под корень собирателями дров с ближайшей станции парк. Еще одна легковая машина отлетела в сторону от удара мощного корпуса броневика. Двигатель как-то нехорошо засвистел и закашлял.

- Нет, твою мать, только не сейчас! – прорычал Сергей.

Машина все же почти доехала до Нарышкинского переулка и сталкер вдруг начал разворачивать броневик. Развернув машину на сто восемьдесят градусов, Сергей, не глуша двигателя, быстро полез к башне.

* * *

Столкновения в этом районе рейха прекратились внезапно. Все, и те, кто принял призыв Ганса и те, кто хотели их усмирить стояли в оцепенении, глядя на подкатившуюся к их ногам голову. Они узнали его. Это был Топор. Вернее, лишь его большая, лысая, одноглазая голова.

Ганс зловеще ухмылялся залитым кровью жертвы лицом и пожирал взглядом оцепеневших людей, коих здесь было около трех десятков. Все знали кто такой Топор. Как он силен и беспощаден. А теперь его голова валялась как бытовой мусор на полу станции. И каким могуществом собственной воли надо обладать, чтобы сделать такое? Они все боялись Топора. Но теперь, страшнее во сто крат был Ганс. Ведь это он бросил им в ноги голову палача.

- Жизнь, это не дар! Нет равных! Жизнь это награда! Награда за вашу волю, праведную злость! Ярость и силу! Награда за то, что вы докажете свое право на жизнь! Так докажете ее! Я доказал! И только я вам могу указать путь к этой высшей награде! Если у вас есть хоть доля сомнения, то посмотрите на то, что осталось от этого человека! В борьбе за жизнь, он оказался менее достойным! Потому что я не просто человек! Я избран провидением, взирающим на нас бесчисленным множеством очей наших предков, чтобы повести вас в будущее! Кто не со мной, тот против меня! И их пепел удобрит нашу почву, а их головы скажут другим, что мы есть сила, которая не почитается ни с чем ради воцарения нашей власти и нашего порядка отныне и до скончания времен!

- Да! – завопило большинство из стоявших перед ним людей. – Мы с тобой! Веди нас!

Лишь единицы, испуганно озираясь на вопящих рядом людей, стали пятиться назад.

- Я ваш поводырь во мраке упадка и разрухи!

- Да!

- Я проведу вас в будущее сквозь легионы неполноценных ничтожеств и мутантов, которые падут под железным натиском силы и воли!

- Да!!!

- Я ваш рейх!

- ДА!!!

- Я ВАШ ФЮРЕР!!! – И Ганс вскинул руку.

Толпа тут же ответила ему, вытяну на встречу свои руки.

- ХАЙЛЬ! Зиг! ХАЙЛЬ!!!

Те, кто отступал из толпы, снова оглянулись по сторонам. В этом едином порыве и оглушающем вопле большинства, они поняли, что их жизнь не будет стоять ничего, если они не станут частью этого единого целого. Если и стоит сопротивляться в борьбе за жизнь, то только не этой истерично вопящей в своем всепожирающем фанатизме массе. Ведь она вокруг, и она может лишь по воле одного их разорвать. И остановившись, они вскинули руки.

- ХАЙЛЬ!

Как же все просто. В их головы даже не надо вселяться, чтобы сделать марионетками своего умысла. Мозг был поражен очередным открытием. Оказывается, путь к всеобщему господству лежит не только в достижении яслей, где мозги детей его врагов станут частью его растущего тела, способного подчинять себе все больше и больше людей. Конечно, эта цель остается целью, но по пути ее достижения, ему не быть одному. Люди ведомы и без него, мозга. Надо лишь дать им корм. Религию! Веру в то, во что они в потаенных уголках своих угнетенных страхом и безысходностью душ хотят верить. И не важно, что это может быть ложь. Чем наглее и чудовищнее эта ложь, тем охотнее они в нее поверят и тем сильнее будут вопить до хрипоты, признавая его, давшего им эту сладкую ложь, своим мессией.

* * *

Скрипя и нехотя, башня чуть повернулась. Качнулся ствол главного калибра. Вороненая сталь КПВТ была готова встретить эту летящую толпу, что нагоняла вырвавшийся далеко вперед броневик.

- Отправляйтесь обратно в ад и передайте привет сатане, - проворчал Сергей, глядя в прицел.

Разносимое над руинами города эхо воплей вичух перечеркнул харкающий громовой бас крупнокалиберного пулемета. Первая тварь дернуло крылом, в котором появилась огромная дыра. Тут же в ее орущую пасть влетела очередная пуля. Вичуха кувыркаясь в воздухе, камнем полетела вниз. Следующая жертва полетела следом. Выстрелы рвали казавшихся непобедимыми тварей на куски и в израненный былой войной и бомбардировкой грунт летели куски мутантов, ошметки их крыльев, то, что несли вичухи в своих лапах, чтобы швырять в удирающую машину. Твари, не знающие страха, не сразу догадались, что впереди их ждет смерть. Они какое-то время продолжали лететь в сторону броневика, давая смерти собирать, свой богатый в эту ночь урожай.

Потом, они, наконец, поняли, что эта убегающая от них все время железная машинка, оказывается, огрызается, да так что уже все внизу устлано кусками павших сородичей. Началась карусель. Одни твари стали отступать, другие упорно летели на смерть, иные кружились на месте, видимо еще не определившись, что теперь делать. А Сергей тем временем продолжал свой методичный отстрел. Руины вокруг и ржавые корпуса машин озарялись ритмичными вспышками крупнокалиберного пулемета мгновенно переменявшего роли убегающих и преследователей, в охотников и жертв безжалостной расправы. Странник сидел на полу десантного отделения, зажав ладонями, уши и зажмурившись, морщился. Звенели падающие гильзы, и бряцала длинная лента патронов, подавая в разгневанную пасть КПВТ все новые и новые порции смерти. И смерть неминуемо настигала все новую и новую летающую тварь.

Вичухи наконец опомнились и стали отступать, в панике разлетаясь в разные стороны подальше от жуткого стального чудовища. Сергей прекратил стрелять, ловя в прицел последнего мутанта, который упрямо кружил над бесчисленными останками своих сородичей и неистово орал. Несколько раз, попав в луч задравшейся от неопишуемой езды БТРа по Московским улицам фары, монстр позволил Маломальскому сделать вывод, что это та самая особь, на которой он и Странник летели от дома композиторов. Конечно, могло быть еще много вичух таких крупных размеров с характерными наростами на голове, говорившими о его большом для данного вида возрасте, но сталкер отчего-то не сомневался, что это, то самое существо. Он убрал руку от оружия и продолжал смотреть в прицел.

- Убирайся. Не хочу быть неблагодарной свиньей. – Проворчал он в адрес мутанта.

И существо, выкрикнув что-то громко напоследок, полетело прочь.

- Вот и умница, - улыбнулся Сергей, затем нахмурился и добавил, - Чертов ублюдок.

Наконец наступила тишина.

- Все? - Тихо спросил Странник.

- Надеюсь, - ответил Маломальский и, убравшись от оружия, осторожно приоткрыл боковую дверь для десанта. Поправил на лице респиратор и вышел на улицу. Вокруг не было никого. Только развалины города и пни разоренного сквера. Привычный вид сгнивших автомобилей и изувеченного, вывернутого местами на изнанку асфальта. Небо на востоке занялось багровыми и фиолетовыми тонами. Близился рассвет. А значит новый день, сулящий человеку только очередную порцию ультрафиолета, солнечных лучей смерти и радиации.

Сергей забрался обратно в броневик. До него только сейчас дошло, что двигатель заглох еще во время стрельбы.

- Похоже, горючее кончилось. – Вздохнул сталкер, - С ездой по такой дороге, да еще без одного колеса, это не удивительно.

После этих слов, Сергей принялся обшаривать бронетранспортер в поисках полезных вещей. Конечно, уже то, что он угнал эту машину у какой-то сталкерской группировки, делало его практически вне закона. А раз уж точка невозвращения в данном вопросе пройдена, то позволив себе помародерствовать в угнанном бронеике, он вовсе не отягчал свое положение. И, по его мнению, не делал уже ничего зазорного в сложившейся ситуации.

Машина оказалась скудна на находки. Он обнаружил только аптечку и пригоршню патронов для пистолета. Однако только сейчас вспомнил, что свой пистолет он оставил в доме композиторов, что его сильно раздосадовало.

Обработав рану, Сергей принялся запихивать оставшиеся медикаменты в свой, опустевший после визита в Полис, рюкзак.

- Ух ты, а я и забыл про нее, - Усмехнулся он, извлекая со дна рюкзака «Майн Кампф». – Пожрать бы чего. Да, похоже, мы все растеряли там, когда концерт стигматам давали. Эх, черт. Странник, слышь?

- Чего? – его попутчик задумчиво смотрел на уходящую ночь через открытую дверь.

- Знаешь, о чем я долгие годы мечтаю?

- Нет, конечно. Откуда.

- О плитке шоколада. Настоящий черный шоколад. Без орехов и изюма. Натуральный черный. Который горчит. Вот мечтаю и все тут. Люблю шоколад. Когда вокруг то, что ты сейчас видишь, и понимаешь, что весь мир таким стал, и нет для тебя ничего кроме метро, то так ценишь все эти нелепые мелочи былой жизни, что чувствуешь, как сердце скулит. Потому и хочу шоколад, потому что знаю, что его давно и нигде нет, и не будет никогда.

- Доктор говорил, никогда не говори никогда, - Странник посмотрел на Сергея.

- Чудак твой доктор и идеалист.

- Может потому и нашел с нами общий язык? Может потому и хороший?

- Слушай, а что он ел? Ну, когда жил с вами.

- Еду, - Странник пожал плечами.

- Исчерпывающий ответ, - усмехнулся Маломальский. – Вообще-то, даже дерьмо становится едой с той секунды, когда ты начинаешь это дерьмо есть. Слушай, а вот этот, визгун. Он вкусный?

- Он вкуснее, чем кошка, - кивнул напарник улыбаясь.

- Вот зараза, - поморщился Сергей, вспоминая, как Странник пожирал в тоннеле кошку. – Ты мне аппетит испортил. Впрочем, это, наверное, будет кстати, учитывая что жрать особо нечего, да и времени нет. Рассвет скоро, и это очень плохо.

- Почему плохо, если день и солнце? – развел руками Странник.

- Ну, это тебе хорошо. А что мутанту хорошо, то русскому смерть. Ладно. Пошли. Тут до Чеховской рукой подать. А это уже метро. Хоть и четвертый рейх. – Сказав это, Сергей взглянул на свои ноги, которые были оголены до колен, поскольку он сам отрезал штанины,

избавляясь от липких пут пауков. – Я, наверное, так по-идиотски выгляжу, – покачал он головой.

- Точно! – Странник снова улыбнулся.

Маломальский посмотрел на него и сказал:

- Когда ты рядом, моего глупого вида никто и не заметит.

* * *

Череп недовольно брел обратно на свой пост. Его уже обругали за то, что он его покинул. И никто так и не объяснил толком, что за шум на станциях. Что за стрельба. Суета. Беготня. И почему до сих пор не вернулся его командир Гесс.

Череп шел к посту, созданному для охраны выхода на поверхность. Он задумчиво и разочарованно ковырял в носу, думая о том, что же происходит там в рейхе. Дойдя до поста, он поднял голову на эскалатор, часть просевших ступенек которого была давно заколочена досками. И тут же вскинул оружие.

- Стоять! – крикнул он двум спускавшимся по эскалатору людям.

Тот, что шел впереди, с неаккуратно обрезанными штанинами комбинезона, вытянул вперед руку, в которой висел на стальной цепочке сталкерский жетон.

- Пусти нас на станцию. Мы сталкеры. – Произнес Маломальский.

- А мне какое дело, – нахмурился Череп.

- Ты что, не знаешь межстанционного соглашения о статусе сталкеров?

- Да мне какое дело? Может ты подделал жетон.

- Ты дурак? Я его подделал, чтобы на поверхность выйти? И как я там проживу хоть минуту, если я не сталкер?

- А может ты шпион красный, а?

Сергей вздохнул, презрительно покачав головой.

- Сталкеры вне политики.

- Да откуда я знаю, что ты сталкер? – продолжал настаивать Череп.

- Так вот жетон, кретин чертов! Есть межстанционное соглашение! И ваш рейх подписался под ним! Сталкер находящийся на поверхности может найти укрытие на любой станции! И льготный транзитный проход через любую станцию!

- А второй? – Череп качнул стволом автомата и кивнул на Странника. – Это кто?

- Он тоже сталкер. Но жетон потерял. На нас мутанты напали. Еле отбились. Я вообще ранен.

- А откуда мне знать, что он тоже сталкер? И вообще вид у него какой-то. Эй! – нацист обратился к Страннику, – Ты похож на ундерменьша неполноценного! Чего молчишь?!

- Я? – Странник вышел вперед и как-то снисходительно улыбнулся, глядя на Черепу сверху вниз. Он смотрел на него так некоторое время, затем заявил:

- Я выше ростом. У меня светлее кожа. У меня на месте все зубы и нет плеша на голове и шрамов на лице. Кто из нас неполноценный?

- Ну, ты, полегче, свинья! – рявкнул Череп, щелкая затвором оружия.

Маломальский затолкал рукой Странника себе за спину и предупредительно поднял другую руку.

- Выстрелишь в сталкеров, и все сталкеры этого мира объявят бойкот четвертому рейху. Посмотрим, сколько вы протянете без торговли со сталкерами. Перестань валять дурака и пропусти нас. И вообще. У меня «Майн Кампф».

Череп опустил оружие и пугливо сделал несколько шагов назад, переводя взгляд с Сергея на Странника и наоборот.

- А это заразное что-то? – спросил он.

Глава 14. ГЛАЗА В ГЛАЗА

- Какова текущая ситуация? – Гаулейтер мрачно осмотрел собравшуюся в рейхсконцелярии, оборудованной в наиболее подходящем техническом помещении еще

много лет назад, верхушку четвертого рейха.

- Приличную толпу это подонок собрал. Но они ничего не делают. Он там орет как потерпевший. А они стоят и его слушают. – Проворчал начальник тайной имперской полиции. – Вооружены не все из них. Сдается мне, он сам боится вооруженных столкновений и хочет просто доводами переманить больше людей на свою сторону, когда нам уже и сопротивляться будет бесполезно.

- И такое возможно, что он переманит на свою сторону большинство? – гаулейтер нахмурился еще больше.

- Ну, - начальник «Гестапо» как-то растерянно пожал плечами. По всему было видно, что он не хотел произносить вслух то, что сказал, - Он ведь говорит популярные в народе вещи.

- Да дело не в том, что он говорит популярные вещи, ересь или вообще большевистскую пропаганду несет. Вопрос в том, что с нами теперь будет? – стукнул кулаком по столу министр культуры и пропаганды.

- Штурмовой легион верен нам до конца, - вытянулся по стойке смирно, сидя на стуле бригаденштурмфюрер, которого все называли Гейдрих за внешнее сходство с первоисточником. Такое же вытянутое лицо с крохотными, недобрыми глазами.

- Ты забыл, что Ганс тоже штурмпионер? – Невесело усмехнулся гаулейтер.

Гейдрих не нашел что на это ответить.

- Ладно. Впадать в пораженчество преждевременно и вредно, - гаулейтер поводил ладонями по столу перед собой. – По всему видно, что открытое столкновение нужно Гансу не более чем нам. Он этого боится. Не нужна бойня и нам. Будь нас великое множество, я бы не задумываясь, приказал выжечь весь этот сброд. Но у нас на счету каждый человек. Начнем новый штурм и больших жертв не избежать. Тогда нашим врагам просто останется потом прийти сюда со своим флагом и все. Так что нам делать?

- Может в переговоры вступить? – робко пожал плечами руководитель МИД.

- С кем, с этим уродом?! – воскликнул Гейдрих. – И тем самым показать нашу слабость перед ним?

- Решение не самое удачное конечно, - вздохнул гаулейтер.

- А может... - министр иностранных дел, уже было хотел что-то сказать, но осекся.

- Говори, - главный строго посмотрел на него.

- Да нет. Это я так. Не важно... - стал отмахиваться тот.

- Что за бабская манера? – зарычал шеф гестапо. – Сказал «А», говори «Б». Или ты не доверяешь товарищам по партии? – он угрожающе прищурился. – Или ты хочешь, чтобы теперь товарищи по партии тебе не доверяли, раз уж в твоей голове рождаются мысли, которыми ты боишься с нами поделиться?

- Нет, ну... - глава МИД моментально вспотел, - Ну, может нам запросить помощь извне?

- Что? – гаулейтеру показалось, что он ослышался. Все присутствующие уставились на МИДовца.

- Ну, я имею ввиду, запросим военную помощь у Ганзы. Или кшатриев с Полиса...

- Или красных комиссаров?! – Гейдрих поднялся со стула и навис над главой МИДа. – Ты что мелешь ничтожество!

- Да я... - МИДовец совсем задержался, - Ну я имел ввиду, что сказать им, дескать, у нас мятеж сторонников войны со всем метро. Если они победят, то всем не поздоровиться. Пусть пришлют подмогу. И сами с ними в бой вступят, а мы своих солдат под пули подставлять не будем... Я это имел ввиду...

- Объявить на весь мир, что мы у себя дома не можем сохранять имперскую законность и порядок?! Да я тебя расстреляю! – заорал гаулейтер.

- Волк, я ведь...

- Господин гаулейтер!!! Меня зовут господин гаулейтер!!! – Кричал главный поднимаясь со стула. – А ну встать!

МИДовец вскочил и вытянулся по стойке смирно, с ужасом глядя на то, как Волк выдергивает из кобуры свой старенький «Люгер».

- Пошел вон отсюда, пока я не продырявил твою башку!

Министр иностранных дел, быстро, как мог на ватных от страха ногах, развернулся и засеменил к выходу. Когда за ним захлопнулась дверь, гаулейтер сел на свое место и вернул оружие в кобуру.

- А не пойдет ли он сейчас от страха прямиком в стойло сторонников Ганса? – тихо проговорил шеф гестапо.

- Догони его и в профилакторий на карантин, до особого распоряжения, - приказал ему Волк.

- Сделаю, - главарь тайной полиции бросился догонять проштрафившегося министра.

- Ну, все-таки, что делать-то? – тихо, словно самому себе, произнес министр пропаганды.

- Может, пока Ганс там разглагольствует на митинге, снайпером его снимем? – предложил Гейдрих.

- Ага, и тогда это быдло начнет крушить все вокруг. – Покачал головой гаулейтер.

- А если выйти и сказать что мы с ним согласны и предложить ему пост в имперской канцелярии?

- Я уже думал над этим. Во-первых, после того как мы отдали его на растерзание Топору, не думаю что Ганс захочет с нами иметь дело. Во-вторых. Если мы согласимся с ним, значит, согласимся с тем, что немедленно надо начать войну. А мы не готовы. Это дикая авантюра.

- Но если мы убедим его повременить? – Гейдрих развел руками.

- Ты что, не видишь, что он спятил совсем? Ганс был слизняком неприметным. Все удивлялись, как он вообще штурмовиком стал. И вдруг он осмелился бросить вызов. И не кому-нибудь! Мне! Всему нашему укладу! Нашему порядку! – Волк завелся, говоря все громче. – У него с головой что-то и мы не сможем его убедить! И вообще! Никаких переговоров с предателем!

- А ты сам что предлагаешь? – подал, наконец, голос до сего момента молчавший комендант.

- Если бы я знал, я бы собрал вас здесь, бездельники чертовы?!

Дверь приоткрылась, и появился ССовец из личной охраны гаулейтера.

- Господин гаулейтер. Разрешите? Пограничники сообщили, что с поверхности пришли сталкеры. Двое.

- И что?! – рывкнул главный.

- Ну, так ведь есть указание, о прибытии сталкеров сообщать коменданту и бригаденштурмфюреру лично.

- Как их имена? – спросил Гейдрих.

- Сергей как-то... Маковецкий что ли. И контуженный с ним какой-то.

- Почему доклад не четкий?! – еще громче рывкнул гаулейтер.

- Прошу прощения. – Охранник вытянулся. – Но на посту их встретил Череп. Вы же знаете. Он тупой осел.

- Маковецкий? – Гейдрих поморщился. – А ты ничего не путаешь? Это вроде интеллигентик такой был. Актер или черт его знает...

- Кличка у него, не то Бумажник, не то Бумажкин. – Пояснил ССовец.

- Ах, вот оно что, - Гаулейтер усмехнулся. – Маломальский. Вот уж не думал. И что ему надо?

- На них мутанты напали. Согласно межстанционного договора о статусе сталкеров просит прохода в тоннели.

Гейдрих взглянул на главного.

- Может он знает что-то о судьбе пропавших парней, из которых только один Ганс и вернулся? – Тихо произнес бригаденштурмфюрер.

- Да вот, мне тоже мысль такая в голову пришла, - Кивнул гаулейтер. – Ладно. Господа. Вы пока свободны. Обо всех изменениях ситуации с Гансом докладывать немедленно. Но пока ничего не предпринимать. Охрана!

- Да, господин гаулейтер! – ССовец щелкнул каблуками.

- Давай сюда этих сталкеров.

* * *

Странный шум, доносившийся через межстанционный переход, было слышно даже в этом темном коридоре за железной дверью. Было, похоже, что там какой-то митинг. Что собственно не удивительно. На станциях с одиозными режимами, где во главу угла ставилось не банальное царапанье человека за выживание, а еще и некая глобальная идеология, это в порядке вещей. Однако почему межстанционный переход был перегорожен баррикадами, и там была масса элитных бойцов рейха в полной боевой амуниции? Это ведь он заметил краем глаза. И в рейхе царила какая-то нездоровая атмосфера. Ощущалось это явственно по нервозности и какому-то тревожному ожиданию нацистов. Им ведь даже глаза забыли завязать, что обычно практиковалось для транзитников и в рейхе и на красной линии.

И вот теперь, их завели за очередную дверь, украшенную распростертым орлом сжимающим лапами кольцо лаврового венка с трехконечной свастикой внутри.

Это было довольно просторное, по меркам метро помещение с длинным столом обставленным стульями. Вдоль стен железные шкафчики и знамена рейха. Позади восседающего за главным местом стола человека, стоял большой портрет Адольфа Гитлера (интересно, где они взяли такой портрет?), достающий от пола до низкого потолка. Освещение было здесь еще более сумрачным, чем в багряном полумраке станции. Небольшие газовые лампы с каким-то кофейным светом, лишь скудно освещали стол, хозяина и портрет за его спиной. Все остальное тонуло в сумраке и угадывалось лишь призрачными бликами.

- Какие люди, - усмехнулся гаулейтер. – Ну, здорова, Бумажник.

- И тебе хайль Гитлер, Волк. – Ответной усмешкой осветил его Сергей, - Или все-таки Вольф? Или Вервольф?

- Заткнись и присаживайся, - добродушно махнул рукой гаулейтер.

Маломальский сел на свободный стул перед гаулейтером.

- А вы, любезный, тоже садитесь. – Кивнул Волк Страннику. – К сожалению, не имею чести знать, кто вы такой. – Говорил он приветливо, однако, не убавляя властных ноток надменности, не давая гостям забывать, что они лишь случайные люди в империи высшей расы.

- Странник, - коротко ответил тот, садясь рядом со своим товарищем.

- Ясно. – Гаулейтер кивнул и, потеряв интерес к Страннику, обратил свой взор на Маломальского. – Ну, Серега. И каким подземным ветром тебя сюда занесло? Уж насколько я знаю, твоя толерантная натура всегда старалась обходить наш рейх стороной.

- Пути сталкера неисповедимы, - развел руками Сергей. – Всякое бывает в жизни.

- Ты еще скажи, дерьмо случается, подразумевая под дерьмом конечно необходимость спуститься с поверхности именно в рейх.

- Не язви, Волк. Сталкеры вне политики.

- Ну конечно, - ухмыльнулся гаулейтер, - вы же озабочены выживанием всех людей. Даже не задумываясь, что среди них есть сброд похуже мутантов.

Маломальского так и подмывало сказать: - «Это ты про себя?». Однако он сдержался, лишь улыбнувшись и небрежно положив на стол перед этим человеком книгу.

Волк несколько секунд смотрел на ее обложку. Затем брови его поднялись и, с каким-то благоговением взяв в руки «Майн Кампф», он бережно раскрыл ее.

- На русском языке?! – гаулейтер удивленно покачал головой. – Откуда? Что ты за нее хочешь?

- Отдам даром, если ты поможешь нам. – Сергей откинулся на спинку стула, положив ногу на ногу.

Волк привстал и склонился над столом, чтобы получше разглядеть обрезанные штанины комбинезона сталкера. Усмехнулся с издевкой.

- Эка тебя потрепало. Где штанишки потерял?

- Срезать пришлось. Арахна опутала ноги.

Гаулейтер вернулся на стул и снова покачал головой.

- Ты что, хочешь сказать, что вы живыми ушли от арахны?

- А мы что, неживые перед тобой сидим? Ушли.

Волк потер свои усы, улыбаясь.

- А вы часом, заразу к нам не занесли какую?

- Ты знаешь. По кодексу сталкера, если я своим возвращением с поверхности в метро, принесу угрозу людям, даже таким как вы, то меня расстреляют охотники.

- Даже твой дружок Хантер?

- Даже он. Кодекс создан для безопасности и выживания людей. А безопасность и выживание людей, важны гораздо больше жизни одного сталкера, который нарушит этот самый кодекс.

- Эх, Серега, Серега. Всегда не уставал восхищаться твоим благородством и твоим даром следопыта, способного проходить через тот ад что наверху. И я ведь всегда жалел, что ты не с нами. Сколько моих парней осталось бы в живых, будь ты их наставником. Слушай, - он скрестил руки на груди и подался вперед, - А может, коль уж ты здесь, подумаешь и сделаешь правильный выбор? Ты ведь сразу получишь высший чин и все сопутствующие привилегии. Всеобщее уважение. Красивую и чистую плодовитую женщину со всеми достоинствами. И подумай о перспективе. Когда наш крохотный четвертый рейх примет под свои знамена всех представителей истинного человечества и преобразится во всеобщий, последний, потому как вечный, глобальный пятый рейх. Подумай, какими благами ты будешь обладать. Но если не ты, то твои дети, рожденные чистой и здоровой самкой.

Сергей нахмурился и какое-то время, молча, смотрел на гаулейтера. Затем тоже подался вперед и пристально взглянул в его ждущие ответа глаза.

- И ты предлагаешь это мне, русскому человеку?

- Так ведь именно поэтому и предлагаю, - Волк широко улыбнулся.

- Вот как? – хмыкнул Маломальский после недолгой паузы. – А ведь ты это много кому мог бы предложить. И русскому, и немцу, и хорвату, и латышу, и грузину, и эстонцу, и армянину, и украинцу, и чеченцу и татарину. Да вообще, кому угодно. А знаешь почему? – он хлопнул ладонью по лежавшей на столе книге, - Потому что это заразно. Это очень заразно. Что может быть проще? Ненавидь врагов и бойся хозяев. Придумай и объяви виноватых и убивай. Не думай и не стыдись. За тебя думают и решают. Один рейх, одна раса, один фюрер. Один решает за всех. Один движет всеми. Судьбы всех, лишь стратегия одного. И нет человека. Нет личности. Есть безликая масса в иступлении тянущая руки. Идущая на смерть, во имя цели. Уничтожающая все вокруг во имя этой цели. И на всех один МОЗГ.

- Мозз, - тихо, так чтобы его слышал один Сергей, шепнул Странник. Он хорошо понимал, о чем речь. Возможно, он понимал это лучше чем сам Сергей.

- Только знаешь, что думает об этом всем, то русское, что есть во мне? – продолжал Маломальский, - То, что этих ваших рейхов, и так уже было слишком дохрена.

- А в тебе что, есть и нерусское что-то? – зло ухмыльнулся Волк. – Ты часом не полукровка? У тебя и фамилия такая уничижительная. Мало... мальский...

Сергей сжал кулаки.

- Был в Петербургской губернии кузнец Федоров. Богатырского роста и силы неимоверной человек. Одним ударом кулака быка с ног сбивал. А маломальская оплеуха взрослому здоровому человеку, отправляла последнего в глубокий обморок. Вот откуда берет моя фамилия начало. И прадед у меня такой был. В плену этом вашем, немецком был. Послал матерно вербовщиков от Власова, которые, то же, что ты мне сейчас, предлагали пленным в лагере. А потом бежал с товарищами. При этом голыми руками забил четверых

охранников. А потом в Берлине, на этом вашем рейхстаге написал то же, что сатрапам фашистским сказал тогда в лагере. Хер вам в гланды, а не Русь! Как видишь, Волк, я знаю свою родословную. Свою фамилию. И предков чту и историю знаю. И что твой Гитлер с моим народом и моей Родиной сделать хотел. А вы забыли все. Предали. Вычеркнули из памяти людской и генетической, что было в прошлом и в чем слава нашего народа. Так что не вышло бы из твоих ребят таких следопытов как я, даже если бы я наставником их стал. Просто склад мысли у вас не такой. Вы не чувствуете за своими плечами, выходя на поверхность, что там, внизу, позади, все что осталось от вашего мира. От вашей Родины и всей цивилизации. Вы не думаете, что путь к выживанию и пусть кажущемуся нереальным но, все же возможному возрождению, лежит в совместных усилиях всех людей. Фашист просто не может так думать. Ровно сто лет прошло с тех пор, как это ваш главный фашист до власти дорвался, а вы так ничему и не научились.

- Какое близорукое заблуждение. Мы не фашисты, а национал-социалисты.

- Да вы хоть эльфами, хоть стражами валгаллы назовитесь. Мне что Гитлер, что Шикельгрюбер. Все одно.

Теперь кулаки были сжаты у гаулейтера. Он свирепо смотрел в глаза Сергею.

- Ты хоть понимаешь, что только что нарушил кодекс сталкера? – прошипел он. – Вы же вне политики.

- Ой, Волк, только вот не надо шить черные брюки белыми нитками и брать меня на понт. – Отмахнулся Сергей. – Мы с тобой в приватной беседе. Я не проповедую у вас там на митинге. Не шпионю на другую станцию и не размахиваю другим флагом. Да любой сход сталкеров не признает меня виновным. Просто запретят мне дорогу в ваш рейх и все. А с тобой ни один посол разговаривать после этого не будет, если ты из личной и откровенной беседы строишь фундамент политического обвинения.

Уголок рта гаулейтера медленно пополз вверх. Он усмехнулся и в который раз покачал головой.

- А ты умница, Сергей. И все-таки жаль, что ты не с нами.

- Может, на этом разговоре точку уже поставим? Я ведь тоже жалею, что такой здоровый, крепкий мужик как ты, а заодно и кучка таких же крепышей, не с нами, а занимается черти чем. Но вербовать тебя я не собираюсь. Ты постарше меня и тебя не переделать. Ты давно свой путь выбрал. А я свой. Так что пустое все.

- Ладно. Хрен с тобой. Закончим этот разговор. Свободный проход в тоннели ты получишь. В любом направлении. Можешь катиться хоть к красным, распевать с ними в обнимку интернационал, пляши там, на станциях лезгинку со своими черномазыми друзьями. Жри лаваш с крысами и сделай себе обрезание. Каждому свое.

- Так тебе нужна эта книга?

- Говори цену.

- Мне информация нужна.

- Вот как? – гаулейтер хмыкнул. – Какого рода?

- Меня интересует один из ваших, которые за последние сутки был на поверхности. – Ответил Сергей.

Волк застопорил взгляд на золоченых буквах книги, стараясь ни чем не выдать то, что этот вопрос его мгновенно заинтересовал. Ведь именно Ганс, расшатывающий сейчас его власть, был единственным вернувшимся с поверхности гражданином рейха.

- Ты с какой целью интересуешься? – тихо спросил гаулейтер. – А ведь говорил, что не шпионишь на других. Как же мне такой вопрос расценить?

- Нас обстрелял ваш человек. – Сергей не хотел говорить о мозге и той опасности, что нависла над всеми оставшимися в этом мире людьми. Он помнил слова Странника о том, как на это могут отреагировать люди. И понимал что Странник прав. А еще Сергей понимал еще одну, очень простую вещь. Нацистов может заинтересовать мозг как биологическое оружие. Да не только нацистов. Кого угодно. Людей всегда интересовала в первую очередь перспектива нового оружия. И никакие доводы разума об угрозе человечеству роли не

играли никогда. Поверхность планеты Земля, и та мрачная безысходность, в которой люди прозябали, спрятавшись от смерти в метро, красноречиво говорили об этом.

- А с чего ты взял, что это был наш человек?

- Ну, я ведь не челнок какой-нибудь, фарцой да сплетнями живущий. Я опытный сталкер и знаю, кто такие штурмпионеры и как они одеваются.

- Ну, предположим, выходят наши разведчики на поверхность для исследований. Ты хочешь предъявить за обстрел? Так ведь он мог и не знать что вы сталкеры.

- Допустим, - Сергей кивнул. Он хорошо понимал что блефует. Человек, который открыл по ним огонь, когда они неслись верхом на вичухе, мог действительно стрелять не по ним, а по мутанту, на спине которого они сидели. И вообще этот стрелок мог быть не нацистом, а другим сталкером. Разглядеть стрелявшего ведь не удалось. И не факт что он носитель мозза. Однако по тем ответам, которые мог дать либо заретушировать в которых правду гаулейтер, можно было уже делать выводы и напасть на след, либо понять, что они идут неверным путем, - Тогда в кого он стрелял? Кто может быть из людей на поверхности? Кто, Волк?

- К чему ты клонишь? - Волк чувствовал какую-то хитрую игру в разговоре сталкера, однако он не мог понять его интереса. Понято что с Гансом что-то на поверхности произошло. Либо просто срыв психики на фоне гибели его товарищей. Но, похоже, что эти двое непрощенных гостей что-то знают. - Ты точно уверен, что видел именно моих людей?

- Я нашел останки двух убитых стигматами штурмпионеров.

У гаулейтера защемило сердце. Он представил как его товарищи, Гесс со своими помощниками, либо Рудель и Ульрих, гибнут от проклятых лап этих тварей.

- Где. Где ты их нашел?

- Дай карту, - Маломальский потер подбородок.

Гаулейтер поднялся и, подойдя к одному из железных шкафов, извлек оттуда карту. Развернул ее на столе. Сталкер быстро пробежал по ней глазами. Да. Нацист не дурак. Он дал ему обычную карту города, без каких либо пометок. Сергей достал из кармана комбинезона карандаш, нашел дом возле военторга и поставил на нем крест.

- Тут. В подвале. Ты так и не ответил. В кого он мог стрелять, если не в сталкеров? Кто может быть на поверхности из людей? Либо сталкер, либо штурмпионер, либо красный следопыт. Верно? В своих он стрелять не будет, конечно. Стрелять в сталкреов, нарушить приказ об их неприкосновенности, если конечно, ты не дал своим головорезам другого приказа касаясь нас.

- Были бы у меня другие директивы на счет сталкеров, ты и твой друг сейчас не сидели бы здесь. - Угрюмо ответил Волк.

- Ну, хорошо. Верю. Тогда кто остается? А остаются красные следопыты. Но у вас с красными заключен мир. Последняя ваша война потрепала изрядно и их и вас. Или вы охотитесь на них там, наверху? - Сергей после этих слов улыбнулся.

Однако в ответ гаулейтеру ничего не оставалось, как еще больше нахмуриться. Он быстро и небрежно сложил карту и подвинул «Майн Кампф» обратно к сталкеру.

- Забирай книгу и убирайся из четвертого рейха. Никакого разговора больше не будет. Еще один подобный вопрос и у меня не останется никаких сомнений, что ты лазутчик большевиков. А это значит, что ты уже не сталкер. И тогда на тебя обрушиться вся сила нашего закона о шпионаже. Понял?

- Мне эта книга не нужна. И меня не интересуют ваши темные дела либо отсутствие таковых. Меня интересует только один человек.

- Мы не сдаем своих. Если кто-то из наших стрелял по сталкерам, то мы сами его и накажем. Уходите отсюда.

- А мы не собираемся его наказывать. - Сказал вдруг Странник.

Волк перевел взгляд на него и поймал на себе его пристальный взгляд.

- Тогда что? - спросил гаулейтер.

- Скажите, после возвращения вашего человека с поверхности, он не умер?

- Что?

- Ну, вы не обнаружили его труп у себя, с кровью из ушей и носа и рта? И не пропал ли после этого кто-то из ваших?

- Бумажник, о чем это твой друг говорит, я не понял?

Сергей молчал. Он повернулся, смотрел на своего товарища и не знал что ответить. То, что Странник взял в разговоре инициативу на себя, его обескуражило.

- Есть болезнь, - продолжал Стран Страныч. – Там. Наверху. Человек заражается. Потом приходит домой. И заражает другого, при этом умирая сам. Потом другой заражает другого и умирает. Мы подозреваем, что ваш человек на поверхности заразился.

«Господи, зачем он все это говорит?» - в ужасе подумал Маломальский.

- Ничего такого у нас не было, - ответил Волк. Сам же он не переставал думать о Гансе. И о жуткой смерти Топора, которого просто загрыз этот бунтарь и потом просто отрезал ему голову. Может Ганс действительно болен какой-то болезнью?

- Тогда отчего кипишь у тебя на станции? – задал неожиданный вопрос Маломальский, решив, что вдвоем, будет легче выманить из нациста информацию.

- А вот это внутреннее дело рейха и вас не касается.

- Послушайте, - снова вкрадчиво стал говорить Странник, - Очень серьезно это. Это угроза многим из вас.

Волк задумался. Это действительно угроза. И возможно, руками этих сталкеров он сможет избавиться от Ганса, болен тот, или нет. Конечно, все усложняли те предатели, что примкнули к Гансу. Они будут его защищать и могут убить сталкеров. А это уже конфликт с братством. Разумеется, сталкеры не будут воевать с рейхом. Но эмбарго последует незамедлительно.

- А каковы симптомы этой болезни? – спросил гаулейтер у Странника.

- Что? – тот не понял вопроса.

- Ну, чем эта болезнь себя выдает?

- Мне надо только посмотреть этому человеку в глаза.

- И все? – удивился Волк.

- Да, - Странник кивнул.

Гаулейтер задумчиво забарабанил костяшками пальцев по обложке книги и после недолгой паузы крикнул в сторону двери:

- Охрана!

Глава 15. СМЕНА РОЛЕЙ

В дальнем конце платформы толпа периодически вскидывала руки и истошно вопила. Однако кто-то, дав им выпустить воздух из легких своим криком, буквально одним движением руки заставлял их замолчать. Толпа тут же стихала, и слышался было только гортанный крик оратора, скрытого спинами десятков мужчин, женщин, и теперь уже даже детей. Он начинал говорить после каждого всплеска эмоций толпы тихо и размеренно, и через несколько фраз срывался на крик. Из оборудованных в арках станции жилищ выглядывали люди. К толпе они присоединиться почему-то не решались, но вслушивались в возгласы оратора, жутковатым эхом, отражающиеся от свода и летящие в тоннель.

- Что за карнавал? Двадцатое апреля что ли? – усмехнулся Сергей. – А девятого мая у вас так же весело?

Огромный ССовец, с лысым черепом, на котором не знающее улыбок лицо было словно грубо высечено зубилом, оставляя догадки о монгольском следе в родословной, повернул медленно голову и глубоким, словно идущим прямиком из необъятных недр его грудной клетки голосом проговорил:

- Ты, сталкер, говори, да не заговаривайся.

Его называли Борман. У него была аккуратная черная борода, бронежилет одетый поверх накаченного до предела голого торса и вытатуированная свастика на левом виске. На

правом виске была татуировка в виде АК-47. А на огромном левом бицепсе еще одна свастика. Образованная изображением трех согнутых в локте рук, сжимающих друг друга за запястья.

- Да пошутил я. – Вздыхнул Маломальский. – Ты, земляк, не напрягайся, а то бронезилет лопнет.

Борман ничего не ответил и толкнул локтем Странника.

- Слышь, костлявый. Ну, разглядел что?

- Плохо. Ближе надо. Я не вижу. – Ответил Странник.

- Ближе? – Борман нахмурился и почесал свою бороду. – Стойте тут и не рыпайтесь. Я сейчас приду. Штольц. Эй, Штольц! – Он стукнул второго ССовца кулаком по стальной каске. – Не спи обморок!

- Чего, - недовольно буркнул едва не упавший от удара Штольц и принялся растирать заболевшую шею.

- Присмотри за этими дурнями. Ни шагу в сторону. Я сейчас приду. Из пилон не высовываться. Ясно?

- Понял.

* * *

Гаулейтер, стоявший в переходе, сжимал пальцами сигарету, держа ее прямо перед лицом вытянувшегося по стойке смирно штурмовика.

- Ты сожрать это не хочешь?! – Рывкнул Волк. – Кто еще не знает, что я дыма сигаретного не выношу, а?!

- Простите, господин гаулейтер, - пробормотал штурмовик. – Очень захотелось. Это нервы.

- А если у тебя нервы, не стальные канаты, то какого черта ты делаешь в элитных войсках?!

- Этого больше не повторится, господин гаулейтер.

Волк еще какое-то время сверлил его злым взглядом, затем швырнул сигарету подальше и отвернулся. Штурмовик тут же кинулся за сигаретой. В нынешних условиях, никотиновая зависимость среди многих людей делала эту отраву очень дорогой и ценной роскошью. Цена на одну сигарету достигала иногда целого патрона.

Гаулейтер прошел мимо отряда бойцов и остановился, когда в проходе показалась громадная фигура Бормана.

- Ну, что там? – нетерпеливо спросил Волк.

- Господин гаулейтер, эти придурки ближе хотят подойти. Нихрена, говорят, не видно.

- Я с самого начала сказал, что это пустая затея, - проворчал министр пропаганды, стоявший в стороне.

- Министр, вы ставите под сомнение целесообразность моих решений? – Волк взглянул на него угрожающе.

- Прошу прощения. Я имел ввиду затею сталкеров. – Виновато ответил главный пропагандист рейха.

Волк подошел к нему и тихо, на самое ухо, сказал:

- Тщательно выбирай слова, дружище, или отправлю тебя в петушиный куток прямоком к министру иностранных дел. – Затем он прошел мимо Бормана и выглянул на платформу.

- Господин гаулейтер, это опасно! – Воскликнул Гейдрих.

- А кто-то считает меня трусом? – не поворачиваясь, ответил Волк, наблюдая за тонущим в полумраке подземелья митингом на том конце станции.

Он хмурился, напрягая зрение и вглядываясь в толпу тех, кто его предал. Ситуация казалась практически патовой. Ганс орал там что-то. Эти его слушали. Политический режим не решался начать карательную операцию против смутьяна. Все упиралось в небольшие объемы четвертого рейха и скудные людские ресурсы. Ну и во враждебное окружение конечно. Всюду буржуазные ростовщические режимы и самый ненавистный,

большевистский колосс. Трудно было поверить, что всего один человек мог разрушить шлифуемые долгие годы устои и нести такую угрозу. Трудно было поверить, что только один человек мог одной лишь патетикой манить к себе людей и заставить их в исступлении кричать и тянуть руки. Но этот невзрачный до недавнего времени, и малоприметный молодой штурмовик оказался именно таким человеком. И с этим надо было что-то делать. Во что бы то ни стало надо выходить из опасного тупика. Больше всего Волк опасался того, что к Гансу мог примкнуть кто-то из старших чинов тайного ордена «Аненербе». Они были одни из немногих посвященных в поиски мифического метро-2. Тайных бункеров властителей прошлого. Военных комплексов. Хранилищ стратегических запасов пищи, медикаментов и спецпрепаратов, оружия. Всего того, что нужно для выживания и сохранения власти хозяев страны на случай самого страшного периода, то самого, который настал много лет назад. Именно верхушка «Аненербе» вела работы по поиску специальных бронированных вездеходов, разработанных для условий постядерного мира, и по некоторым сведениям хранившимся где-то в этих бункерах. А наличие таких машин, не только власть над поверхностью, а значит и диктат над всеми жителями метрополитена. Это возможность дальней экспедиции в сакральные практически для каждого нациста четвертого рейха земли бывшей Восточной Пруссии. Где то там, в недрах выжженной теперь Калининградской области таились подземные города третьего рейха, которые, наверное, посещал даже сам Адольф Гитлер. Легенды гласили, что по сравнению с подземным миром третьего рейха, московское метро было лишь кротовой норой. И было уже давно не важно, видел кто-то этот таинственный и легендарный мир. Важно то, что в это верили. И Волк, служивший когда-то в тех краях, уже на объемах одного только подземного хранилища боеприпасов, оборудованного в построенных еще немцами бункерах, мог быть уверен - это малая толика того, что существует под толщей бывших прусских земель. Гаулейтер был уверен, что там люди не выжили. Когда началась война, сокрушительный удар от врагов России по торчащему нарывом анклаву среди входящих в НАТО стран последовал незамедлительно. А потом, когда эта территория была наводнена вражескими войсками, по ним, скорее всего, нанесла удар и Россия. Но близость морских вод, по его мнению, могла быстрее минимизировать последствия ударов оружия массового поражения. А если кто и спрятался в подземельях восточной Пруссии, то их, скорее всего, мало и не составит большого труда их порабощение. Волк давно грезил идеей колонизации тех подземелий. Создания там новой Швабии. Центра возрождения и экспансии высшей расы. И скрытые под землей запасники министерства обороны, наверняка до сих пор хранившие тысячи эшелонов боеприпасов и оружия для активного участия в мировом Армагеддоне, были бы тому лучшим подспорьем. И вот теперь, когда Ганс расшатывал фундамент порядка четвертого рейха, он угрожал и монополии Волка на эти безумные мечты.

Так что теперь делать? Сталкеры хотят подойти ближе? Они явно знают больше, чем говорят. Однако внимание надо не на этом акцентировать, а на поисках выхода из кризиса. Что, если позволить им подойти ближе к митингу? Это может спровоцировать Ганса на агрессивные действия? Уже не один человек подошел к толпе, и присоединился к ней без каких либо претензий со стороны толпы предателей. Но если Ганс действительно стрелял по сталкерам на поверхности, то, быть может, у него к ним какие-то счеты?

Волк сосредоточенно думал, почесывая указательным пальцем усы и большим пальцем подбородок. Его не заботила судьба этих двоих, но вот последствия их гибели на территории рейха могли быть далеко идущими и неприятными. Скрыть их гибель едва ли удастся. Среди граждан рейха есть информаторы сталкеров. Наверняка.

Гаулейтер вернулся в проход и окинул взглядом столпившихся там людей. ССовцев, штурмпioniеров, руководителей рейхсканцелярии и ждущего ответа великана Бормана.

- Комендант, - позвал Волк.

- Да, господин гаулейтер.

- Немедленно уберите заставу из тоннеля, который ведет на Лубянку. Вообще чтоб ни одного человека не было на пути в тоннель. И обязательно убрать проволочные заграждения

и растяжки.

Комендант вытаращил глаза и огляделся. Затем снова уставился на Волка.

- Как? Но там же, за тоннелем, советы!

- Я, твою мать, знаю об этом! Выполняй приказ! Три минуты даю! – Зарычал гаулейтер.

- Слушаюсь! – недоумевающий комендант схватил одного из своих помощников за плечо и бросился прочь, увлекая того за собой.

- Гейдрих! Эй! – Волк приготовился отдать следующее распоряжение.

- Да, слушаю. – Тот быстро подошел к гаулейтеру.

- Быстро возьми за горло этих бездельников из дипломатического корпуса. Дай им охрану и немедленно отправь в Полис. Там они должны будут встретиться с консулом большевиков и передать заявление. Запомни, что сказать и вдолби им в головы до последней буквы и интонации. Мы, четвертый рейх, верны букве нашего договора о мире и ненападении с красной линией. Однако группа реакционных заговорщиков, желающих войны между нашими великими антибуржуазными режимами подняли вооруженный мятеж. Мятеж нами подавлен, однако группа бунтарей-террористов ушла от нашего правосудия в тоннель и их нападение на пограничников станции Лубянка не имеет никакого отношения к политике и намерениям четвертого рейха. Это не объявление войны, поскольку те люди не представляют четвертый рейх. Это банда распоясавшихся разбойников и их судьба, в случае их пленения, целиком и полностью принадлежит военному трибуналу красной линии. Ты все запомнил?

Гейдрих опешил и, его реакция на сказанное практически ничем не отличалась от недавней реакции коменданта.

- Прости, Волк, но как это понимать? Какое нападение на Лубянку?

- Понимание воли вождя, есть акт веры, а не логических умозаключений. – Гаулейтер хмуро посмотрел на Гейдриха, - Сомневающиеся сейчас стоят там и слушают этого ренегата Ганса. Ты недавно заявил, что штурмовой легион предан нам до конца. А ты?

- Я же с тобой с самого начала, Волк.

После этих слов гаулейтер схватил бригаденштурмфюрера за отворот его черного мундира и притянул к себе.

- Тогда выполняй приказ, - зашипел он, - А поймешь ты все позже.

- Да но... Тоннель что ведет в Полис опасен. Ты ведь знаешь. Там и обрушение может быть в любой момент. Может тогда напрямую к советам парламентариев отправить? На Охотный ряд.

- Мы уже лет десять ждем, что тоннель рухнет. И ничего. А если я правильно оцениваю обстановку и предполагаемый ход событий, то наших парламентариев Охотный ряд встретит пулеметным огнем и никакие белые флаги не помогут. Ты понял меня?

- Я понял, - Гейдрих кивнул.

- Тогда выполняй.

- Слушаюсь.

Волк проводил его взглядом и нетерпеливо поманил рукой шефа тайной полиции.

- Слушай меня внимательно, - быстро и негромко стал говорить ему гаулейтер. – Расставь стрелков с пулеметами в пилонках. Если вдруг, толпа бунтарей кинется на сталкеров, бойцы должны будут отсекают их огнем и прикрывать бегство сталкеров. Людей с оружием там, в толпе, меньшинство. Так что скорее это буде просто погоня. Главное не дать догнать им сталкеров. В другом случае, огонь не открывать и толпу не провоцировать. Но и не давать им растекаться по рейху. Они должны будут все уйти в тоннель.

- То хочешь использовать сталкеров как наживку и натравить ублюдков Ганса на них. А те побегут в коммунакам и бунтари напорются на пулеметы красных? – шеф гестапо ухмыльнулся.

- Именно. – Волк кивнул.

- Да ты гений. Еще и красных погранцов по случаю покровсают.

- Был бы я гений, подход бы только Ганс, - поморщился Волк. – Где вещи сталкеров?

- Вот. Я принес как ты и сказал. – Шеф гестапо показал на лежащие у стены два рюкзака и автомат.

Гаулейтер взял в руки оружие.

- Рожок полный? – спросил он.

- Нет. Семь патронов только. Я проверял.

Тогда Волк быстро отстегнул рожок и бросил на пол. Затем бесцеремонно выдернул из подсумка ближайшего штурмовика полный и снарядил им автомат.

- Да, но... - шеф гестапо хотел было сказать, что нехорошо иноземцам отдавать боеприпасы солдат рейха. Но гаулейтер не дал ему договорить.

- Закрой рот и начинай расставлять людей.

Взяв вещи сталкеров, Волк подошел к Борману и протянул их ему.

- Отдашь им.

- Я понял, - кивнул Борман.

- И вот еще что. Если они хотят подойти ближе. Пусть подойдут. Но запомни. В случае чего, ты должен будешь защитить их. Дать им бежать от этой толпы. Защити их даже ценой своей жизни. Ты понял?

Борман не изменился в лице. Просто стоял и молча взирал на своего господина. Затем тихо произнес.

- Я готов отдать жизнь за вас. За рейх и нашу идею. Но за этих недомерков...

Волк схватил амбала за бронежилет и встряхнул.

- Это и есть то, что нужно нашему рейху. Это во имя нашей нации. И это мой тебе приказ. Я надеюсь на тебя. Ты понял?

Борман дернул головой и вытянул правую руку, нависшую в нацистском приветствии над гаулейтером как перекладина виселицы.

- Я все сделаю!

- Ступай!

* * *

А нужен ли биологический рост и деление? Мозз впервые усомнился в важности своей первичной цели. Да. Он может достигнуть яслей. Он может поразить мозг одного ребенка врагов и стать вдвое больше. Затем разделиться на две части и поразить еще двоих детей. Это уже четыре. И, в конце концов, будет легион, способный охмурить разум людей, чтобы начать достижение своей следующей цели – порабощение мира. Но что если кто-то из некогда единого целого, разделившегося на бесчисленное множество, мозза восстанет против его воли, как он в симбиозе с носителем восстал против воли господ этого рейха? Мозз вдруг подумал, что когда части его, уже ставшие самостоятельными после роста и деления, начнут управлять своими носителями, то и там может возникнуть опасный для его планов симбиоз. И сейчас, когда он видел что может поработать людей без прямого контакта, а посредством слов, взывающих к обуревавшим людей инстинктам, то нападение на ясли можно отложить. Сейчас важнее и перспективнее заражать людей идеей. Харизмой совей необузданной лжи, ненависти, и решимости поставить окружающий мир на колени. Люди ведомы. Людям нужен корм. Они питаются ненавистью, как он страхом носителя. И он один способен влиять на их порывы и мысли. Мозз верил, что он велик. Он верил, что он исключителен. И это ли не лишнее доказательство того, что лишь его сущность достойна того, чтобы судьба всего мира была вверена лишь ему одному? Ганс окинул взглядом толпу, в исступлении орущую и тянущую руки после очередной порции слов. Их стало больше. Все больше людей заражены. Вон и еще приближаются к ним четверо. Ганс, стоя на импровизированном пьедестале в виде деревянного ящика, улыбался, чувствуя себя избранным для великой миссии, и ощущая, что его господин, поселившийся в голове, доволен результатом. Хорошо. Очень хорошо!

- Наши идеалы и устремления преданы забвению! Нас кормили пустыми обещаниями и говорили нам о грядущем! Но где оно?! Запомните! Судьба будущего, и то, каким оно будет, вершиться здесь и сейчас! В этот самый момент и именно вами! Вы кузнецы настоящего,

железного рейха! В ваших руках сила и воля взять то, что принадлежит нам по праву! И я не обещаю вам, что что-то вам дам, как это обещали вам предавшие нашу идею, изнеженные мнимой безопасностью после сговора с врагами властители четвертого рейха! Я ничего не собираюсь вам дать! Ждать исполнения обещаний и ожидание милостыни, есть удел слабых и недостойных! Я ничего вам не собираюсь обещать! Я ничего вам не даю! Я лишь скажу вам – **ВОЗЬМИТЕ!** Сокрушите слабых! Обратите заблудших! Этот мир принадлежит нам по праву избранных! Так нечего ждать, когда нам кто-то что-то даст! Жизнь – есть борьба! И лишь в борьбе мы урвем жизненное пространство и ресурсы, которые по дикой, несправедливой воле низшего отребья и мутантов, а так же по причине инертности и бездеятельности наших трусливых начальников принадлежит сейчас не нам! Так возьмите это! Вы сильны и негибаете! Вы избранные!

И снова восторженные вопли. Вскинутые руки. Улыбки, словно от сладкого дурмана, подвергшихся гипнотизму этих слов людей. И снова Ганс стал с удовольствием окидывать их взглядом, готовя очередную порцию наркотической инъекции его речи. Он снова обратил внимание на тех четверых. Они не дошли до толпы его сторонников и стояли теперь в стороне. Почему? Ганс посмотрел на них внимательнее и вдруг замер. Среди них его ВРАГ! И его человеческий приспешник! Они здесь! Они все-таки живы! И они все-таки нашли его!

* * *

- Ну? – тихо спросил Сергей. – Чего молчишь, Стран Страныч? Он это или нет?
- Не торопись, - медленно и тихо проговорил Странник.
- Ты только скажи. Я ему башку в дуршлаг превращу.
- А что такое дуршлаг? – спросил Странник.
- Ну, ты даешь, дружище... Я говорю, только дай знать и я его грохну.
- Я что-то не понял, вы больного диагностировать должны или мочилово тут устроить?
– проворчал позади Борман.

- Не вникай, земляк, - бросил через плечо Маломальский.

Человек, на которого пристально смотрел Странник, возвышался над толпой на две головы. Видимо он стоял на чем-то. Сейчас толпа снова визжала, а он сканировал ее надменным взглядом. Но вдруг его взор устремился на Странника. Оратор переменялся в лице и приоткрыл рот.

- Это он, - выдохнул тут же Странник.
- Точно? – Сергей напрягся и поднял дуло автомата. Однако напарник положил на него руку.

- Нет. Сергей. Ты не понял. Убьешь человека. Но не мозг. Мозг найдет другой. Но сейчас мы знаем его в лицо.

- Да вы о чем толкуете, вашу мать? – нахмурился Борман.

Тем временем Ганс вытянул руку и, указывая на них пальцем, истошно завопил:

- Взять их! Это враги! Убейте их!

Толпа затихла и обернулась. Они еще не до конца осознали отданную команду и смотрели на Маломальского, Странника, Бормана и Штольца.

Борман схватил их и затолкал себе за спину.

- Бегите отсюда, живо, - прогремел он на них, обернувшись и щелкая затвором автомата.

- Страныч, что делать-то? – Сергей уставился на своего товарища.

- Убейте их! – заорал еще громче Ганс, и толпа пришла в движение.

- Бежать! – Странник схватил Сергея за руку и, увлекая за собой, бросился в обратном направлении.

- Стоять всем! – разнесся по станции громогласный голос Бормана. – Буду стрелять на поражение!

На толпу, с шумом бросившуюся догонять сталкеров, это не возымело никакого действия.

Раздался одиночный выстрел. Пуля лязгнула по бронежилету. Борман чуть качнулся и

дал длинную очередь от бедра. Пять человек покатались по полу станции. Кто-то спрыгнул с платформы на пути и спрятался там от пуль ССовца.

- Беги, Штольц! – Борман толкнул напарника и сам бросился бежать за сталкерами.

Штольц был не так силен, и бежать в бронежилете ему было гораздо тяжелее. Он отстал от Бормана и позади кто-то дал короткую очередь ему по ногам. ССовец упал, перевернулся на спину и, вопя от страха, стал стрелять по надвигающейся лавине людей. Успел убить троих, пока толпа не настигла его. Несколько ударов ногой по голове. Еще удар выбивший автомат из рук. Затем выстрел в лицо. Кто-то поднял оружие мертвого Штольца и погоня за сталкерами продолжилась. Сам Ганс так же бежал в толпе, стараясь держаться строго в плотном центре защищаясь от возможных пуль чужими телами. Он хорошо понимал, что отставать от толпы ему никак нельзя. Его непременно убьют.

Еще несколько пуль лязгнуло по пластинам бронежилета. Одна прошила плечо и одна вонзилась в бедро. Борман зашатался, завел ствол автомата назад и принялся палить вслепую. Маломальский обернулся и, видя, что происходит с ССовцем, кинулся назад.

- Морда фашистская, ты быстрее бежать не можешь? – Он попытался закинуть руку хромающего Бормана себе на плечо, чтобы помочь двигаться дальше. Но нацист оттолкнул его.

- Идиот! Беги! Беги отсюда! Ну!

- Пропадешь, балбес!

- Проваливай!!! – Борман направил автомат на Сергея. – Живо!

А толпа неумолимо приближалась. Снова выстрелы. Очередь прошила ССовцу ноги и еще одна пуля вспорола шею. Борман упал на колени. – Беги, - прохрипел он.

- Прости... - И Маломальский кинулся изо всех сил догонять Странника.

Они попытались забежать в межстанционный проход, но тот ошетинился десятками стволов.

- Назад! Сюда нельзя! – Заорали штурмовики.

В толпе показался Волк. Он выдвинулся вперед.

- Серега! Бегите в тоннель! И на Лубянку! К красным! Вы сталкеры и они вас пропустят! А этих перестреляют к чертям! Тоннель чист!

Сергей, догнавший своего друга, подхватил Странника за локоть и бросился к тоннелю без лишних слов.

Борман сделал несколько шагов, ковыляя на коленях. Выстрел патроном калибра 7.62 пробил бронежилет как картон, и пуля вошла в легкое. ССовец дал назад еще одну очередь, не глядя, куда стреляет. Рожок опустел. Он выронил автомат и посмотрел вперед. Там, в проходе, он разглядел гаулейтера.

- Ему помочь надо! – Воскликнул кто-то из штурпioniеров.

- Нет! Толпа пока бежит прямо за сталкерами! Не надо их провоцировать! Надо чтоб они вышли в тоннель! – закричал Волк.

Борман, глядя на гаулейтера, вскинул руку. Было это прощальным нацистским жестом приветствия командира, или отчаянным жестом мольбы о помощи, уже не разобрать. Еще две пули вошли Борману в затылок, на выходе разворотив лицо, и ССовец упал ничком. Тут же десятки пар ног стали пробегать по бездыханному телу этого великана.

Личная охрана гаулейтера, видя приближения человеческой массы. Подхватил его, и потащила в безопасное место, подальше от платформы.

- Тех, кто отстанет от толпы, расстреливать на месте! - орал Волк, перед глазами которого еще стоял облик опущенного на колени, истекающего кровью и вскинувшего на прощание руку Бормана. – Женщин и детей из этой толпы, вешать под потолком станций, чтобы другим не повадно было! Пусть висят, пока не завоняют!

Толпа уже ворвалась в тоннель. Позади загрохотали выстрелы. Войска рейха выдвинулась в след бунтарям, и открыли огонь в спину удаляющейся человеческой массе. Ганс старался бежать как можно быстрее, чтобы удалиться на безопасное расстояние от станций рейха. Эхо выстрелов и смерти неслось чудовищной волной им в след. Гансу было

неописуемо страшно. А мозг упивался этой сладкой пищей человеческого страха. Беги, если хочешь жить! Или я найду себе другого носителя! Беги!

И Ганс бежал, ведомый страхом и волей мозга.

* * *

Рана, нанесенная стигматом, стала жечь, заливаемая соленым потом. Сергей тяжело дышал, но старался не сбавлять темп. Это было сложно в темноте. Но фонарь он включать не хотел. Это была бы отличная мишень в тоннеле. Позади слышался шум преследовавшей их толпы.

- Слышь, Стран Страныч. Я ни черта не пойму. Как мы мозза собираемся остановить? Как это мы охотимся на него, если сейчас уносим от него ноги?

- Не болтай. Тратишь силы. – Просопел в ответ Странник каким-то злым и раздраженным голосом.

- Но, а потом как? Все насмарку? Столько его догоняли и теперь бежать? А потом как?

- Мы его в лицо знаем. Он не будет менять носителя. Он нашел способ, и эти воспринимают его образ. Другой носитель, уже другой образ. Ему это пока ни к чему. Придется начинать все сначала. Останавливаться все равно нельзя. Их много.

- Но это я понимаю... А как потом быть?

- Без огня все равно мозз не убить. Много огня.

Неожиданно, Сергей услышал, что Странник остановился.

- Ты чего? Устал совсем? – спросил Маломальский, тяжело дыша и перевалившись ладонями в свои колени.

- Нет мозз. Вы мозз. – Зло ответил Странник.

- Чего?

- Вы. Люди. Вы и есть мозз. Я людей как доктора думал знал. Но доктор был хороший. Но я не думал что люди не такие как он. Вы и есть мозз. Все зря.

Сталкер прикинул, где стоит его напарник и припомнил его рост. Затем размахнулся и влепил ему пощечину. Вроде попал.

- Мне еще истерик твоих не хватало, хипанутый мутантище. – Зарычал Сергей и, на ощупь, схватив Странника, потащил его за собой, в сторону станции Лубянка, подальше от настигающей безумной толпы.

Странник что-то невразумительное бормотал и безвольно ковылял рядом, ведомый Маломальским.

- Прости брат. Но ты вынудил. Возьми себя в руки. Ты мне нужен. Если не ради людей, то ради этого своего доктора, возьми себя в руки. – Шептал ему Сергей, ускоряя темп.

Глава 16. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДЕЛА

Затяжные пробежки являлись делом весьма трудным. В этом мире бег был явлением достаточно редким. Иногда обстоятельства заставляли бегать. Особенно сталкеров на поверхности. Но, то были короткие пробежки до ближайшего укрытия или до ближайшей станции. В остальных случаях беготня на поверхности была опасной, поскольку привлекала к себе внимание мутантов. Что до кроссов по тоннелям, то это было так же рискованно. Разве что дети иногда бегали по платформам станции, если они были достаточно здоровыми, чтобы двигаться подобным образом, гоняясь друг за другом во время игр в салки. И то, взрослые всегда ругались на них за это.

Ярким примером служила история Мишки Злого. Это был матерый сталкер, за чьими плечами многие десятки благополучных выходов на поверхность. Казалось, ничто его не берет. И боялась сама смерть. Но однажды, его нашли мертвым в тоннеле между заброшенной Тургеневской и Китай-городом. Расследование, проведенное сталкерами, выявило всю нелепость его гибели. Судя по следам в вязкой влажной каменной пыли тоннеля, он бежал. Неизвестно, правда, от чего он бежал, или, наоборот, за чем. Но очевидно, что бежал. Довольно долго. А потом споткнулся, упал и разбил себе голову о стальной рельс.

Сергею вспомнилась эта история многолетней давности, и он как назло стал цепляться ногами за шпалы. Не хватало еще повторить трагическую судьбу легендарного сталкера. К счастью, нацисты, что продолжали за ними погоню, не были суперменами и мастерами бега на длинные дистанции по тоннелям. Они до сих пор не догнали. Более того. Дистанция стала значительно больше. Очевидно, когда солдаты верные гаулейтеру стали стрелять в спину ринувшимся в тоннель бунтарям, последним пришлось прятаться в бетонных ребрах и отстреливаться, что снизило их темп и дало Сергею и его другу фору.

Сергей старался не думать о том, а что если выстрелы штурмовиков настигли того несчастного, в чьей голове нашел свое очередное пристанище мозг. Если такое случилось, то снова придется искать того, кто мог стать новым носителем. А вся эта охота на непонятное и очень опасное творение катастрофы, уже порядком надоела. А еще и это непонятное состояние, в котором находился сейчас Странник...

Он постоянно что-то бормотал себе под нос на совершенно непонятном Сергею языке. И сталкеру все время приходилось увлекать напарника за собой, держась за него руками. Как только он отпускал Странника, тот сразу же останавливался и стоял как вкопанный. Хорошо еще, что он не сопротивлялся стараниям Сергея, как можно быстрее достигнуть красной линии и тащить за собой этого пришельца с поверхности.

Вскоре, Маломальский вдруг осознал, что отчетливо видит шпалы и рельсы в непроглядной тьме подземелья. Причина оказалась проста и радостна одновременно. Уже был виден тусклый призрачный свет в конце тоннеля. Бездымный огонь в бочке пограничного рубежа и красноватый свет станции, уместный в коммунистическом государстве как ни на какой другой станции метро.

- Ну вот, Стран Страныч. Дошли. Давай. Поднажми чуток. Я задолбался тебя уже тащить.

- Стоять! – слышалось впереди. – Остановиться, живо! Вы подошли к государственной границе Союза Советских Социалистических Станций!

- Мы сталкеры! – выдавил из последних сил Сергей, дав петуха и захлебнувшись сухим кашлем на последнем слог.

- Поднять руки! Медленно подойти!

- За нами гоняться, - прохрипел сталкер.

- Что он там говорит? – слышался другой голос. – Их там двое?

- Вроде да.

- Перебежчики, небось. Хреново им в рейхе, - это был уже третий голос, говоривший с насмешкой.

Впереди была видна какая-то самодельная мотодрезина, сооруженная из узлов и агрегатов автомобиля. На ней возвышался пулемет. Из-за дрезины показался человек, медленно идущий им на встречу и целящийся в сторону непрошенных гостей из ружья.

- У меня жетон, мы сталкеры. Пропустите нас скорее. За нами гоняться. – Устало проговорил Маломальский.

- Ко мне. Живо. Руки держать над головой. – Четко приказал облаченный в старую шинель пограничник.

- Скорее. Пожалуйста. Мало времени. – Сергей и Странник послушно побрели к человеку с ружьем.

- Разберемся. - Проворчал пограничник.

Когда они подошли к дрезине, появились еще двое в шинелях. Бесцеремонно сдернув с пришельцев автомат и рюкзаки, они принялись обыскивать Сергея и Странника.

- Скорее. Вызовите подмогу. За нами гоняться. Их много и у многих оружие.

- Кто за вами гонится? – Спросил первый, продолжая держать их на мушке.

- Нацисты. Вы что, шум из тоннеля не слышите?

- А с чего они за вами гоняться, если вы сталкеры? Ваш нейтральный статус ведь только шпана уголовная да каннибалы не признают. – Это сказал четвертый пограничник в старой зеленой фуражке с красной звездой. Он сидел на дрезине, за бронешитком и до сих

пор его видно не было, пока он не высунулся из-за укрытия.

- Одержимые они. Они и вас не пощадят. Вызывайте бойцов сюда срочно. Ваш кордон они просто сметут.

- Чепуха, - усмехнулся человек в фуражке. — У нас с рейхом договор о ненападении.

- Ты что, идиот? — воскликнул Маломальский. — Был уже один такой договор! Вообщедохрена договоров было! В том числе и с теми, кто Москву да всю Россию стер с лица земли! Тут умные среди вас есть или нет?! Они не представляют рейх! Они одержимые!

Человек в фуражке прыгнул с транспортного средства и подошел к ним. Теперь на его шинели была ясно различима красная повязка с белой надписью «Комиссар».

- Это оскорбление советских пограничников при исполнении, между прочим. — Угрожающе сказал он. — Ты часом не фашистский провокатор? Хочешь спровоцировать нас на враждебные действия и нарушение союзом дипломатического договора? Типа, мы купимся на то, что это не люди рейха, а какие-то психованные террористы?

- Товарищ комиссар! — воскликнул один из бойцов, что обшаривал вещмешки.

- Что там?

- Вот. Взгляните. — И боец протянул комиссару книгу. Сергей повернул голову и с изумлением обнаружил, что это тот самый томик «Майн Кампф». Человек в фуражке взял его в руки и усмехнулся, покачав головой.

- Волк, тварь, - выдохнул Маломальский и комиссар тут же, наотмашь, ударил его книгой по лицу.

- Я вас, вонючих политических провокаторов, за версту чую, - с нотками торжества в голосе проговорил он.

- Это подстава! — воскликнул Сергей.

- Уведите их в комендатуру. И это передайте, - комиссар брезгливо всучил одному из бойцов «Майн Кампф». — Пусть решают, что делать с этими гнидами.

Два бойца водрузили на плечи рюкзаки и автомат пленников и ткнули своим оружием в спины Странника и Сергея.

- Идти вперед. Руки не опускать. Не оборачиваться.

Повинуясь, пленники пошли к платформе. Зловещий шум из тоннеля был слышен уже отчетливо. Толпа, ведомая человеком-мозгом-фюрером, приближалась.

- Комиссар! Не будь бараном тупорылым! Вызывай вооруженных красноармейцев! Вас сейчас убьют и хлынут на станцию!

- Скворцов! Заткни им рты, чтобы они на станции свою провокационную пропаганду не орали! Еще панику поднимут среди населения, чего доброго! — крикнул вдогонку комиссар.

- Есть! — крикнул один из бойцов и стал доставать из кармана грязные куски тряпок, видимо намереваясь использовать их как кляпы.

А тем временем шум неистовых нацистов уже был совсем рядом.

- Внимание! Вы приближаетесь к границе Союза Советских Социалистических Станций! — услышал Сергей голос комиссара, усиленный жестяным рупором. — Остановитесь!

- Убери от меня эту дрянь, - Поморщился Маломальский, отшатнувшись от грязной скомканной тряпки, которую пограничник уже собрался запихнуть ему в рот.

- А прикладом в зубы не хочешь?! — рявкнул боец.

- В твои зубы? Давай приклад, уговорил.

И в тоннеле открыли огонь. Шум выстрелов ворвался на станцию, и было слышно, как пули лязгают по бронешитку дрезины. Два бойца резко развернулись, в сторону заставы, тревожно переглядываясь. Недолго думая, Сергей развернул к себе лицом того, у кого на плече висел его автомат, и с размаху врезал ему головой по переносице. Тот рухнул на красно-черный гранит станции, и автомат остался в руках сталкера. Второй пограничник отпрыгнул и поднял винтовку, наставив ствол на Сергея и передергивая затвор. Странник вовремя схватился руками за ружье и задрал его вверх. Грянул выстрел. Пуля влетела в потолок и посыпалась штукатурка. После выстрела, Странник одернул руки и уставился на

свои отбитые выстрелом ладони. Боец тем временем ударил его плоскостью приклада по голове. В тот же миг, точно такой удар, нанес бойцу своим автоматом Сергей. Тем временем первый боец, пришел в себя. Вскочил и набросился на Маломальского сзади, обхватив его руками и стараясь повалить. Сергей резко дернул головой назад, и врезал пограничнику затылком по уже и без того пострадавшему носу. Тот снова рухнул на гранитный пол. Из глаз пограничника хлынули слезы.

- Падла фашистская, - прорычал он, выдергивая нож из сапога. Однако Сергей наступил ему на руку, прижимая ее к полу, и склонился над пограничником.

- Баран! Беги за подмогой! Здесь же сейчас резня будет! Они вам двадцать второго июня сейчас устроят! – Маломальский убрал руку. И боец тут же вскочил и накинулся на него. Сергей парировал атаку, отведя руку с ножом в сторону, и отправил бойца в нокаут ударом кулака.

- Ну что за ишак упрямый!

Тем временем второй боец дернул его снизу за ноги и сталкер повалился на первого. Второй пограничник уже занес свой нож. Однако обернулся из-за неожиданного похлопывания по плечу. Обернувшись, боец увидел приклад своей винтовки, который тут же с треском врезался ему в зубы. Это был Странник.

На заставе грохотал пулемет. Оттуда бежал объятый ужасом комиссар.

- Это провокация! Не поддаваться! – истерично вопил он.

Снова шквал автоматных и ружейных выстрелов. Град свинца, бьющий по дрезине. Пулемет смолк. Раздались победные выкрики нацистов.

- Стран Страныч! Хватай того! А я этого! Надо утащить их подальше, иначе их разорвут сейчас!

Толпа врагов хлынула на станцию. Комиссар уже сорвал с себя повязку и отбросил в сторону фуражку. Решив, что убежать от агрессоров ему не удастся, он упал на колени и, развернувшись, поднял руки.

- Я сдаюсь! Я сдаюсь, не убивайте! Я против большевиков! Я против совка!

Один из нацистов прошел его очередью из автомата. Другой, пробегая мимо, проломил комиссару голову куском стальной трубы.

Тем временем Сергей и Странник достигли уже жилого участка станции.

- Люди! У кого оружие выходите! У кого нет, бегите! – орал Маломальский.

Из палаток и будок выскакивали ничего не понимающие люди. Мужчины, женщины, дети старики. Нацисты заполонили уже всю платформу и с дикими воплями неслись на них.

Странник тащил бойца, у которого все еще висели на плече их рюкзаки. Он пристально смотрел в толпу и, видимо искал взглядом носителя мозза. Сергей же ругал себя за то, что оттаскивая пограничников, они не прихватили с собой их винтовки. И сейчас у одержимых фашистов на два ствола будет больше. Так и есть. Вот двое подобрали оружие.

Из ближайшей к агрессорам палатки выскочил какой-то старик, на ходу надевая старый ватник. Один из нацистов с разбегу прыгнул. Сбивая его ногами с ног, и несколько раз ударил старика куском арматуры по голове. Убедившись в смерти несчастного, он бросился дальше. К женщине из соседнего жилища, которая выбежала, прижимая к себе тряпичный тюк с вещами. Она кричала что-то в распахнутую палатку. Кого-то звала. Нацист с выражением дикого наслаждения на лице, проломил ей голову. Затем, то же самое сделал с выскочившим вслед за убитой уже женщиной ребенком.

- Ну, нет! – зарычал Сергей и отпустил находившегося без сознания пограничника. Вскинув автомат, встал на одно колено и, сняв оружие с предохранителя, сталкер прицелился.

- Сергей. Бежать надо. – Дернул его за плечо Странник.

- Последней мразью буду! – выкрикнул Маломальский и отправил одиночным выстрелом пулю в голову тому неистовому наци. Фашист дернул прострелянной головой назад и упал уже мертвый. – Уходи Стран Страныч! Это не твоя война! Это человеческие дела! Вали отсюда!

Один из пограничников пришел в себя и бросился бежать. Сергей с ненавистью на лице проводил его взглядом, видя как у того на спине болтаются их рюкзаки, и снова вернулся к поиску цели. Еще один выстрел. Нацист упал и жутко заорал от боли. Похоже, попал куда-то в печень. Второй пограничник тоже зашевелился. Маломальский ожидал уже, что он так же бросится наутек. Но нет. Тот, лежа на полу, осмотрелся, держась рукой за голову. Затем резко расстегнул ремень и пока наматывал его на кулак, сбросил с себя шинель. Вскочив, он кинулся навстречу врагу.

- За нашу Советскую родину! – кричал боец. – Смерть фашистским оккупантам!

Замотанным в ремень кулаком он разбил лицо одному из нападавших.

- Назад! Дурак! – Крикнул Сергей и подстрелил очередного нациста, кинувшегося с заточкой на пограничника.

Боец размотал ремень и стегнул им еще одного нападавшего, выбив ему пряжкой глаз. Дальше он уже ничего сделать не смог. Выстрел из обреза двустволки разворотил ему спину. Тело отчаянного пограничника тут же исчезло в толпе надвигающейся массы фашистов и мечущихся в панике жителей приграничного района станции. Мимо просвистело несколько пуль. Сергей уже не мог стрелять, поскольку все смешалось. И мирные люди и избивавшие их агрессоры.

- Черт! Ну, где же мастная армия! – прорычал Маломальский. – Странник! Отходим!

Они кинулись в сторону трех эскалаторов, ведущих в верхний вестибюль. Краем глаза, Сергей заметил, что дальше впереди, на путях стоит еще одна дрезина. Заметно крупнее той, что на заставе. Возле нее столпилась группа из пяти красноармейцев. Они судорожно водили стволами своего оружия, кустарного производства, но так и не решались стрелять. Риск попасть в гражданских был велик. В их сторону, быстро как мог, ковылял одноногий старик с костылем.

- Укатите дрезину отсюда! – орал он красноармейцам. – Укатите к такой-то матери! Если хоть одна пуля попадет в бочку с напалмом, нам всем конец!

Бегущий рядом Странник схватил Сергея за руку.

- Напалм! Ты слышал?!

- Да слышал я, слышал! Я же говорил, что у красных он есть!

- А если...

- Ты дурак?! – Маломальский не дал ему договорить. – Если рванет, то сторим и мы, и нацики, и мирные люди, и воздух до ближайших станций, на которых удушье начнется! А ведь не факт что мозз в этой толпе!

Бойцы стали откатывать дрезину назад. В них уже стреляли, и они прятались за лобовым стальным щитом.

- Куда же вы отступаете, трусы?! – раздавались крики из толпы избиваемых и гибнущих гражданских.

До эскалаторов оставалось несколько десятков метров, как вдруг оттуда донесся какой-то шум. И практически сразу по ступенькам хлынула лавина крепких мужчин. Почти все они были облачены в черные одежды, распахнутые на груди и демонстрирующие тельняшки. У многих на головах были черные, либо голубые береты. У некоторых морские бескозырки.

- Братцы! – кричал себе за плечо бегущий впереди этой массы высокий крепыш, сжимающий в руке деревянную биту, утыканную на конце гвоздями. – Биться будем врукопашную! Там много гражданских и стрелять нельзя! Отстоим наше отечество от говняной, коричневой нечисти!

По соседнему эскалатору бежал какой-то кривоногий низкорослый чиновник в очках и размахивал кипой бумаг.

- Товарищ нарком! У нас же договор! Это какая-то ошибка или провокация! Надо вести переговоры! – покрикивал он.

- Пошел на хрен, упырь кабинетный! Я с фашистами никогда переговоров не вел и вести не буду! Братва! Полундра! Пленных не брать!

И братва подхватила боевой клич с такой яростью и решимостью рвать врага на

мелкие лоскуты, что испуганно отпрянули даже красноармейцы на дрезине. Черная волна в тельняшках хлынула на гранитный пол и с жутким гулом от топота кованых сапог и армейских ботинок с высоким берцем, рванулась вперед в едином порыве.

- Кузнецов! Кузнецов!!! – крикнул Сергей, предводителю этого черного урагана ярости, узнав в нем главного идеолога местных сталкеров, которых здесь называли красными следопытами. Однако тот, полностью поглощенный атакой, не обращал внимания ни на что постороннее. Две толпы вклинились друг в друга, и началось жуткое побоище. В ход пошло все. Заточки, арматура, трубы, палицы, кулаки, ремни, ноги, зубы. Вся и без того наполненная шумом станция теперь словно раздувалась под давлением яростных криков, воплей неопишемого ужаса и боли, мольбы о помощи и пощаде, и ударов всех подручных средств по живой плоти. Брызжащая кровь, падающие тела, хлюпанье подошв в красноватых лужах. Все смешалось воедино.

- Страныч, стой здесь! – крикнул Сергей напарнику, отдавая ему автомат и извлекая со штанины свой разводной ключ. – Я нашим помогу, а ты не лезь!

Во всей этой суматохе, Маломальский не заметил, как к ним быстро приблизилась группа из восьми человек. И среди этой группы был тот самый пограничник, который убежал от них.

- Вот эти гады! – Воскликнул пограничник, указывая пальцем на Сергея и Странника.

Теперь сталкер обратил на них внимание. У всех кроме того бойца были красные повязки с черной надписью – «Внутренняя безопасность». Они резко подняли стволы оружия. У двоих автоматы Калашникова. У одного ППШ и у остальных что-то кустарное, изготовленное уже в постыдном метро.

- Вы арестованы! – рявкнул главный, в кожаной черной фуражке, натянутой на самые брови. – Сдать оружие и руки вверх! Следовать за нами!

- Да вы охренели что ли?! – Воскликнул Маломальский, - Там люди ваши насмерть стоят! А вы тут... Да за что?!

- Вы обвиняетесь в провоцировании вооруженного конфликта, попытке распространить в Союзе Социалистических станций запрещенную нацистскую литературу, в нападении на советских пограничников, оскорблении представителя закона в лице красного комиссара погранзаставы.

- А то, что ваш комиссар оказался шкурой и предателем?! А?!

- Молчать! Вы продолжаете оскорблять теперь уже память героически погибшего комиссара!

- Что?!

- Я повторять не буду, сволота! Сдать оружие, руки в гору и за мной, скот!

Сергей едва сдерживался от непреодолимого желания двинуть этому вертухаю гаечным ключом промеж глаз.

- Мы сталкеры! И я требую встречи с наркомом Кузнецовым! Но поскольку он занят боем сейчас, спасая ваши лоснящиеся шкуры, то я требую встречи с командиром отряда красных следопытов имени Феликса Дзержинского, Никитой Коллонтаем! И с посланцем Ганзейского кольца!

В руке человека в фуражке блеснула хромированная сталь револьвера. Он наставил ствол оружия прямо в лицо Сергея и прошипел:

- Ты сейчас с Гитлером своим встретишься, паскуда.

- Скажи Сергей, а ради кого мы пытаемся остановить мозз? – Тихо и обреченно проговорил Странник.

- Не суди по анусу, обо всем организме, дружище, - проворчал Маломальский в ответ.

* * *

- Не сидеть! Не лежать! – рявкнул охранник через узкую решетку железной двери камеры. Изолятор для временно задержанных находился в одном из технических помещений станции.

Ноги жутко ныли, как и рана, оставленная на память стигматом. Однако Сергей

поднялся с холодного каменного пола. Странник вообще стоял неподвижно, словно ему и не надо было никогда сидеть или лежать. А собственно, присесть или лечь тут, можно было только на пол. Больше ничего не было в этой камере. Четыре стены. Пол. Потолок. И они двое. Сергей устало подошел к двери, маленькая решетка в которой была единственным источником скудного мрачного света подземелья в этой темнице.

- А не послать ли мне тебя куда подальше? – сказал он охраннику.

- Отойти от двери! – рявкнул надзиратель. – Я сейчас костоломов позову, они тебе быстро почки отобьют!

- Позови Никиту Коллонтая, придурок.

- Считаю до трех! Два уже было! Отойти от двери!

Ничего не оставалось, как подчиниться. Маломальский, молча, отошел. Судя по звуку шагов, отошел с той стороны и охранник.

- Мне надо уйти из метро, - тихо проговорил Странник, глядя в пол.

- А как же мозз? – угрюмо проворчал Сергей.

- Я сделал ошибку. – Мотнул головой Странник. – Я думал, вы все, такие как доктор. Но вы... Доктор говорил симбиоз. Я знаю, что такое симбиоз. И потому мозз шел к вам. Вы идеальные для мозз. Ваш симбиоз. Как же вы можете так поступать друг с другом? Мутанты, звери... Они жрут друг друга. Как арахна своих самцов. Или рухх своих самых слабых детей. Или хнет своих родителей. Но, то мутанты. Звери. Инстинкты. Дикое пожирательство. А вы? Вы возводите истребление себе подобных, в степень великой идеи. В суть воспитания масс. В главенствующие принципы единства общества. В аксиому своей безопасности. Как такое может быть? И если вас сделала такими катастрофа то, что тогда сделало катастрофу? ВЫ! А значит, вы не были лучше.

- Как интересно. – Усмехнулся Маломальский. – Еще пару дней назад ты двух слов связать не мог. А сейчас такая велеречивость.

- Я знал ваш способ говорить. Доктор учил человеческому языку. Но когда его не стало, я был один. Я долго был один. Это были годы. Языковая память постепенно делает свое дело. Но постичь весь ужас того, что из себя, оказывается, представляет человек, я не могу.

- Ну, пока человек жив и борется за выживание, у него есть будущее. А значит все еще впереди. Может, ты торопишься с выводами? Может, мы станем лучше?

- Впереди что? Новая катастрофа? Истребление всего что осталось?

- Не окрашивай все в один цвет, Стран Страныч. Ты делаешь роковую ошибку...

- Я ее уже сделал, когда поставил на вас и на спасение человеческого рода от мозз! Но меня должна беспокоить только безопасность моей семьи! И вы угроза для моей семьи. И мозз не надо овладеть вашим разумом, потому что вы уже такие! Ему надо только показать вам дорогу в обиталище моих сородичей!

- В таком случае меня, как человека, заботит безопасность моего, человеческого рода. И если ты выберешь путь для истребления людей, в целях безопасности своих, то тогда начни с меня. Но имей в виду, что я буду огрызаться и бороться за свою жизнь и существование всего человечества. И если не ты убьешь меня, то я убью тебя. Я верю в человека. Да многие из нас пугающе жестоки и безнравственны. Да, мы были такими и до катастрофы. И когда там, наверху, кипела человеческая жизнедеятельность, а здесь, в метро, люди просто ехали на работу, или по домам, или в гости, или за покупками, находились те, кто жестоко и бессмысленно их уничтожал, Закладывал бомбы в вагоны. Взрывал ни в чем не повинных людей. Или бродили толпы бритоголовых, в поисках одиноких жертв, хоть как-то непохожих на них. Но были люди, которые вставали на защиту невинных, даже понимая, что это будет нести угрозу и им. Были люди, которые выстраивались в очередь, чтобы сдать свою кровь во имя спасения пострадавших от стихийных бедствий или терактов. Были люди, которые лезли в огонь, во имя спасения других. И в такое человечество я верю. Потому что люди. Настоящие люди. Были, есть и будут.

- Вы заражаете страхом, Сергей. Среди вас даже звери боятся. И я чувствую, как страх

подбирается ко мне. Но нам нельзя бояться. Но это невозможно, быть бесстрашным, среди людей. То, что вы делаете, страшно.

Маломальский пристально вглядывался едва различимый силуэт своего напарника. Он искал, что на это ответить. Но вдруг произнес совершенно неожиданное:

- Это не твое лицо. – Да, Сергей почему-то вспомнил, что Странник в первый раз отчего-то напомнил ему сгинувшего Сеню Кубрика.

- Не мое, - тихо ответил Странник, после долгой паузы.

- А чье?

- Первого человека, которого я видел, перед тем как прийти в ваш мир. Первое, после доктора. Но доктор был давно. А этот человек. Он погиб у меня на глазах. Я не мог ему помочь. Но и других человеческих лиц я не знал. Только доктор и тот. Но от доктора осталась лишь светлая память, а не детали его лица. Ты можешь в точности вспомнить лицо того, кого давно нет, но кто был тебе очень дорог?

Сергей прикрыл глаза. Он пытался вспомнить Риту. Но тщетно. Он помнил только нежность. И боль. Но ее лик растворялся в тумане прошлого. В копоти катастрофы. В полумраке метро...

- Нет.

- Вот видишь.

- Тогда какой ты настоящий? Как ты мог получить чужое лицо?

Странник повесил голову.

- Доктор называл это – мимикрия. У нас очень пластичные и подвижные мышцы лица. Но сами мы... Безлики. Тебе лучше не видеть, какой я на самом деле. Тогда тебе будет также страшно, как мне от людей.

Снаружи послышались шаги, которые отвлекли узников от беседы. Громкие шаги и тихий обмен фразами двух людей. Затем зазвенели ключи и дверь открылась. На пороге стоял невысокий, с тонкими усиками, седой человек в сером камуфляже.

- Бумажкин. Какого хрена?

- Никита? – Сереге прищурился, присматриваясь к человеку, который был освещен только со спины. – А ты, какого хрена?

- Я слышал, что ты тут. И делов натворил.

- Я делов натворил?

- Ну а кто же? – хмыкнул Коллонтай и, обернувшись, небрежно бросил охраннику. – Иди, покури пока подальше отсюда.

Ждем продолжение....

2010 год

